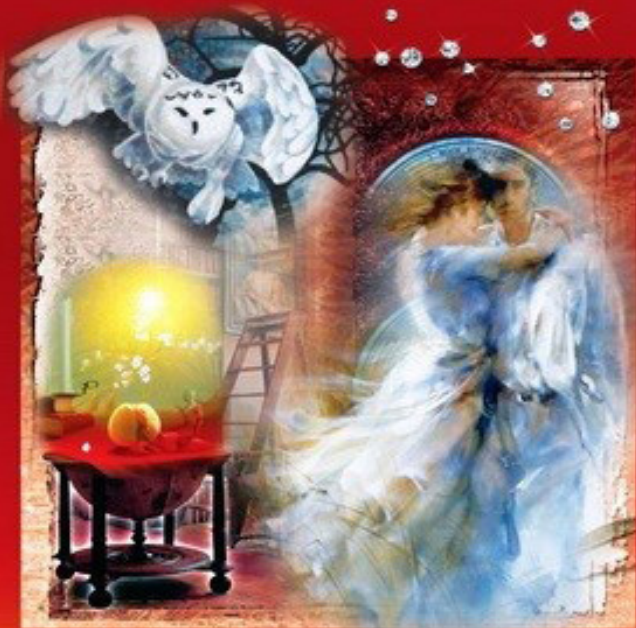

БЕЗ Олег Ёлшин ВРЕМЕНИ

Современный женский роман

Олег Игоревич Ёлшин

Без времени

Текст предоставлен правообладателем

Без времени: 2013

ISBN 978-985-549-677-0

Аннотация

Он и Она – извечная тема. Два человека проживают обычные жизни, превращая их в будни, топчут время свое, не задумываясь ни о чем. Как просто, когда времени остается много, а “тот” берег далеко. Уже десять лет они вместе, но только стены надоевшей квартиры объединяют их. Надоевшие завтраки и ужины, надоевшая постель. Они даже забыли имена друг друга, у каждого свои желания, мечты, своя жизнь. Все обыденно и просто, все до боли знакомо – все как у всех. Но беда помогает им заметить друг друга и встретиться вновь. Неожиданно Он узнает, что времени этого осталось не так много. У Нее страшная неизлечимая болезнь. Собственно, болезнью не назовешь. Просто Она проживает жизнь быстрее, чем прочие люди. Теперь Она находится в другом измерении, в своем времени. Ее день равняется целому году жизни нормального человека. И вот уже первые морщинки и седые волосы, а ей всего 30. Их время сжимается в один короткий месяц, за который нужно успеть многое, успеть сделать то, что не смогли за целых десять лет. И начинается стремительный полет. Они несутся

по короткой жизни, пытаясь наверстать, снова замечают друг друга, знакомятся, вспоминают имена, привычки, вспоминают, что любили друг друга когда-то... Нет, не любили. Только сейчас учатся это делать и ценить каждое мгновение.

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	78
Часть 3	154

Олег Ёлшин

Без времени

Жизнь коротка, искусство вечно.

Нужно овладеть искусством жить.

Жан Луи Барро

Часть 1

1

Он сидел в небольшом уютном ресторанчике, занимая столик у самого окна, и не обращал внимания на меню, давно лежащее перед ним. Вокруг пустые столы, размеренно снующие официанты, редкие посетители, за окном унылый осенний дождь. Люди в зале лениво жевали, вяло разговаривали, курили. Курили в той части зала, которая была отведена для курящих, и сизый дымок сигарет переплывал в зону для некурящих посетителей. Те дышали этим смогом, вдыхая его аромат, что, по-видимому, отнюдь не смущало их. Достаточно было таблички, на которой значилось, что столы их находились в зоне для некурящих.

Официант уже несколько раз прошелся мимо, желая принять заказ, но человек не обращал на него никакого внимания, впрочем, как и на остальных в этом зале. Наконец, оторвавшись от созерцания унылого дождя за запотевшим окном, пристально уставился на девушку, сидевшую напротив.

Девушка была какой-то необычной, воздушной и прозрачной. Она совсем не походила на людей в этом зале, ее словно легким ветерком занесло сюда. Присутствие ее от-

личала какая-то нереальность. Она была словно из другого времени, другой жизни, планеты, другого измерения. На ней был надет по такой непогоде странный летний сарафан, кожа была загорелой, а глаза светились теплой улыбкой. Ее глаза с какой-то пронзительной нежностью смотрели на этого осеннего человека, и он не мог оторвать от нее взгляда. Он любовался ею, отдаваясь всецело созерцанию юного существа, и временами казалось, что это мираж, сказка – сейчас она вспорхнет и улетит, растворится в голубоватой дымке сигарет, в осеннем дне, растает в холодном дожде. И поэтому он, не отрываясь, вглядывался в ее удивительные синие глаза цвета морской волны. Волны, когда предгрозовое море становится черным, иссиня черным, и уже готовится нетерпеливо накатить на берег, снося и низвергая все на своем пути. Но, пока оно только готовилось к буре, и частичка лета мерцала, улыбаясь в ее волшебном взгляде. Жаркого, сумасшедшего лета, которое хотелось удержать, продлить на всю долгую жизнь и раствориться, оставшись там навсегда...

Официант, не выдержав, снова подошел и задал вопрос:
– Что будем заказывать?

Человек коротко бросил через плечо:
– Водки, ... 200 водки...

Больше не проронил ни слова, лишь продолжал смотреть на нее. Эти черные с синеватой поволокой глаза, эти иссиня-черные колодцы притягивали. Как хотелось броситься на их глубину, не думая ни о чем, раствориться в холодной во-

де, и будь что будет... А девушка только улыбалась. И тогда он подумал:

– Если бывает сказка, она должна быть именно такой.

Машинально сделал глоток из рюмки, в которую из графина уже налили холодной водки. Удивился неожиданно резкому привкусу, посмотрел на официанта, тот тоже выжидающе уставился на него. Человек снова отвернулся, устремив взгляд на девушку.

– Сказка! – вспомнил он. – Эта девушка, ее удивительные невинные глаза, хрупкий стан, облаченный в летний, старомодный, открытый сарафан... Такое сейчас не носят, – подумал он, и посмотрел на холодную улицу за окном, поливаемую дождем. Впрочем, какая разница, сейчас это не важно – носят, не носят. И снова эти глаза напротив, частичка моря и лета, жаркого и бесконечного.

Как хотелось просто взять ее за руку, провести по маленькому трапу и шагнуть на борт корабля. Небольшого суденышка с белыми парусами, где будут лишь они вдвоем, ветерок, развевающий ее длинные черные волосы, и море, бесконечное, синее, и эти глаза. Корабль, где будут только они вдвоем...

Он долго сидел и цедил водку. Когда небольшой кувшинчик оказался пуст, внимательный официант подошел снова: – Что-нибудь еще? Сделаете заказ?

– Водки, – повторил человек, – еще 150.

– Ждете? – переспросил официант, – может, пока немного

закуски?

– Ничего не нужно! – возразил тот, потом добавил:

– Жду, ... пока еще жду.

Снова уставился в холодное, запотевшее окно. Потом перевел взгляд на девушку. Она стала другой. Исчез тот легкий, воздушный сарафан, улетучился беспечный удивительный взгляд, который еще мгновение назад так волновал его. Теперь это была взрослая, зрелая женщина. Лицо было покрыто слоем косметики, а глаза, те удивительные глаза, предвестники скорого шторма или морской бури, были подведены черной тушью. Но даже не это было важно. Исчезло то мимолетное волшебство, что таилось в них. Это море и запах соленой воды, синий отблеск набежавшей волны, который готовился превратиться в черный, безумный. Этот цвет бездонного колодца исчез, и больше не хотелось броситься и раствориться, согнуться в зияющей пустоте неизвестности. Только сизое облачко сигаретного дыма. Женщина курила и спокойно на него смотрела. На ней был теплый костюм, который, согревая, не давал замерзнуть в этой дождливой осени, и потухший взгляд красивых глаз. Спокойный, рассудительный, до боли знакомый и пустой.

– Написать ей письмо, – подумал он, выпив еще рюмку, поморщившись от горького привкуса, к которому привыкнуть невозможно, и начал писать, иногда прорывая мягкую салфетку насквозь.

“Говорить такое трудно и невозможно, поэтому пишу. Если сказать это вслух, все равно не услышишь или на каждое слово найдешь десяток в ответ. Просто, все куда-то делось, все исчезло, растворилось. Знаешь, как тяжело иногда бывает смотреть на твою спину, согнувшуюся над компьютером, потом на безмолвную фигуру у телевизора. На женщину, готовящую еду, уходящую на работу, уходящую навеки. Уходящую, уходящую... А когда она возвращается – все сначала. Снова потухший взгляд, еда, бессмысленное кино и ледяная постель. Там холодно и одиноко, как в могиле, но почему-то работает телевизор. Два охладевших тела смотрят в него, потом засыпают. Или не засыпают вовсе... Знаешь, что такое слышать стук своего сердца? Когда лежишь в темноте и слушаешь этот проклятый звук, и клянешь, чтобы все остановилось, замолкло. Какой-то длинный темный тоннель, а в нем зачем-то бьется эта неустанная мышца. Гулким эхом отражается, заполняя всю комнату, и заснуть невозможно. И заглушить его нечем, слова сказать некому, только этот размеренный стук, а завтра все сначала... Ты даже не захотела мне родить ребенка... Я больше так не хочу”.

Он допил водку и поставил точку в письме, пригвоздив салфетку к столу. Официант вновь подошел:

– Что-нибудь еще?

– Нет, ничего, больше ничего...

– Не пришла? – бестактно, но с сожалением спросил он, взглянув на пустое место напротив его клиента. Место дей-

ствительно было пустым. Весь вечер на этот стул так никто и не присел.

– Так бывает, – подумал официант, – очень часто именно так и бывает.

– Нет, – резко ответил человек, потом устало добавил, – с чего вы взяли,... и не должен был никто прийти... Счет, пожалуйста...

Потом вышел из ресторана и нетвердой походкой отправился к стоянке такси. Дождь был морозящим, это был тот самый дождь, который не кончается никогда, он медленно, капля за каплей, орошает все вокруг, висит в воздухе, заполняя пространство мелкой пылью из воды и городского смога, сигаретного дыма и испарений. Он не даёт тебе поднять головы и посмотреть туда, где должно быть небо и солнце или звезды, все зависит от времени суток. Но, у этого дождя не бывает времени, только пасмурное небо и промозглый туман. И он не даст тебе разглядеть что-то еще. Будет морозить, помогая забыть лето, которого, скорее всего, и не было никогда, глаза, которых, наверное, тоже не было, черно-синюю набежавшую морскую волну и корабль с белыми раздувающимися парусами...

Она стояла на корме парусника, и, цепко держась за перила, вглядывалась в бесконечную даль океана. Стояла так уже целую вечность и смотрела туда, где небо соединялось с беспокойными волнами, где кончалась земля и начиналась

какая-то другая стихия, другая жизнь. Ее длинные черные волосы развевались на беспокойном ветру. Солнце вставало из-за горизонта, освещая утренними лучами водную гладь, начиная новый день над бесконечной синей равниной. Наступало то единственное мгновение, когда оно еще касалось горизонта, но уже готово было оторваться, устремиться на высоту, чтобы залить весь этот водный мир ослепительными лучами, подарить тепло и жизнь, и любовь. Этот миг был маленькой короткой сказкой, и сказку эту подарил ей Он. В такие мгновения не существует ни прошлого, ни будущего, есть только настоящее. Этот ослепительный миг и он твой... И Его тоже...

Только, почему-то он не шел. Он находился то ли в трюме этого маленького белого корабля то ли где-то еще, но его не было рядом, и это утреннее мгновение принадлежало только ей.

Сказка! Он подарил ее. Наверное, именно такой она должна быть, если сказка вообще существует – сияющая, в пенных прозрачных волнах беспокойного океана, обдуваемая легким утренним ветерком. Сказка была в этом утре, в темно-синих волнах, в волосах, развевающихся, как черная грива норовистого скакуна, в отблеске белых парусов и ярком солнце. Она была в маленьком домике в горах, который они так долго хотели построить, где по утрам открывалась деревянная дверь, и двое несмышленых малышей вываливались на улицу, что-то гомоня... Двое малышей... Или трое!.. Да,

трое! Потом она сама выходила на эту светлую улицу, провожая детей в новый день, в жизнь, в их сказку... Только он снова был где-то далеко! Он пропустил и это утро, и солнце, освещающее их маленькие жизни. Подарил им это волшебство, а сам был где-то далеко отсюда... Наверное, был занят, не успел или опоздал, задержался, и солнце опять начинало новый день без него.

Женщина оторвалась от поручня, вынув из пачки сигарету. Сизый дымок заполнил палубу. Нет, не палубу, заполнил помещение едким запахом табака. Женщина сидела в комнате на диване и курила. Веселый ветерок не шевелил больше ее всклокоченных волос, а солнце не отражалось в иссиня-черных глазах. Взгляд был потухшим, пустым. И только сигаретный дым.

– Зачем тебе этот дом, который ты будешь строить всю свою жизнь, корабль, которого нет вовсе, зачем эти мечты, когда мы так далеки друг от друга? Сейчас ты войдешь, сядешь на кухне, съешь ужин, не замечая, что в твоей тарелке, потом как всегда ляжешь в постель и отвернешься. Или пойдешь спать в свой кабинет за стеной.

Женщина снова затянулась, выпустив клубок сигаретного дыма.

– Нужно написать письмо, – подумала она. Взяла лист бумаги, ручку, задумалась, и начала писать.

“ Если тебе сказать это, ты все равно не услышишь. А если услышишь, сделаешь вид, что не понял или это не имеет

для тебя значения. Мои слова не материальны для тебя. Они не имеют никакого смысла. Поэтому приходится выводить их на листке бумаги, который, может быть, ты прочитаешь. Зачем этот дом, который ты придумал, зачем белый корабль с парусами? Зачем все это, если ты давно в какой-то другой жизни? Ты просыпаешься, надеваешь костюм, съедаешь завтрак и уходишь. Ты идешь в свою жизнь, делаешь карьеру, бизнес, зарабатываешь деньги. Зарабатываешь на мечту, которая уже невозможна, возвращаешься и молча ложишься в постель. А потом... Ты знаешь, чего стоят эти слова, которые хочется сказать, но почему-то все откладываю. Уже десять лет молчу и не говорю. И ты тоже молчишь. Уже почти десять лет! Я состарилась за эти годы. Мне всего тридцать, а чувствую себя, словно живу с тобой сотню лет. Или не с тобой, а сама по себе. А тебя нет. Ты знаешь, чего стоит, когда эти слова колотятся в висках, просясь наружу, а зашнуровать невозможно. И глаза сверлят черный потолок. Целую ночь, каждую ночь. А завтра все сначала. Ты даже не захотел иметь от меня ребенка... детей. Только твоя карьера, работа, твоя жизнь. Скоро я превращусь в старуху. Молодую, но очень-очень старую женщину, в которой ничего живого не осталось. И уже думаю – а было ли что-нибудь в моей жизни? Хотя бы мечта?... Где ты был все эти годы? Когда мы с тобой разминулись? Я больше не могу так и не хочу”.

Женщина сложила письмо надвое, отнесла в другую комнату, положив на его рабочий стол. Там он его заметит точ-

но. Докурила сигарету, затушила ее и стала ждать... Или не ждать...

Нескончаемый морозящий дождь растворился во мраке, и город осветился яркой Луной, которая в полную силу мерцала, празднуя полнолуние. Город стоял мокрый, озябший. Окна домов засветились желтыми огоньками, но и те вскоре начали гаснуть, люди засыпали в своих постелях, люди провожали этот день, чтобы завтра начать другой. Луна заглядывала в потухшие глазницы домов, путешествуя по улицам и площадям, по крышам и чужим квартирам. Заглянула и сюда, где два человека не могли уснуть. Они сидели, каждый на своей кровати, облокотившись о подголовники, держа по письму, перечитывая снова и снова. Луна играла ярким светом на их взволнованных лицах, отражаясь от пола и мебели светила им в глаза. А они все сидели и читали. Их кровати стояли у стены, которая разделяла две эти комнаты. И они были всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Сломай эту стенку, протяни руку и прикоснешься к нему... к ней... Станет не так холодно. Станет хорошо и близкое существо согреет, а еще можно сдвинуть плотные занавески и остаться наедине. Просто, побыть вдвоем, чтобы никого больше. Ни потухших окон или мокрого города, ни яркой Луны. Только они вдвоем...

Он встал и подошел к двери, разделявшей их, она тоже вскочила с кровати. Два человека стояли и разглядывали в

темноте неожиданно возникшую преграду. Он взялся за ручку, хотел, повернуть ее, но, остановившись, подумал:

– Почему я? Нет, так не будет.

Она тоже, едва дыша, замерла у двери, а в голове ее билась привычная фраза: – В конце концов, он мужчина!

Мужчина подумал: – Но она же женщина! Черт возьми! Женщина она или нет?! Почему Я?

– Все равно ничего не получится. Ни к чему все это, – опустила она руки.

– Нет, ни к чему, – вторил его молчаливый голос: – К черту все! Просто нужно уснуть.

– Попытайся уснуть, – подумала она.

– Может еще 100 граммов проклятой водки?

– Пожалуй, еще одну сигарету, – подумала она.

– И спать, – добавил он.

– Спать, во всяком случае, попытайся уснуть, – поправила она себя.

– Да, спать, – согласился он.

Два человека вернулись в свои постели, и яркая желтая Луна осветила их одинокие фигуры в темноте...

Завтракали молча. Он намеренно уткнулся в свою тарелку и не смотрел на нее. Просто не замечал. Впрочем, не видел и того, что было в этой тарелке, не различая вкуса и запаха. Она тоже невозмутимо молчала, иногда поглядывая на него. Он чувствовал этот взгляд, но абсолютно не реагиро-

вал. Так продолжалось какое-то время. Телевизор навязчиво сообщал какие-то новости. Новости были неинтересными, а еда безвкусной. Впрочем, эти новости никто не слышал, как не ощущал и вкуса еды. Наконец, он протянул руку и чайной ложкой зачерпнул сахар, неся ее через стол. Она внимательно следила за этим знакомым жестом. Он прекрасно знал, что она терпеть не могла, когда он так делал – нес этот сахар через весь стол, обязательно просыпая по дороге. Она всегда реагировала, но сейчас почему-то промолчала. Он размешал чай, но вторую ложку класть, не стал.

– Почему не стал? – подумала она.

– Почему она ничего не сказала? – подумал он. Так они еще сидели какое-то время под звуки надоедливого телевизора, съедая безвкусный завтрак. Первым не выдержал он:

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – взглядом спросил он и посмотрел прямо в ее глаза. Глаза были уставшими, не выспавшимися. Глаза были некрасивыми. Эти удивительные глаза, которые он так любил когда-то, были сейчас совсем не красивыми. Они не излучали блеска, не искрились улыбкой или иронией. Не скрывали в себе никакой тайны, не говорили ни о чем. Взгляд был потухшим, чужим.

– Нет, – равнодушно молчаливо ответила она своим взглядом.

Они не произнесли ни слова, но понимали друг друга, и никакие слова сейчас были не нужны. Он еще раз взглянул в ее глаза: – Совсем ничего? Ты уверена?

– Я думала, ты мне что-то скажешь? – молча возразила она.

– Я? – удивился он, – и не собирался.

Он снова уткнулся в тарелку. Они молчали, но каждый продолжал про себя что-то говорить. Только про себя, и лишь телевизор осмеливался говорить вслух. А он ел и понимал, что закончится завтрак – закончится и странный разговор этих двух молчащих людей. Поэтому стал жевать медленнее. Снова взглянул в ее глаза. Поймал себя на мысли, что давно их не видел.

– Как могло такое произойти? – подумал он. – Каждый день видеть человека и не видеть его глаз? Парадокс!

Поймал себя на мысли, что она постарела. Он впервые разглядел морщинки на ее лице.

Нет, он не уйдет из-за стола, пока они не объяснятся, иначе потом целый день будет думать о ней. Целый день будет на взводе. А это вчерашнее письмо было для него неожиданным и обидным. Его обвинять! Его! Он всю свою жизнь положил на эту работу, на бизнес, и все было ради нее. Он даже не имел любовницу, хотя любая была бы счастлива пойти за таким мужиком – успешным, сильным, красивым. Мужиком, у которого куча денег, классная машина, бизнес. И все это было ради нее одной! А письмо – это просто несправедливость! Она должна что-то ему сказать! Именно она!

Чем больше они так сидели и ковыряли в своих уже пустых тарелках, тем больше он бесился. Не выдержав, с гро-

хотом отставил от себя остывший несладкий чай и протянул ложку к сахарнице. Медленно понес ее через весь стол, намеренно просыпая сахар. Наконец услышал желаемое:

– Ты же знаешь, я терпеть этого не могу! Ну, неужели нельзя пододвинуть к себе сахарницу. Каждый день одно и то же.

– И это все, что ты можешь сказать? – завелся он с пол-оборота. – Это все, на что ты способна? – добавил в возмущении.

– А на что способен ты? – тоже завелась она. – Я не так много у тебя прошу. Но, такую мелочь – не просыпать каждый день сахар на стол – неужели так трудно это сделать? Ты способен хотя бы на это?

– Я способен? – возмутился он. – Это единственное, что тебя волнует? Если бы не этот чертов сахар, ты вообще не замечала бы меня. Или я неправ? Почему только негативная реакция на меня! – негодовал он. – Я способен! А на что способна ты? Даже не можешь быть со мной просто женщиной. Посмотри на себя в зеркало! Ты даже не хочешь привести себя в порядок ради меня. Сахар! – уже почти кричал он. – Вот тебе сахар! – воскликнул он, переворачивая сахарницу, высыпая ее содержимое на стол, – смысл жизни на дне этой сахарницы!

Он вскочил и быстро вышел из кухни, не слушая ее. А она и не говорила ничего, просто сидела и молчала. Видимо, ей тоже хотелось сегодня утром поговорить с ним. Хотя бы

услышать его голос. Вот и услышала.

Он влетел в гостиную с желанием быстро собраться и уйти. Взял дипломат, который оставил вчера, и отправился в спальню одеваться. Проходя мимо стола, где стоял ее компьютер, заметил конверт большого размера с казенным адресом. Хотел, было, идти дальше, но внезапно остановился. Что-то было необычное в этом конверте. Он снова посмотрел на него и понял. Необычной была крупная надпись: “Результаты анализов” и подпись отправителя: “Генная лаборатория”. Он, не раздумывая, вытряхнул его содержимое на стол. Оттуда выпали несколько бланков, мелко испещренных какими-то латинскими символами, неизвестными цифрами. Он читал и ничего не понимал. Потом странная мысль промелькнула в сознании. Он лихорадочно рассматривал эти листки, пытаясь найти хотя бы одно понятное слово, но только незнакомая латынь издевалась над его невежеством. — Неужели она беременна?

С трудом вспоминая, когда они в последний раз были вместе, тупо рассматривал непонятные иероглифы. Он не знал, как к такому относиться. Он давно не думал на эту тему. Когда-то они уже прошли через это, но тогда решили подождать и отказаться. Не было квартиры, не было денег. Только начинали становиться на ноги. Просто, решили мужественно отказаться и подождать. Все это было так давно. А потом уже не говорили об этом долгие-долгие годы, но теперь... Он не

знал, как отнестись к такому. И еще одно волновало его.

– Она знает, но ничего не говорит!

Кровь прилила к лицу.

– Ему не говорит! Как она может молчать?

Он не знал, что делать, обижаться или носить ее на руках!? Уже готов был идти на кухню, целовать ей руки. Прижать к себе, ставшее таким незнакомым, существо, которое скрывало от него ребенка. Его ребенка!

Вдруг услышал:

– Не смей это трогать!

Она быстро подошла и выхватила из его рук бумаги.

– Какого черта ты суешь нос в мои дела? – воскликнула она.

– Твои дела? – задохнулся он. – Это только твои дела?

Потом, умерив свой гнев, уже спокойнее произнес: – Что это? – мягко добавив, глядя, как она прячет бумаги: – Почему ты не хочешь мне сказать? Да, успокойся же. Черт с ней, с этой сахарницей... Ну, хорошо, ... прости! – сдался он. – Давай поговорим спокойно.

Он усадил ее на диван и сел рядом, внимательно глядя на нее. Она молчала. Подождав мгновение, продолжил: – Скажи мне, что это?... Я твой муж, я хочу знать! В конце концов, я имею право!

Она молчала, неуверенно глядя на него. Он помог ей:

– Я так понимаю, это анализы?

Она кивнула, но продолжала молчать. Он снова загово-

рил:

– Да, не молчи ты, сумасшедшая, скажи, что там написано, я ни черта не понимаю.

– Я не хотела тебе говорить... Пока не хотела.

– Почему? Ну, ты глупая, – воскликнул он. – Ладно, давай, признавайся.

– Это анализы, – тихо ответила она.

– Это я понял... Ну! – настаивал он. – Слушаю,... да не молчи же ты!

Она снова неуверенно и даже робко на него посмотрела, потом сказала: – Это нехорошие анализы.

– То есть? – удивился он.

– В общем..., я немножко заболела.

– Как заболела? – не понял он, – при чем здесь “заболела”?

Что у тебя не так?

Она на мгновение задумалась.

– У меня нашли странную редкую болезнь.

– Болезнь? Какую?

– Ты будешь смеяться, – сказала она, – болезнь раннего быстрого старения. – И произнесла какое-то незнакомое название. Сказала это и теперь смотрела на него с тревогой и трепетом во взгляде. Он задумался на секунду, удивленно на нее уставился и с облегчением выдохнул: – Ну, ты и дура! Нельзя же так пугать... Болезнь! Еще скажи, что ты больна этой жизнью.

– Но, я не шучу! – удивилась она.

– А я тоже не шучу, – воскликнул он, – тебе давно пора заняться собой.

Он встал с дивана и прошелся по комнате.

– Старение! Конечно старение! – с обидой в голосе воскликнул он.

– Молодая девчонка и так себя запустить, не думать о себе и обо мне кстати тоже. Посмотри вокруг, полно всяких средств, 21-й век!

– Ты не понял! – воскликнула она.

Но он уже и слушать не хотел.

– Какого черта! – продолжал он, – ты нужна мне молодой!.. Старение! Купи себе крем, десяток кремов! Сходи на массаж! Сходи в фитнес! Зарядку делай, в конце концов!

Он задыхался от возмущения. Уже собирался выйти из комнаты и закончить этот нелепый разговор. Она его очень разочаровала.

– Я мало денег тебе даю? – в сердцах воскликнул он. – Иди, сделай маску для лица, черт побери. Редкая болезнь... Старение!!!

– Мне не нужны твои деньги! – зло воскликнула она, – я в состоянии себя сама содержать! Какая дура, что вообще рассказала! – вскочила она, пряча конверт.

– Деньги мои тебе не нужны? – зло воскликнул он, – а что тебе нужно, если не мои деньги? Я лучшие годы отдал тебе, работал на тебя, чтобы у тебя было все. Деньги ей не нужны!

– Мне от тебя ничего не нужно! – подойдя ближе, зло бро-

сила эти слова ему в лицо.

– Поставь себе силиконовый нос, – продолжал он, – силиконовый рот, пей витамины. Любовника найди, в конце концов, если не можешь быть в твои годы молодой любящей женой.

– Я решу, что мне делать! Учти, разговора этого не было, – зло смотрела она. – И я ничего тебе не говорила! Нашла с кем поделиться, дура. Разберусь сама со своими проблемами.

Она вышла из комнаты, бросив напоследок: – И впредь не смей рыться в моих бумагах...

Он в бешенстве прошелся по комнате, потом уселся на диван.

– Надо же, так завести его с самого утра! И все из-за какой-то ерунды, – и пожалел, что сейчас перед ним не оказалась еще одной сахарницы, которую с удовольствием грохнул бы об пол надоевшей квартиры, с надоевшей женщиной, в надоевшей дурацкой жизни... Входная дверь хлопнула, и только телевизор на кухне продолжал вещать нескончаемые новости...

2

Сидя в своем офисе, он долго рассматривая стену напротив и о чем-то думал. В последнее время он часто так делал, устремив свой взгляд, с замиранием, сосредоточенно глядя на нее. Мог так просидеть долго, пока не отвлекал звонок

телефона или голос вошедшей секретарши. А на стене находился гигантский коллаж из картин, украшавших кабинет. Там были фотографии больших и маленьких кораблей, парусников и моторных лодок, морских ракет с мощными двигателями и океанических лайнеров. Это была его мечта и его игра. Говорят, у каждого мужчины должна быть своя игра! Он свою нашел. Нет, его бизнес не был связан с грузоперевозками или судостроением. Он занимался прозаическим бизнесом, который делать можно было только на суше, и как управляться с самой маленькой моторной лодкой, он пока не представлял. Но так было до поры до времени. Уже давно его желанием и не тайной мечтой стало купить один из таких кораблей, закончить школу яхтсменов, выйти в открытое море и, наконец, поплыть... А еще приобрести небольшой домик где-нибудь в горах – маленькое шале, которое свисало бы со скалы, а там вдалеке снова угадывался бы незабываемый пейзаж с видом на море или океан, где всегда солнце, высокое небо и чистый воздух, незамутненный выхлопами цивилизации и суетой городов и дорог. Только море, горы и маленький кораблик у пирса. И еще Она... Они...

Но, оторвался от этого созерцания и снова вспомнил обо всем. Вспомнил о ней! Он был очень зол!

Прошло несколько дней с момента их последнего разговора, вернее ссоры. Несколько дней они не разговаривали или делали вид, что не замечают друг друга. Находясь в одной квартире, возвратившись с работы, молча проходили мимо,

расходясь по разным комнатам, заканчивали свой день. Он устал от этого. Он не терпел равнодушия, пустоты в своей жизни. Наконец, когда у него появилось желание сделать что-то для себя, спустя столько лет каторжного труда, получить от жизни все, быть кому-то нужным, в ответ молчание, жизнь в разных комнатах и неумение засыпать в крошечной тишине. И еще это письмо... Ее письмо...

Десять лет он шел к своей мечте. Казалось, целую вечность посвятил бизнесу, посвятил ей! Было тяжело. Он не имел богатых родителей, не имел родственников или друзей во властных структурах, где делился тот самый пирог, который приносил лишь немногим большие деньги и возможности. Добиваться всего приходилось самому. Самому доказывать и обходить подводные камни, выбираться из сложных ситуаций “цивилизованного” бизнеса, который давался только избранным. Но кое-что удалось. Он заработал на квартиру, чтобы больше не зависеть от родителей – ее родителей и своих тоже. Потом заработал на достойную жизнь. Они купили машину, купили вторую. Он трудился в поте лица, впрочем, как и многие. И наконец забрезжил просвет. Начали появляться заказы, которые приносили хорошие деньги, а на что их потратить он уже знал. Оставалось немного – полгода, может быть, год...

Мечта – что это? Детство, ребячество? – думал он. Когда они были почти нищими, все было намного проще. Нужно было лишь сводить концы с концами, зарабатывая немного

на жизнь, а там будь что будет. Но появились эти деньги. Однажды поймал себя на мысли, что стоит перед чертой, которую скоро переступит и окажется в какой-то новой жизни, где совсем другие правила. Он знал многих своих старых друзей, которые уже сделали этот шаг и теперь быстро менялись. Менялись на глазах. Менялись их жизни и судьбы, они становились другими, менялись желания. Они с легкостью разрушали свое прошлое, шагая вперед, словно с завязанными глазами. Их вовсе не интересовало – куда. Эти деньги словно ослепляли дальнейший путь. Их обладатели становились легковесными, циничными, способными на все с помощью этих денег, но не способными без них ни на что. Однажды и он почувствовал, что подошел к этой заветной черте вплотную. Эти люди – его прежние друзья, словно стирали самих себя, они не хотели ничего, что нельзя было купить за эти деньги и наоборот, желали теперь только того, что стоило еще больших денег. И бег этот был нескончаемым. Он знал человека, который теперь способен был украсть, чтобы увеличить капитал. А раньше он был учителем в школе... Учителем литературы. Другой, потеряв все на неудачной операции, покончил с собой, третий просто избавился от своего конкурента... Бывшего друга. Просто? Да, очень просто! Конкурента не стало. Не стало совсем. Потом они вместе пришли на поминки и утешали несчастную вдову, а завтра тот спокойно переступил порог чужого офиса, сев в чужое кресло. Кресло своего закадычного друга детства. Пе-

реступил...

Раньше все эти люди были нормальными ребятами, отличными парнями, друзьями, но теперь все так изменилось. Тогда и понял, что стоит у черты, за которой скоро окажется сам, а что там дальше? Словно земля уходила из-под ног, он был на краю, собираясь сделать этот шаг. Пока лишь готовился, но зияющая дыра под ногами уже притягивала, манила – он чувствовал, еще немного и остановиться будет невозможно. Тогда и появилась маленькая мечта. Интуиция подсказывала, что нужно заполнить каким-то смыслом эти бес-телесные бессмысленные деньги и только тогда можно будет двигаться вперед. Как подсказала когда-то, глядя на предложенную ему сигарету с опиумом, что делать этого не стоит. И почему нет клиник, где лечили бы от алчности? От наркотиков есть, от чего угодно, только не от этой зависимости. А сильнее ее придумать что-либо сложно – многие столетия мир озабочен лишь одним – купить себе оставшуюся жизнь. Купить, и, может быть, часть забрать с собой, туда, где тебя ждут одного...

Но теперь он готовился переплыть эту пропасть на своем корабле вместе с Ней. Теперь ничего не страшно. Деньги, а завтра снова только деньги, более крупные,... но если есть перила, за которые можно держаться, а над головой паруса, а за бортом бесконечное море, а рядом Она..., Они – ничего не страшно. Теперь можно плыть в согласии с ветром и самим собой... И с Ней... Вот только где теперь она? Почему ее нет

рядом?

Он снова посмотрел на стену, по которой плыли маленькие и большие корабли. А где-то там, на отвесной скале, уже висело маленькое шале, одиноко глядя на бесконечное море, дожидаясь его... Их...

Но сейчас только пустота занимала место в его душе:

– Зачем все это? Куда все делось?

И еще что-то беспокоило. Что?! На днях он, случайно бросив на нее взгляд, заметил, как она изменилась. Какая-то усталость во взгляде, вокруг глаз морщинки, а ведь ей всего тридцать! Заметил несколько седых волос. Не рановато ли? – подумал он тогда. Движения ее стали медленными, неуверенными. Обычно она порхала, все горело в ее ловких руках. Быстро готовила еду, быстро одевалась, спешно уходя на работу или возвращаясь. А теперь седые волосы и морщины. Он какое-то время еще думал об этом, потом набрал номер телефона своего старого приятеля. С ним был знаком еще со студенческих времен. Потом иногда встречались, но со временем все реже и реже. Хотя, запомнил, что тот работал в уважаемой клинике и лечил не простых смертных людей. Можно сказать, “бессмертных”, судя по тому, какие посты они занимали и сколько времени на них сидели. Они поговорили, вспомнили молодость, задали друг другу обязательные, ничего не стоящие вопросы, и ответили бессмысленным, привычным “нормально”. Так было принято, так теперь общались все. Это раньше можно было с порога задать

вопрос или попросить о чем-то, но времена изменились, и они изменились тоже, без такой прелюдии теперь было нельзя. Но друг уже ожидал тот самый вопрос, ради которого о нем вспомнили. Без нужды теперь никто никому не звонил.

Он произнес еще несколько бессмысленных слов, ... фраз, и, наконец, спросил:

– У тебя нет хорошего пластического хирурга? Извини, что беспокою по пустякам. Сейчас время такое... Сам понимаешь...

Пряатель посмеялся:

– И твоя туда же. Не могут они без технологий. Думают, любить их больше станут. Твоей всего тридцать, зачем ей это?

Он тоже посмеялся и уже хотел закончить этот нелепый разговор, – действительно, какие ее годы, – но зачем-то произнес:

– Понимаешь, она сделала анализы, ей поставили какой-то дурацкий диагноз.

И обронил то незнакомое для него название болезни... или не болезни вовсе. Такой реакции от своего приятеля он не ожидал. Тот всегда был спокойным, флегматичным человеком, но сейчас выражал столько эмоций и удивления, что на мгновение он замолк и замер.

– Что ты молчишь? – кричал его друг в телефонную трубку, – повтори еще раз, как ты назвал диагноз? Ты слышишь меня?!

Он повторил. Теперь долгая тишина зависла в трубке, он даже подумал, что связь прервалась. Потом четкий энергичный голос донесся с того конца провода: – Немедленно бери все анализы и приезжай ко мне!

– Ну, ... хорошо, – пробормотал он, – на днях заскочу, закончу с делами и встретимся, пообщаемся, кстати, давно не виделись...

– Ты меня плохо слышишь!?! – уже орал его друг, – я сказал немедленно! Все бросай и быстро ко мне! Быстро, я сказал!

– Хорошо, – удивился он. Таким своего друга он не помнил. Да и был ли тот когда-либо таким? Он был очень удивлен, но почему-то безропотно выполняя это поручение, вскочил со стула, быстро спустился на улицу и помчался домой.

Ее не было. Оно и к лучшему. Он не хотел объясняться, еще сам не понимая, что делает и зачем этим занимается. А сам в этот момент пилкой для ногтей вскрывал, как воришка, дверцу своего старенького стола, за которым теперь сидела она и которая почему-то была заперта. Про себя подумал:

– В его доме закрытая дверь? Такого не было никогда! Закрываются от кого-то! Закрываются от него! Какие у нее могут быть секреты! Еще этого не хватало! Ладно, с этим потом...

Знакомый конверт лежал в верхнем ящике и был придавлен толстым альбомом. Он отшвырнул альбом в сторону, вы-

нув листы с ненавистной латынью, и направился к ксероксу. Он не испытывал чувства стыда или неловкости, но ее недавние слова всплыли в памяти: – Не смей рыться в моих вещах!

Такое ему сказать! Ему! Человеку, который делает для нее все! Ладно, с этим потом, – подумал он, остывая и кладя конверт на место. Взяв тяжелый альбом, случайно его приоткрыл...

Он был очень удивлен! Это был альбом с фотографиями, откуда смотрело загорелое жизнерадостное лицо его совсем молодой жены. Совсем девчонки! Он никогда не видел этих снимков! Но почему она никогда не показывала их ему! Он продолжил листать, разглядывая эту удивительную женщину, совсем еще девочку, и снова эти синие бездонные глаза, в которых отражался плеск набежавшей волны, шум прибоя и отблески бури, которая только готова была начаться, но пока лишь спокойное море и яркое солнце в зените... Все листал и листал... Вот она стоит с кем-то в обнимку! Она улыбается, а этот наглец держит ее за талию! Лапает ее и тоже нагло улыбается!

От бешенства кровь застучала в жилах и висках, сердце заколотилось, оно готово было выскочить из груди, глаза налились кровью. Он безжалостно листал все новые страницы, почти разрывая на части чертов альбом, потом подумал, что сошел с ума! Она – эта девочка – его жена снова с кем-то под руку, на ней свадебное платье, а наглец опять улыбается! Вот уже надевает кольцо на ее палец, он держит ее на руках,

уносит куда-то. Уносит ее! ЕЕ!

Выдохнув, захлопнул альбом и устало присел на диван. Эти мгновения дались ему нелегко. Снова открыл его и теперь уже с идиотской улыбкой глядел на фотографии – на нее, на этого наглеца. Наглецом был он сам, только молодым, очень молодым (поэтому и не узнал сразу). Тогда ему было всего двадцать пять, и лицо его безотчетно и весело улыбалось, светясь от счастья, она тоже улыбалась, держась за его шею, пока этот “наглец” нес ее куда-то. Нес в ее новую жизнь, в их будущее, где будет маленький домик в горах и кораблик, нетерпеливо стоящий у причала, просясь в дорогу. А дальше только бесконечное, синее море или океан.

Почему он не видел этих фотографий раньше? Обычно их делают, чтобы смотреть на них потом. Когда наступает это потом? Но она, по-видимому, разглядывала их, раз этот альбом лежал у нее под рукой... Тогда почему не показывала ему?

Заслышав стук входной двери, он вскочил, воровато сунул альбом на место, прикрыв им большой конверт, спрятал копии бумаг в карман и захлопнул дверцу. Потом вышел из комнаты, из квартиры и удалился, ничего ей не сказав...

Она устало подошла к своему столу и открыла дверцу ключом. Достала злополучный конверт. Хотела, было, положить туда еще одну бумагу, которую ей дали сегодня, потом взяла ее двумя руками и принялась читать. Там не было ла-

тыни, да и слов было совсем немного – крошечный коротенький текст. Это была последняя бумага, за которой она ездила сегодня, больше ей не придется бегать по больницам и тратить свое время. Тем более, что теперь было жаль этого времени... Очень жаль. Быстро прочитав несколько фраз, она убрала бумагу в конверт и зарыла его глубоко в ящике стола. Больше этот желтый огромный конверт с казенным адресом, слава Богу, ей не понадобится. Взяла альбом в руки, задумалась и начала листать знакомые страницы. Фотографии смотрели на нее и улыбались беспечными юношескими улыбками, они передавали привет из той далекой жизни, из ее юности, и на мгновение она забыла обо всем. Очнувшись, удивилась: – Бывают же такие мгновения, когда время останавливается! – и снова задумалась. Снова и снова листала давно забытые страницы, сидела так и улыбалась...

– Очень хорошо, что приехал один, – сказал его приятель-врач после долгой паузы, во время которой рассматривал содержимое пакета с казенной надписью. Сказал это и снова замолчал, подбирая слова. Потом заговорил:

– Это действительно редкая болезнь...

– Болезнь? – перебил он друга, – что за ерунда? Ну, сделай свои рекомендации, назначь какой-нибудь курс, массаж, гимнастику... Мне все равно, сколько это будет стоить.

Сказал это и уставился на врача, а тот смотрел на него с сожалением и думал. Потом произнес:

– Чтобы стало понятнее, людей, страдающих такой болезнью во всем мире всего несколько десятков. 50–60 человек, не больше...

Он плохо помнил, что происходило дальше. Этот человек, его давнишний приятель, теперь уважаемый врач, что-то мягко объяснял, произносил какие-то непонятные слова, термины. А он словно плыл на белом облаке, и голова кружилась. Он уже не слышал этих слов, лишь обрывки непонятных фраз. Все рушилось в это мгновение, все куда-то исчезало... Потом сосредоточился, пришел в себя.

– Я ничего не понял, – произнес он, – чем она больна?

Врач замолчал и внимательно на него посмотрел, потом сказал: – Ничем. Она абсолютно здорова, насколько может быть здорова женщина в ее возрасте...

– В каком возрасте? – воскликнул он, – ты с ума сошел, ей всего 30!

– Ей 30, да тридцать. Ей 40 или 45, судя по этим бумагам. Она совершенно здорова, просто живет теперь в другом временном измерении. Время для нее идет быстрее, чем для других. Мы проживаем день, она неделю или две... не знаю... нужно наблюдать. Наш год для нее – несколько лет, может быть, десять,... двадцать,... я не знаю, нужно смотреть.

– От этого умирают? – спросил он с ужасом.

– Как умирают от старости, не более того!

– Так что же делать?

Теперь оба молчали. Он вспоминал фотографии юной девочки, которую нес на руках, потом седые волосы на ее голове, морщинки вокруг глаз, и ему стало страшно.

– Сколько ей осталось? – наконец, сумел произнести он.

– Я не знаю, – ответил врач, потом спросил, – у тебя есть возможность потратить некоторую сумму? Существенную сумму.

Он не понял и повторил за ним: – Сумму, да сумму, – и снова замолчал, не понимая.

– Деньги у тебя есть? – уже громче спросил друг, – или дать займы? Время не терпит!

– Деньги? Ну, ... конечно же, есть, ... ничего не надо, ... я решу вопрос! Сколько?... Найду, ничего не нужно!

– Потребуется значительная сумма, сколько не знаю, – продолжал врач, – у меня есть коллега, живет он в Израиле, у него своя клиника. Там они как раз исследуют так называемый ген старения, который и отвечает за нашу жизнь... Короче, немедленно собирайтесь и вылетайте. Он скажет, сколько времени займет лечение, если вообще сумеет помочь, и сколько это будет стоить. Я предупрежу его. Ты понял?... Ты меня понял?

Он все понял и теперь шел по длинному коридору клиники, который казался ему бесконечным – пока пройдешь до конца, потратишь уйму времени, а кто-то, может быть, целую жизнь...

Потом вышел на улицу и поехал в сторону дома.

– Он должен быть рядом с ней. Должен помочь ей. Теперь они всегда будут вместе, – так думал он.

3

Она ехала на машине по улицам города, преодолевая бесконечные пробки. Ехала уже целую вечность, а дорога все не кончалась и, казалось, что не доедет никогда. Она ехала к нему, пытаясь сократить нескончаемый путь, но светофоры и нагромождение машин, какие-то аварии, заторы, машины с мигалками, пешеходы, переходы... Все вращалось перед глазами, становилось на пути, и уже казалось, что будет делать это целую вечность, хотя, какая вечность оставалась ей, она не знала, только давила на педаль. И снова только гигантская пробка и километры не пройденного пути. Ехала и думала:

– Конечно, он прав. Прав во всем. Только она может сделать так, чтобы им было хорошо вдвоем. Только она должна просыпаться и думать, как начинать этот день, чтобы он в хорошем настроении уходил на работу, зарабатывал чертосы деньги, строил в мечтах их дом, их сказочный корабль. Потом шел домой, зная, что его кто-то ждет, что он нужен кому-то, нужен ей. Интересно, заметит ли он прическу, которую сделала сегодня? А этот ресторан на самом краю города? Ресторан, куда он водил ее когда-то. Потом в их жизни было много ресторанов, но этот – воспоминание молодости,

воспоминание давно минувших дней, детство какое-то. Там он ей сделал предложение, туда они ходили всегда вместе, и он принадлежал только им двоим.

Это было так давно, но ресторанчик до сих пор работал и не изменил своего меню, даже название на старенькой вывеске напоминало ей обо всем забытом. Робко переступила порог. Полупустой зал, столики, расставленные вдоль стен. Как давно она здесь не была! Вот и стол у окна, за которым они обычно сидели. У них было поверье – если стол свободен, значит, все будет хорошо, значит, все сложится, будет удача! Столик был свободен, словно приглашая ее, занять свое законное место. Она отодвинула стул и присела у окна. Посмотрела сквозь запотевшее стекло. На улице промозглая осень, металлический звон трамваев, мелкий морозящий дождь. В зале совсем не было людей, на столике одиноко лежало меню, а напротив не было Его. Как необычно – Она здесь, а Его напротив нет. Его смеющееся лицо, небрежный жест плейбоя в сторону официанта, потом они весело делали заказ, долго сидели – все это осталось в далеком прошлом.

Официант не удивился, когда она попросила еду “на вынос”. Здесь это было принято. Она долго сидела, пила свой кофе и посматривала на часы. Каким долгим оказалось ожидание. Она никогда не знала, что эти блюда готовятся так долго. Время раньше пролетало быстро, но сейчас, когда его не было рядом, это время, словно испытывало ее на проч-

ность. Оно истязало ее.

– Время, – подумала она, – сколько его осталось? – и снова посмотрела на часы, где стрелки невозмутимо отсчитывали минуты ее жизни. Взглянула в окно. Промозглый день, свет с улицы пасмурно освещающий этот неуютный зал. Неуютный – потому что его нет рядом...

И снова дорога и пробки, остывающая еда в лоточках, она везет все это, и, кажется, что не доедет никогда. А так хотелось вернуться первой, накрыть стол, успеть надеть платье, ... то самое, которое он так любил когда-то. Не важно, что старомодное, главное – Он любил его. Сесть за стол и ждать. Только женщина может придумать праздник. Только женщина может ждать. Мужчина без женщины ничто. Только она может сделать так, чтобы он был рядом и знал, что никуда торопиться не нужно, потому что незачем, потому что с ней ему хорошо. И не важно – сколько еще осталось. Главное, чтобы ему было хорошо, остальное теперь не имело никакого значения...

Наконец, знакомая улица и знакомый дом. Вот подъезд, еще несколько этажей, шагов. Как хотелось, чтобы он еще не пришел. Успеть бы... И обязательно зажечь свечи. Две свечи! Поставить серебряный подсвечник и зажечь их!

Она открыла дверь, вошла и остолбенела. Он стоял у порога, загадочно смотрел и улыбался.

– Не успела!!! – промелькнуло в ее сознании. Сняв плащ, прошла в комнату. Руки сами опустились, и пакеты с едой

выскользнули на пол. Стол в гостиной был накрыт праздничной скатертью и заставлен едой... Знакомой едой! Той самой! Из того самого ресторана, откуда столько времени ехала. В центре стола изящно изгибался серебряный подсвечник, а на нем горели свечи... Две свечи!.. А вокруг...

Она уже задыхалась, и голова шла кругом. А вокруг, куда не посмотреть, стояли букеты цветов. Вся комната была заставлена цветами. Она никогда еще не видела их в таком количестве в одном месте, даже в цветочном магазине! Даже за городом, в горах или в поле, нигде и никогда в ее жизни не было столько цветов. Все они были разными, создавали собой причудливые букеты, были повязаны какими-то лентами и источали удивительный запах. Запах этот кружил голову, пьянил, и она уже плыла на каком-то облаке, украшенном цветами. Облако поднималось все выше и выше, голова кружилась. Больше она не помнила ничего...

Очнулась в каком-то незнакомом помещении и услышала голос мужа и какого-то незнакомого человека.

– Ничего страшного, – говорил человек, – это обморок, скоро пройдет. Легкий приступ...

– Какой приступ? У нее никогда не было ничего подобного, она абсолютно здорова!

– В таком возрасте это бывает. Это нормально...

– В каком возрасте? – возмутился муж, потом осекся и добавил, – в возрасте, да-да, я понимаю... В таком возрасте.

– Ты устроил целую оранжерею в своей квартире, тут лю-

бой может задохнуться!.. Короче, страшного ничего... Но ты понял меня, вам срочно нужно вылетать в клинику к моему коллеге, время не терпит. Сам понимаешь, больше ждать нельзя.

– Да, нельзя, ты прав, ты абсолютно прав...

И снова только облачко в ее глазах и две свечки, мерцающие в темноте, его улыбающиеся глаза и стол, заставленный всякой всячиной, которую они так любили когда-то...

4

Море плескалось у его ног, а он сидел у кромки воды, смотрел в бесконечную водную даль и ждал. Уже несколько дней сидел так, смотрел на море и снова ждал. Она находилась в клинике, и ему оставалось лишь одно, сидеть на берегу незнакомого моря, ожидая неизвестного исхода их путешествия. И такая неизвестность все больше пугала.

Волны привычно накатывали на берег, растворяясь в песке. Волны совершали свой бесконечный путь. Они следовали одна за другой в строгой очередности, преодолевая мили пути, пока не замечали этот берег. И, словно, желая разглядеть его лучше, становились выше, поднимались, уже захлебывались, переливаясь барашками через края. Вставали во весь свой рост, наконец, достигали песчаной отмели, вырываясь из бесконечного водного плена, и падали, умирая на горячем песке.

И снова и снова. Те далекие, едва видимые, пока еще не ведая, что их ожидает, нетерпеливо продолжали свой долгий путь, пока не повторяли судьбу уже дошедших. И так каждое мгновение, каждую минуту или час, день, столетие. Миллионы лет эти волны делали одно и то же. Неисчислимыми легионами нападали на песчаный берег, пытаясь смести его со своего пути, пока не падали и растворялись. Некоторые поднимались выше остальных. Им было это дано. Они видели дальше других, знали, куда идут, на что идут, но упорно продолжали свой путь к песчаному берегу. Они знали, что эта уютная бухта ждет их, чтобы упокоить, усмирить, дать отдохнуть – пора уступать место другим...

Он отвернулся, подумав: – Какая-то обреченность. Зачем все это, если неминуемо тебя ждет этот берег. Ни этот, так другой. Все просто, когда думаешь, что ты вечен, живешь себе завтрашним днем, не задумываясь ни о чем. Но стоит времени показать свое лицо, ты замечаешь его, видишь песчаный берег, тогда и наступает сегодня со своими границами и приходится возвращаться оттуда – из будущего, чтобы начинать жить прямо сейчас. Только зачем? И как? Как жить, когда этот берег так близко? Вот когда начинается кошмар... Парадокс...

И подумал, что больше не может смотреть на это море, сейчас он ненавидел его, а волны продолжали плескаться у его ног, таяли, просачиваясь сквозь песок, и умирали...

– Снова здесь?

Его окликнул старый еврей, с которым они познакомились пару дней назад. Тот хорошо говорил по-русски, впрочем, и был тем самым русским, который двадцать лет назад приехал сюда и теперь со своей большой семьей держал маленькое кафе на пляже.

Он кивнул ему в ответ, а еврей продолжил:

– Ну, как, съездили в Иерусалим?

– Иерусалим? – равнодушно переспросил он, – нет, не ездил. Не до этого было.

– Зачем же вы приехали на Святую Землю? – удивился тот.

Еврей был очень разговорчив. С первого дня он общался с ним, как с хорошим старым знакомым, и это располагало. Люди в Москве не разговаривают с посторонними. Люди даже мало общаются с близкими им людьми, а здесь совсем другие обычаи. Уже несколько дней он просиживал на этом пляже в ожидании вечера, когда можно будет отправиться в клинику неподалеку, чтобы снова увидеть жену, поговорить с врачом. И все эти несколько дней он ел в этом кафе, пил, смотрел на море и ждал. Он словно поселился на этом мягком диванчике у самой кромки воды и никуда уходить не хотел, иногда бесцельно бродил вдоль широкой набережной, и только поздно вечером возвращался в гостиницу.

– Зачем? – очнулся он от своих мыслей. – Так, ... по делам, – уклончиво ответил он, выжидаяще посмотрев на ев-

рея, давая понять, что добавить нечего.

– И правильно, – продолжал еврей. – Если вы не собирались ехать в Иерусалим, вам это делать и не надо вовсе.

Теперь он говорил серьезно, оставив свою лукавую улыбку.

– Миллионы людей приезжают сюда, чтобы прикоснуться к святыням. Но это паломники. Они готовились к такой поездке, а просто так заходить в Старый Город, пожалуй, не имеет смысла. Он ничего вам не даст. Он вам не понравится, не оставит впечатлений. Лучше как-нибудь в другой раз.

Еврей снова улыбнулся и спросил: – Как обычно кофе?

– Кофе?... Да, пожалуй, – пробормотал он и внезапно спросил:

– А что там смотрят в Иерусалиме? В этом старом городе?

– Вы не знаете? – еврей был ошеломлен его невежеством. – Вы крещеный?

– Да, ... конечно, – ответил он.

– И не знаете, где находится Голгофа или Храм гроба Господнего? Это ваши святыни!

Он уже пожалел, что задал этот вопрос, а еврей продолжал:

– В старом городе проходит Крестный Путь Иисуса. Начинается он с момента, как его осудили, потом дали деревянный тяжелый крест и отправили на Голгофу. Этот маршрут равняется целой жизни. Долгую жизнь он прожил на этих улицах, неся свой крест.

Он удивился и снова зачем-то спросил:

– Какова длина этого пути?

Еврей хитро прищурился: – Смотря чем измерять. Если метрами, всего три-четыре сотни шагов, если поступками... Он поднимал свой крест, ронял его, снова поднимал и нес. Говорил с людьми, за грехи которых шел отдавать жизнь, останавливался и шел дальше. Потом распятие на Голгофе, смерть и, наконец, чудесное воскрешение.

Старый еврей, подумал немного и добавил: – А так, всего-то несколько сотен метров.

– Жизнь длиною в несколько сотен метров, – повторил он и снова посмотрел на море, где волны, гонимые ветром, накатывали на берег. Долго так сидел, позабыв о хозяине маленького кафе, с которым только что беседовал. Тот неспешно удалился, не произнеся больше ни слова, потом принес чашечку ароматного кофе и скрылся в глубине кафе.

Ехать в какой-то старый город, чтобы смотреть на Святые места? Зачем? – удивился он. Все эти экскурсии, впечатления не имеют никакого смысла, когда не можешь без нее двинуться с места. Даже море, которое он так любил когда-то, теперь совсем не радовало его. Он чувствовал себя предателем. Пока она там, в клинике, он здесь нежится на солнце и получает удовольствие от жизни. Только удовольствия не было, лишь безвольное ожидание длиною в несколько дней, и вечером снова в клинику.

А время шло. Оно уходило, растворяясь в песке вместе

с набегающими волнами. “Жизнь длиной в три сотни шагов”, – вспомнил он. – Что можно успеть за такое короткое время?

5

– Пока вас порадовать нечем, – услышал он знакомую фразу врача. Эти слова он слышал каждый день. Каждый день задавал один и тот же вопрос и получал этот ответ.

– Мы работаем, мы проводим анализ ситуации...

– Вы можете как-то повлиять на ситуацию? – перебил он врача.

Тот долго что-то объяснял своим мягким голосом, он, плохо понимал его, но теперь знал точно – это действительно болезнь, редкая, даже уникальная. Болезнь, которая каким-то дьявольским способом сокращала жизнь совершенно здорового человека. Излечиться от нее было нельзя, можно лишь приостановить, но прежде нужно знать, с какой скоростью человек живет..., то есть, проживает отпущенное ему время, сколько еще осталось и сколько исполнится через месяц, неделю и даже один день.

– Мы работаем, – продолжал врач, – нам необходимо еще немного времени, чтобы оценить скорость изменения процессов в организме, тогда и будем принимать решения...

Выйдя из кабинета, он направился в небольшой садик, где

на скамейке как обычно сидела она и ждала его.

Он подошел, поцеловал. Поцеловал как ребенка маленького и несмышленного. Они долго сидели, о чем-то говорили, медленно выговаривая слова. Он с трудом их находил, но пытался делать это бодро и энергично, словно ничего не случилось. Она подыгрывала, понимая, что сказать нечего. Пытаясь поднять настроение, он рассказал о старом еврее, с которым познакомился, вспомнил пару местных анекдотов, которых тот ему подарил. Они смеялись, но оба чувствовали напряжение, и каждый хотел быстрее закончить тягостное свидание. Так было все эти несколько дней. Приходилось натужно улыбаться, говорить ничего не значащие слова и коротать время. Она не хотела, чтобы он думал об этом, утешал или помогал, потому что помочь было невозможно, а он не хотел говорить на эту тему, пытаясь отвлечь ее, хотя это с трудом удавалось самому. И оба с облегчением прощались, зная, что завтра увидятся вновь и продолжат эту игру. Неизвестность перед будущим – страшная вещь. Это игра без правил и не знаешь, как в нее играть с кем-то, особенно если этот кто-то близкий тебе человек...

Снова берег и мягкий диванчик в прибрежном кафе. Раннее утро, все пока закрыто, но он еще не перевел стрелки московских часов и по привычке проснулся рано. Не зная, куда себя деть, пришел сюда. Ветер шевелил на набережной кроны редких пальм и ветки кустарников, по-хозяйски раз-

гуливал по пустынному пляжу, раскачивая из стороны в сторону навесы легких палаток с сувенирами и всякой ерундой. Солнце еще не осознавало, что уже давно наступила поздняя осень, и нещадно палило, а он все сидел и смотрел на беспокойное море. Наконец, внимание его привлекло суденышко, которое приближалось и, наконец, причалило неподалеку к небольшому пирсу. Из корабля начали выпрыгивать люди – взрослые и дети, загорелые, веселые, возбужденные морской прогулкой. Наконец, из глубины вышел знакомый старый еврей. Они несли поклажу – спиннинги, большой мангал и свой улов. В этой стране национальным видом спорта было устройство пикников, и в выходные каждая пядь земли была утыкана столиками и мангалами, шумными компаниями трезвых веселых людей, которые жарили мясо, шутили, смеялись, не смущаясь теснотой вокруг. Конечно, происходило все не на пляже, но все парки и газоны были усеяны отдыхающими. А у владельца кафе был свой корабль! Грех было не выйти в море и не провести пикник на воде.

Корабль – смешно! – подумал он. – Небольшое суденышко, закрытое от солнца нелепым пластиковым тентом и маленькая открытая палуба. Старая галоша – кажется, так называются подобные суда.

И вспомнил картинку прекрасных кораблей, украшавших стену его офиса, огромных лайнеров и яхт малого и среднего размера, на которых можно было при желании совершить кругосветное плавание, а эта... Такую лодку он мог бы поз-

волить себе купить десяток лет назад. Снова посмотрел на веселых людей, на семью, которая уже подбрела, весело гомоня, к своему дому. (Здесь они жили – в домике, неподалеку от кафе. Жили и работали – все находилось рядом). И на мгновение ему стало не по себе. У этих людей нет сказочного корабля, нет виллы на море, только маленькое кафе, лодочка, в которую непонятно как все поместились и больше ничего. А это удивительное семейство старого еврея! Как интересно – он ничего не ждал, просто жил, работал, рождались дети, потом внуки. Казалось, он был доволен всем, он имел в этой жизни все.

И он снова посмотрел на обшарпанное суденышко.

Еврей приветливо помахал рукой и скрылся в своем жилище. Через несколько минут сам появился в фартуке, неся дымящийся кофе.

– Скоро вам принесут завтрак, – сказал тот, – сегодня суббота, наш выходной, шабат, открываемся позже, но вас обязательно обслужим. Голодным не останетесь.

– Спасибо, – коротко ответил он, удивившись такому вниманию.

Пока он пил вкусный горячий кофе, принесли завтрак. Снова подошел глава семейства и уселся неподалеку, видимо, желая поговорить. Он был очень разговорчивым – этот старый еврей. Они долго беседовали. Собственно, говорил еврей, а он рассеянно слушал, не в силах избавиться от своих мыслей. Потом тот начал расспрашивать о Москве, о но-

вых названиях улиц, новой жизни. Пришлось поддержать беседу. Молоденькая девушка, по-видимому, его внучка, принесла десерт. Она вежливо улыбнулась, на прекрасном русском языке пожелала приятного аппетита и удалилась.

Посмотрев на дом и на кафе еврея, почему-то спросил:

– Тяжело было уезжать и обживаться здесь?

Еврей задумался, улыбнулся, немного помолчал.

– Был 87 год, сами понимаете...

– Понимаю, продали в Москве квартиру, потом на эти деньги обустроились здесь. И все же – совсем другая страна, другие люди, обычаи...

А еврей, уже не слушая его, громко смеялся. Он заливался так, словно услышал свеженький анекдот, и слезы катились по его загорелым щекам. Но, пришел в себя и повторил: – Продал... Ха-ха-ха... Еще как продал!

И опять засмеялся.

– Ничего не разрешали забирать. По 75 долларов на человека, золота несколько граммов и барахло.

– Как? – опешил он.

– 75 баксов! А вы не знали?

– И сколько же вам было тогда, если не секрет?

– Мне было... ну, мне было... уже сороковник был.

– В сорок лет вы с 75 баксами в кармане приехали в незнакомую страну?

– Ну, почему же с 75... Триста баксов в кармане было. Мы с женой и двое детей – целых 300, – и снова засмеялся.

Он опешил и с восхищением смотрел на еврея. Тому было на пять лет больше тогда, чем ему сейчас. Способен он на такой поступок?

Еврей вдруг воскликнул: – Вру!!! 400 баксов. Когда мы летели в самолете, познакомились с туристами-американцами, тоже старыми евреями. Когда те узнали, сколько нам разрешили вывезти из страны, достали сотенную баксов и подарили нам. Вот так! Не смейтесь! Тогда 100 долларов были очень приличные деньги, не то, что сейчас.

Он снова спросил еврея:

– Что же вы, на четыре сотни купили это кафе?

– Нет, конечно же, нет, – вздохнул тот. – Но кредит получили сразу и остальное – разрешение, гражданство. Осталось всего год, и закроем этот должок, так сказать, эту тему. Больше никому и ничего...

– А, как вы сказали, барахло. Что еще разрешали увозить? – не унимался он.

– Тащили все, что могли. Пастельное белье, посуду, столовое серебро, даже мебель. Правда, грузчики в Одесском порту расстарались – пианино моих родителей превратилось в вязанку дров, опутанных струнами. Но это не важно... Вспомнил... Книги! – гордо заявил он. – Их можно было увозить сколько угодно! Вы знаете, какая у нас библиотека? Все довез, ни одной не оставил. Вы не представляете, как тяжело они нам доставались.

И, глядя на этого счастливого еврея, он вспомнил, сколько

этих книг осталось в московских домах сегодня. Люди все-
лялись в новые квартиры, делали ремонт, брали самое необ-
ходимое, а книги за ненадобностью выселяли. Не подходили
их серенькие обложки к современным интерьерам и модной
мебели. Совсем не подходили. Да и не читали больше тех
книг вовсе – так зачем же их держать? Иногда проходишь
по подъезду и видишь подброшенные кем-то на подоконник
стопочки знакомых стареньких книг – нести на помойку не
решались, но избавляться приходилось. Таким вот образом –
авось кто да подберет, и совесть чиста. А эти привезли сю-
да целую библиотеку и гордятся. А, может быть, эти люди и
сохранят здесь в этой стране то, что уже давно не читается
там, откуда они уехали, что давно забыто или выброшено...
А эти гордятся... Странно...

Они еще какое-то время говорили, но он уже рассеянно
слушал старика, продолжая размышлять:

– Уехать из страны с пустыми карманами, имея жену, дво-
их детей, неизвестно куда, без профессии, без приглашения
на работу, такое не укладывалось в голове. Странные люди.
А потом просто жил, работал, ставил своих на ноги. Теперь
у него дом и машина, кафе и корабль у пирса, взрослые дети
и внуки. Может быть, так и надо? Жить вчера?... Нет. Жить
сегодня, а там будь, что будет...

– Теперь я спрошу, – услышал он еврея, – я нескромен, и
все ломаю голову, какие могут быть дела у вас в этом курорт-
ном городке? Простите старому еврею такое любопытство.

Здесь бизнес только в туризме и у торгашей сувенирами, да еще ресторанчики и кафе...

Он назвал клинику, которая находилась в нескольких километрах отсюда, и еврей замолчал. Еврей стал серьезен и внимательно на него посмотрел. Потом спросил: – Кто у вас там? Жена?

– Да, – ответил он.

– Я извиняюсь, – ответил он, – я был не очень корректен, когда принимал вас за праздного ленивого туриста. – Подумал и добавил: – А в Иерусалим все-таки поезжайте. Там есть святые места, к которым можно прикоснуться, загадать желания, оставить просьбу, поставить свечу за здоровье, в конце-концов, кто его знает... Некоторым помогает. Многие верят. Это ваши святыни...

Извинившись, ушел, по-видимому, не желая больше досаждать человеку, который уже неделю каждый день, не обращая внимания на отдыхающих, развлечения и прочую курортную круговерть, сидел на этом берегу, мучился и ждал свою жену...

Снова маленькая скамейка в парке клиники, ее глаза и мучительная неизвестность впереди. Как всегда о чем-то говорили. Только не о болезни. Как будто ее и не было вовсе. Говорить на эту тему было бесполезно. Он снова рассказывал о старом еврее, больше говорить было не о чем. Он видел в этой стране лишь стены клиники, гостиничный номер и ка-

фе на пляже. Внезапно она спросила:

– Какого черта ты сидишь в том городке?

Он промолчал.

– Поезжай на экскурсию, возьми машину напрокат, посмотри Мертвое море, посмотри эту страну!

– Поедем вместе, когда ты отсюда выйдешь, – соврал он.

Нет, не соврал, но какое-то предчувствие уже подсказывало, что не получится у них такая поездка по этой удивительной стране. Клиника словно приковала этих двоих навеки к своим стенам. И долго еще придется жить на том пляже, приходить сюда. Но она, не обратив внимания на его реплику, воскликнула:

– Ну, Иерусалим ты должен увидеть! Обязательно поезжай туда! Быть здесь и не зайти в Храм гроба Господнего, не подойти к Стене Плача! Ты знаешь, что всего в километре от Старого Города за высоким забором находится Палестина, а там, в Вифлееме, есть еще один Храм и пещера, в которой обозначено место рождения Христа! Все это можно увидеть, прикоснуться, а ты сидишь тут!..

Он с удивлением на нее уставился. Он был поражен и не нашелся, что ответить, а она продолжала:

– А в Старом Иерусалиме, за стеной, находится целый городок с узенькими кривыми улочками, там проходит Крестный Путь! Есть улица – Виа Долороса. Этот путь прошел Иисус с крестом на спине, пока не донес его до Голгофы. На этом кресте его и распяли. Это нужно видеть! Нужно своими

ступнями пройти по камням, которые помнят его!

Она была возбуждена. Глаза светились незнакомым огнем. Была заразительна и без остановки продолжала говорить, а он молчал и удивленно на нее смотрел. Потом спросил:

– Когда ты здесь побывала? Ты мне не рассказывала, что ездила в эту страну!

– А я не ездила.

– Тогда откуда все это знаешь? – еще больше удивился он.

На мгновение она задумалась и как-то просто ответила:

– А как такое можно не знать?

Добавлять к этой фразе ничего и не требовалось. Знала и все... Знала... А почему не знал он?

Он молча сидел и любовался блеском ее глаз, возбужденным лицом – давно он не видел ее такой. Уже забыл, что была такой когда-то – энергичной, веселой, иногда азартной или боевой, какую он и полюбил. И сейчас в этой клинике, на деревянной скамейке, в нелепом спортивном костюмчике он снова видел ее такой же, как прежде. А еще эти глаза... Он был потрясен. Уже не замечал ее ранних морщинок и седых волос, которых прибавилось за последнюю неделю. Видел, конечно, видел, но не замечал.

Сегодня он не хотел от нее уходить, и еще долго они сидели и о чем-то говорили. Ему было с ней тепло и хорошо. В первый раз за эти дни он успокоился и был просто рядом с ней, как будто ничего не случилось. А она видела это и не

отпускала его. Давно им не было так хорошо.

6

Врач не торопился, говорил медленно, тщательно подбирая слова. Врач пригласил его сегодня позже обычного, когда он, уже посидев с женой на скамейке, собирался обратно на свой пляж. Теперь тот изъяснялся понятным доступным языком, оставалось дожидаться конца этой тирады. Но тот, продолжая испытывать его терпение, рассказывал о болезни, о подобных случаях, известных медицине, говорил о методах лечения, только не говорил главного – сколько у нее осталось времени. И эта нескончаемая речь была невыносимой, хотя оттягивала неминуемый приговор. Поэтому перебивать его он не стал.

Окно в кабинете было открыто, и жизнь из маленького парка беспечно врывается в строгий медицинский покой. Легкий ветерок шевелил занавеску, яркое солнце светило, согревая этот белый дом, снаружи доносился щебет заморских птиц.словно ты маленький ребенок, а в детском саду тихий час, тебе не спится, ты лежишь и смотришь в окно. Остается еще час, может, немного больше, и пока глаза не закрылись, ты будешь заглядывать в него безмятежно и сонно...

Сколько ей осталось? – резануло в глубине сознания. Посмотрел на врача. Тот знал, но почему-то не говорил. Почему?

му? Может, спросить? Заткнуть его болтовню и задать тот самый вопрос? Нет, пока не стоит. Неизвестность дает шанс. Может быть, год, может, десять лет. Придется подождать – минуты уже ничего не решают...

В окно впорхнула какая-то птица и уселась на подоконнике. Он тупо уставился на нее, продолжая молчать. Доктор, заметив его интерес, произнес:

– Райская птичка.

– Что? – не понял он.

– Райская... Птичка так называется.

– Да-да, райская, я понял, – произнес он. Доктор продолжил свой монолог, а он подумал: – У нас кукушка. Спросишь ее, сколько тебе осталось лет – скажет. А эта... Топчется молча по подоконнику, толку никакого. Райская!.. Может, загадать? Сколько просидит на подоконнике минут... нет секунд, столько лет у нас осталось! Да! Секунд! Давай, поехали! – воскликнул он про себя и приготовился считать. Птичка, почувствовав на себе пристальный взгляд или что-то еще, мгновенно вспорхнула и улетела. От неожиданности он в ярости ударил ладонью по столу. Врач удивленно поднял глаза и замолчал. Но молчать уже было нельзя. Молчать было невыносимо.

– Сколько? – резко произнес он, – сколько у нас?... Год, два, десять?

Врач устало отвел глаза и задумался, потом снова медленно заговорил:

– По моим данным события развиваются стремительно...

Если так пойдет дальше...

Снова замолчал, уставившись в стол.

– Считайте сами... Динамика удивляет.

И, наконец, объявил приговор:

– Один день ее жизни в нашем понимании равняется году... Одному году. За один свой день она проживает год нормального человека.

Мертвая тишина повисла в комнате, и теперь только с улицы было слышно легкомысленное щебетание заморских птиц... Райских...

Доктор снова заговорил:

– Если взять за основу продолжительность жизни у женщин, допустим, 75 лет...

– Осталось полтора месяца? – в ужасе воскликнул он.

– Едва ли, ... не уверен, – произнес доктор. – Вы приехали ко мне, когда процессы в ее организме уже начались и нельзя ориентироваться на ее возраст в 30 лет. Вы пробыли у меня неделю...

– Целых семь лет! – воскликнул он.

– Думаю, у нас осталось четыре-пять недель... Но это по предварительным данным.

Дальше врач говорил быстро, скороговоркой, больше не подбирая слова.

– Но мы до конца будем бороться с болезнью и сделаем все, что можно. Мы обеспечим надлежащий уход и постараемся

облегчить ее положение. Есть кое-какие наработки, обещаю вам, что сделаю все, чтобы преломить ход болезни...

– Вы вылечили хотя бы одного человека с таким диагнозом? – перебил он врача. Тот смутился, пробормотав:

– Нет... Пока, нет.

И уверенно продолжил:

– Но бывает всякое. Думаю, что я на пороге решения этой проблемы, и вот-вот у нас появится результат. В конце концов, вы ничего не теряете, мы вместе сможем использовать этот шанс! Подумайте! Мы вместе будем бороться.

Он покинул кабинет врача и выскочил на улицу, стало душно, а в ушах звенели слова врача:

– 4–5 недель,... вы ничего не теряете,... надлежащий уход,... наработки,... бороться...

Неподалеку топтались в траве птицы, те самые, райские! Они сидели и никуда улетать не собирались, и, казалось, вечно можно наблюдать за ними, считая секунды и минуты, часы, а те продолжали бы невозмутимо ходить по газону, оставаясь на месте. Он поднял с земли камень и швырнул в птиц со всей силой и злостью, на какую только был способен. Из травы поднялась возмущенная испуганная стая и рванула из больничного парка прочь. Потом еще один камень и еще летели им вдогонку. Люди в парке удивленно за ним наблюдали, а из окна второго этажа спокойно смотрел человек, с которым он только что разговаривал...

Остался месяц, – стучало в его сознании. – Успеет ли врач

за этот короткий срок найти лекарство? Всего один месяц, – с ужасом думал он.

7

Было раннее утро. Сонный пляж встречал восход солнца, ветер шевелил остатки мусора на сером песке – пакеты, фантики, использованы презервативы, катал пустые пластиковые бутылки. Все это еще не успели убрать и подготовить пляж к новому дню. Городок спал, только он один сидел на берегу и смотрел на надоевшие волны. Он не знал, как сегодня пойдет к ней, что скажет, не знал, что думать и какое принять решение. Первый раз в жизни он был совершенно бессилён. И еще, ему было нестерпимо жалко ее. Сердце щемило, жутко болела голова. Вчера вечером он сидел на этом пляже и пил. Пил много, долго, пил все подряд. Старый еврей не подходил, издалека наблюдая за ним; еврей понимал, что бывают моменты в жизни, когда нужно побыть одному, нужно просто напиться. А он и напился. Дотащившись до гостиницы, провалился то ли в сон, то ли в кошмар, откуда из полудремы рано утром выполз и снова пришел сюда.

– Жалко ее, – снова подумал он. – Говорят, в таких ситуациях жалеют скорее себя. Человек уходит навсегда, может быть, попадает в другой, лучший мир, если верить в это, а ты остаешься один наедине с собой. Вот и сейчас сидишь и жалеешь себя – что будет с тобой? А без нее он себя уже не

мыслил. Без ее глаз, стремительной походки, звонкого голоса...

– Какого черта ты сидишь? Поезжай в Иерусалим! – звенело в ушах. – Как он сегодня к ней придет? Что скажет, как посмотрит в эти глаза? Нужно что-то придумать... Один месяц! Всего один!

А ветер продолжал играть с мусором на сером песке, и солнце лениво вставало над морем, равнодушно поглядывая на него. Скоро он останется абсолютно один в этом огромном пустынном мире.

Они долго ехали по зеленым холмам, и дорога уводила куда-то на высоту. Даже солнце стало другим. Таксист все время рассказывал о чем-то, наконец, произнес:

– Осталось немного. Иерусалим находится на высоте 900 метров над уровнем моря. Мы поднимаемся.

– Зачем поехал? – думал он. – Просто, больше не мог сидеть на одном месте, и море это видеть не мог, и старого еврея, в кафе которого вчера напился. Тот все замечал, понимал, но не подходил. А он словно под рентгеновскими лучами был на его глазах. И зачем он ему все рассказал? Терпеть не мог, когда тебя жалеют! Проще забиться в свою нору и мучиться там. Вот почему в Москве люди молча напиваются и ничего не знают друг о друге. А здесь – душа нараспашку. А потом не знаешь, куда деться от этих глаз. Хватит того, что не знаешь, куда деться от самого себя... Потому и поехал.

Сбежал. В клинику можно будет приехать только к вечеру, а находиться в курортном городке, безвольно утюжа набережную, смотреть на море, на жалостливые глаза старого еврея он не мог.

Они уже въезжали в город и, наконец, показалась большая серая стена, которая закрывала собой массивные каменные строения.

– Старый город, – произнес таксист, и он начал осматривать окрестности. А тот без умолку говорил:

– Это Масличная гора, – и показал на высокий холм напротив стены.

– Вот старое еврейское кладбище.

Кладбище находилось на склоне холма и занимало значительную его часть.

– Гефсиманский сад, – он тоже находился на этом склоне.

– Иисус любил гулять здесь, размышлять, разговаривая со своими учениками, здесь же его предали и схватили, отсюда и повели в Старый Город. Что происходило дальше, вы, конечно, знаете, а когда он воскрес, снова вышел на эту сторону, ходил в саду, говорил с людьми, а через 40 дней вознесся с самой верхушки Масличной горы. Так что, все рядом, – закончил таксист.

– Надо же, во что верят люди! – подумал он. – Хотя, если верить, наверное, легче, намного легче...

Пока они стояли на дороге в небольшом заторе, он мог не спеша осматривать окрестности. Все действительно нахо-

дилось поблизости. Справа длинная стена Старого Города, потом резкий спуск, через дорогу по левую руку на склоне горы кладбище и сад, а дальше ее вершина.

– Как все близко, – подумал он.

Все напоминало маленький игрушечный мир, который как на ладони помещался перед его глазами. В этом городе за стеной жили люди, там же проходил Крестный путь, они выходили, гуляли в этих садах, поднимались на гору, возвращались в свои дома за высокую стену, а когда умирали, их хоронили на этом кладбище, всего в сотне метров. Все близко. Маленький уютный мир. Только зачем Он не ушел, когда уже знал, что его предали? Зачем отправился в этот город? Чтобы умереть? Нет, сначала нести Крест, а потом умереть... Кажется, так... Сам ты веришь в это? – подумал он, посмотрев на высокую стену Старого Города. Стена притягивала, она скрывала какую-то тайну, и захотелось быстрее проникнуть туда и пройти по старинным улочкам.

К вере он относился спокойно. В малолетстве его грудным ребенком отнесли в церковь и окрестили. Возраст был бессознательным, и крещение прошло без его воли, то есть, по воле бабушки. А потом он уже не заходил в храмы, да и креста не носил. Тот хранился где-то. На его глазах менялось время, менялась страна. Он видел, как недавние члены одной партии смело рвали партбилеты и переходили в партии другие, видел, как эти закоренелые атеисты бросились наперегонки в церковь, в один миг превратившись в глубоко ве-

рующих людей. “И смех, и грех” – русская поговорка. Учителя, недавно преподававшие научный атеизм, начали обучать истории религий, оставаясь на своих кафедрах. Эти кафедры тоже перекрасились и изменили названия. Все это не удивляло, но стоять с этими людьми рядом в полночь на Святую Пасху в одном Храме не хотелось. Время такое было. Наверное, поэтому спокойно относился к церкви, знал, что был крещеным и не более того.

– Львиные ворота, – вновь услышал он голос таксиста. – Вам сюда.

Он посмотрел на маленький уютный проход в высокой серой стене, и его непреодолимой силой потянуло туда. Едва не забыв расплатиться, вышел из машины и устремился в городок, услышав на прощанье:

– Будьте аккуратны, держите сумку.

– Зачем? – обернулся он.

– Мало ли что, – улыбнулся таксист, – всякое бывает.

– Странно, – подумал он, – неужели в Святом месте такое возможно?

И вошел в стены Старого Города...

Сразу же потерялся. Здесь, на крошечной территории, расположились сотни маленьких улочек без деревьев и тротуаров, покрытые низкими навесами, и временами казалось, что идешь по огромной квартире, почему-то вымощенной полированными булыжниками. Он запомнил, откуда свети-

ло солнце, и сумел вернуться назад к воротам.

“Здесь Иисуса ввели в Старый Город”, – вспомнил он слова таксиста. Отсюда он и хотел пройти этот Крестный путь. Зачем хотел – не понимал, но цель такую себе поставил и теперь изучал названия улиц, пытаюсь понять, куда идти.

– Потерялся? – спросил здоровенный дядька на неплохом русском языке. – Давай, дадим арапчонка, он покажет тебе дорогу до Их квартала, – весело предложил он.

– Почему арапчонка? – удивился он, разглядывая незнакомца.

– Потому что квартал арабский, – ответил тот, – а ты не знал? – и засмеялся. Да и не был похож этот человек на еврея.

Он огляделся и увидел женщин, закутанных по такой жаре в платки, увидел мужчин, которые были местными – тоже арабами. Арабский квартал, – понял он и спросил:

– А Их квартал чей?

– Их – Христианский. Тебе же в Их Храм?

– Да.

– Ну что, берешь моего парня? Договоримся.

Он сунул мужчине деньги и быстро пошел за мальчиком, все дальше углубляясь в удивительный город-лабиринт.

Мальчик иногда останавливался, тыкал в стены, показывая какие-то знаки, маленькие часовни, что-то лопотал на странном английском. Английский его был не совсем понятен, поэтому он шел, словно с завязанными глазами, пытаюсь

запомнить дорогу. Пока ему это удавалось. Иногда попадались небольшие часовенки, и снова бесконечные стены домов, переходящие одни в другие, и огромные булыжники на мостовой. Мальчик подвел его к столику какого-то араба и знаками показал, что нужно купить сок.

– Джус! Джус! – повторял он. Стало понятно, что придется пить сок, иначе они застрянут здесь надолго. Сок оказался вкусным и терпким на вкус. Араб ловко выдавил пару огромных гранатов, налив ему полный стакан. Расплатившись, они пошли дальше. Потом проводник подвел его к лавке с сувенирами. Пришлось купить магнит на холодильник. Шли дальше. Снова и снова какие-то палатки, сувенирные лавки, магазинчики. Здесь на этой улице был нескончаемый торговый ряд, и можно было идти вечно, если заходить в каждый. Мальчик постоянно советовал что-то, а хозяева лавчонки трепали его по волосам. Подошел какой-то парень и попросил денег. Он протянул ручку, и пришлось положить пару монет... Так продолжалось полчаса. Он ходил и скупал какие-то сувениры или по-русски говорил арапчонку, что ему больше ничего не нужно, и тогда они шли дальше. Арапчонки понимал его, только не мог ничего рассказать. Одно он знал точно – идут они в правильном направлении, по той самой улице, чье название было написано на табличках каждого дома. Виа Долороса – это и был Крестный Путь. В конце какой-то улочки мальчик остановился как вкопанный и замахал руками, давая понять, что дальше он пойдет один, –

начинался Их квартал. Махнув на прощанье, мальчик, протянув ладошку и, получив монету, быстро удалился, оставив его одного.

Начинался Христианский квартал. Пока он топтался на месте и думал, мимо прошла странная процессия. Мужчина, а следом женщина, громко разговаривая по-немецки, неустанно веселясь и хохоча, тащили деревянный крест. Он удивился, крест был большим и длинным, но очевидно легким. Они несли его, зажав под мышками, и такой веселой процессией передвигались по узенькой улочке, пока не скрылись из виду. Он понял, что нужно идти за ними, только не знал, зачем они делают это. Зачем крест? Потом его обогнала компания с такими же деревянными крестами. Снова хохот и громкая болтовня на всю улицу. Очевидно, так проходят здесь Крестный Путь. Такой обычай. Не понимал одного – чему эти люди радуются, ведь идут они дорогой, по которой когда-то шел Он, неся свой Крест. И был тот намного тяжелее этих бутафорских. Его допрашивали, избивали, потом осудили, и шел Он окровавленный этой дорогой, останавливаясь и роняя, снова подбирая ношу свою, говорил с людьми, снова шел, понимая, на что идет. А эти смеются...

Наконец, добрался до большого Храма с маленьким прямоугольным проходом и замер, как вкопанный. Здесь, на большой, по меркам этого города, площади стояло множество туристов с крестами и без крестов, в футболках и майках, в джинсах, с платками на головах и без них. Они фо-

тографировали, громко разговаривали, тыча в воздух пальцами, лопотали на многих языках, и тогда он понял, что пришел. Храм гроба Господнего – он помнил это название. Вчера в клинике она рассказывала ему об этом месте, и вот он здесь. Здесь же Голгофа, сам гроб, и плита, на которую Его положили, когда сняли с Креста. Здесь каждый камень помнит и повидал многое, каждый – святыня. По поверью, можно без помощи священника самому приложиться и попросить о чем-то, пожелать... Если, конечно, веришь, ... Он снова оглядел праздную толпу, потом уверенно пересек площадь и вошел внутрь.

Он давно не был в Храме, всегда проходил мимо, не замечая этих святых мест там, в далекой Москве. Иногда любовался золотистыми луковицами церквушек, сияющих на солнце, разбросанных по всему городу, но привычно мчался дальше по своим делам, а тут вошел и понял, что идти больше никуда не нужно. Последняя остановка. Вот Гроб под высоким каменным сооружением, откуда раз в году чудесным образом на Пасху выносят Святой Огонь.

– Верить ли в это? – такая мысль почему-то больше в голову не приходила.

Он стоял и застывало смотрел. Услышав родную речь, присоединился к группке русских туристов. А экскурсовод рассказывала о каждом шаге, который проходил Иисус. Туристы не прошли Крестным путем, они попали в этот Храм

другим маршрутом, поэтому верили ей на слово. Здесь он и узнал, что Человек этот, или не Человек вовсе, шел по Виа Долороса, трижды роняя свой крест, останавливался, поднимал его, но шел дальше. Он говорил с людьми. Потом Голгофа. Вот она, на возвышении за перилами на балкончике. А вот и камень помазания, куда сняли его с креста и положили, чтобы умыть. Люди зачем-то подходили, доставали крестики, иконки, фотографии. Клали это на камень и замирали.

И тут его поразили глаза этих людей. Тех самых в джинсах и майках, с крестами паломников под мышкой, с радостными улыбками, молодых и старых, верующих и нет, все они замирали перед каждой иконой, камнем, каждым углом или колонной, трепетно стояли в очереди к самому Гробу, и глаза их светились в тусклой темноте. Эти люди оставили за стенами свои жизни и судьбы, привычки и суету, дела и любимые игрушки, и теперь смотрели широко открытыми глазами, зная, куда пришли. И место это напоминало центром вселенной. А впереди темная пещера – тусклый проход, где находился Гроб, откуда этот Человек, выйдя, вернулся в любимый сад, потом на гору, а потом еще выше...

Нет, сейчас он не пойдет к Гробу. Он еще не прошел Крестный Путь, – подумал он, посмотрев на пакет, распираемый никчемными сувенирами. – Он должен купить ей крестик, и только тогда войти сюда. И обязательно пройти этот путь снова, но уже один...

Как замороженный, он устремился из Храма. Шел, не разбирая дороги, но не сбиваясь с пути, как будто находился у себя дома. Торопился, уже почти бежал. Закончился Христианский квартал, потом Арабский, в конце улицы появились Ворота, те самые, через которые он снова войдет сюда, уже в третий раз, и проделает этот путь один. По дороге успел купить маленький крестик. Он положит его на плиту гроба, а потом принесет ей. Он нужен! Он ей необходим!

“Некоторым помогает. Многие верят”, – вспомнил он слова старого еврея.

Так, совершенно взмыленный, с пакетом сувениров, но с заветным крестиком в руке снова оказался у ворот в Старый Город...

– Снова потерялся? – окликнул его старый знакомый, – давай опять проводим! – и подозвал арапчонка, который с охотой подбежал, готовый служить проводником.

– Нет, спасибо, я сам, – ответил он.

– Сам? – удивился араб, пристально посмотрел ему в глаза, какое-то время помолчал и уважительно с пониманием отступил, добавив:

– Ну, давай сам, – кивнул на прощанье и отошел, видимо, не желая мешать этому странному сумасшедшему русскому, который почему-то бегал по его городу.

Интересно, что понял этот человек по его взгляду?

Теперь он шел, не пропуская ни одного камня под ногами, ни одной стены или окошка в старинных домах, выискивая следы той эпохи, которые сохранились до сих пор. И ничто не могло его отвлечь. “Держать сумку!” – вспомнил он. Не нужна ему эта сумка с дурацкими сувенирами, и только маленький крестик крепко держал в сжатом кулаке...

Он шел, вспоминая слова экскурсовода:

Его избивали, и не спал Он уже многие часы с тех пор, как был арестован в саду. Потом короткий суд, и Пилат отправляет Его на распятие. Снова избивают... Где-то в этом месте. Вот почему Он уронил Крест в первый раз. Было это где-то здесь...

Он вспоминал те остановки, о которых рассказывала экскурсовод в Храме, а в голове билась фраза: “Жизнь, длиною в три сотни метров”... “Три сотни... Смотри, как их прожить”... Вот Он живет,... шаг за шагом идет по этой улице и пока живет. Здесь какая-то женщина утерла Ему платком окровавленное лицо, а потом на этом платке возник Его лик, сохранившись навеки. Верить ли в это?

А сколько весил тот Крест, настоящий, который лежал на его спине? Он не спал очень долго, потом перед судом сидел в темничке. Слово какое ласковое – темничка. Теперь там висят иконы, горят свечи, а когда-то это место напоминало склеп. На ногах цепи. А потом Он нес этот Крест. Сколько же он весил?...

Отвлекла маленькая рука, которая оказалась прямо перед

носом. Он видел сегодня эту грязную ладошку. Это тот самый арапчонок, которому он сунул пару монет. Теперь он снова был перед ним. А тогда, две тысячи лет назад тоже ходил этот мальчик и просил милостыню? Тот самый мальчик! Ну, конечно! Точно так же он протягивал руку и хотел взять пару монет у Человека с Крестом – все равно они ему больше не понадобятся. Но подойти ближе невозможно, а воины в римских одеждах и латах толкают Его, бьют по плечам и спине, и Он снова роняет Крест. А мальчик стоит и смотрит с протянутой рукой. Вот пробежали двое с деревянными крестами паломника. Они фотографируют, смеются и мчатся по улице дальше, чтобы пройти этот путь до конца, а потом рассказывать друзьям – мы были Там!..

Здесь Он остановился и говорил с людьми. Что говорил? Что-то про этот город. Что скоро его разрушат. То были последние Его слова. Он разговаривал с ними, думал о них, чем-то хотел поделиться, что-то донести. Но нести приходилось тяжелый Крест, пока тот не упадет в третий раз. Сколько же он весил?! А вот знакомая лавчонка – магнетики, зажигалки, сувениры. И продавец точно так же две тысячи лет назад стоял на этом месте и продавал. Только товар был другой, а человек все тот же. Вот снова пробежала толпа паломников, не замечая Человека с Крестом – с настоящим Крестом. Как все близко в этом крошечном городе-лабиринте! Все перепуталось, переплелось, смешалось на его улицах и во времени. Один продает товар, другой просит милостыню,

а третий несет, истекая кровью, свой Крест. Каждый занят своим делом...

Жизнь длиною в несколько сотен метров – половина пройдена. И что поражало – каждый шаг, каждая остановка была освящена часовней или крестом, памятным знаком. Каждый вздох Его запомнили немногие из этих камней, но за каждым поворотом снова и снова являлись памятники Его шагам. А Человек шел и нес свой Крест...

И вдруг он сам ощутил его вес, словно прогнулся под ним. Он стоял на этой улице, на отполированных, за тысячи лет ногами паломников, камнях и чувствовал, сколько тот весил. И еще понял, как устал этот Человек, а впереди вторая половина пути, но Крест свой Он больше ронять не будет. Зачем Он сделал это? Зачем умирал за свою веру? Ради кого? Ради малыша с протянутой рукой или того торговца? Если бы Он не сделал этого – не было бы Пути, и часовен не было, памятников. Не горели бы свечи на Голгофе, не стояли бы церкви повсюду и за высокой стеной, над Его любимым садом, и на горе, откуда Он покинул этот мир навсегда... А потому нужно идти. И дорога долгая, она еще впереди. Он сам пробежал ее этим утром налегке, но сейчас!..

Только теперь он понял, чего стоит каждый шаг жизни этой, если делаешь его со значением, а на спине твоей тяжелый крест. А тут сотни метров пути! “Жизнь длиною в три-четыре сотни метров”. Это жизнь старца, каждый шаг которого отмечен Храмом или крестом. Верить ли в это? Верить,

не верить! Это данность, с этим просто нужно жить! И вдруг в голове промелькнула еще одна удивительная мысль, когда он уже с трудом подходил к Храму, потом добрался до Гроба и дотронулся до него, положив маленький крестик. Мысль, которая все переворачивала в душе, но в это он верил сейчас абсолютно:

Каждое мгновение, если оно имело смысл, если заслуживало чего-то, можно превратить в бесконечность. Можно Крестный путь сравнивать с жизнью, а чей-то месяц с вечностью. Время не имеет границ, время растяжимо. Оно мимолетно, когда проходит без смысла, но стоит заполнить его, получается долгая-долгая жизнь. И теперь он знал, что нужно делать!

8

Он заскочил в палату, вызвав неудовольствие медсестры, которая возилась рядом, но ему было все равно, и весело с порога крикнул:

– Мы уезжаем! Собирайся!

Она опешила и удивленно посмотрела на него, потом на медсестру.

– Не теряй времени, – продолжал он, – сбегаю, попрощаюсь с врачом, мы свободны!

Слово “свободны” прозвучало непривычно для этих стен.

– Все нормально! – добавил он, – сейчас вернусь, – и по-

бежал в знакомый кабинет.

Люди из этой клиники не уходили так просто и так легко. Некоторые оставались здесь надолго, на всю жизнь, пытались лечиться, бороться, выживать...

Врач удивился и озадаченно спросил:

– Вы уверены?

– Конечно! Если можно, дайте, пожалуйста, счет за ваши услуги, и мы немедленно покинем клинику.

Потом настойчиво добавил:

– Пожалуйста, сделайте это прямо сейчас!

Врач молчал, а у него не было ни сил, ни желания выслушивать бесполезные доводы, и тот понял его. Это была решимость человека, который знал, что делает, на что идет, а он, врач, который десятки подобных случаев вел не один год, сам пока не знал, как бороться с этой болезнью. А этот, совсем еще молодой человек, почему-то знал и брал на себя такую ответственность. Хотя, что он мог ему предложить?

А сил уже не было находиться здесь, когда время стало так дорого. И на пляже в кафе старого еврея он тоже не мог сидеть и ждать неизвестно чего, а главное, не хотел больше оставлять ее ни на минуту. А минут этих у нее оставалось еще много. Очень много! И он готов был бороться за каждую. Хотел громко и четко повторить свою просьбу, но врач неожиданно заговорил:

– А вы знаете, ... на вашем месте, ... наверное, я поступил бы точно так же, – произнес это, задумался и добавил:

– Еще минуту и я вас больше не задержу, – он чувствовал нетерпение клиента, понимал его, поэтому нелепо и суетливо, выскочив из-за стола, кинулся к шкафчику с лекарствами, достал какую-то бутылочку и протянул.

– Возьмите.

– Что это? – удивился он.

– Ваше лекарство.

Он опешил, с удивлением уставившись на врача.

– Но вы говорили, что нет лекарства от этой болезни?

А тот продолжил:

– Объясню одну вещь... В каждом человеке есть достаточно сил, чтобы справиться с любым недугом, – доктор торопился. – Понимаете...

Он краснел, подбирая слова, сейчас он старался быть убедительным, пытаясь донести что-то важное, сменив врачебный тон, и горячо продолжил:

– Я сталкивался с невероятными случаями в своей практике... Люди, совершенно обреченные, не имеющие возможности получить нужное лечение, ... да и нет пока лечения от этой болезни, как и от многих других... Так вот, эти люди каким-то невероятным, чудесным, непостижимым образом, выздоравливали... Конечно, такое бывает редко, но случается. Поэтому я всегда держу в шкафу эти таблетки. Это ваш последний шанс.

– Таблетка-пустышка, – понял он.

– Плацебо! Совершенно верно. На этом флаконе написано

название пилюль, которое вы не найдете ни в Интернете, ни в справочниках. Такого лекарства не существует. Аскорбинка, витаминчик... не важно... Но, такое лекарство ЕСТЬ! – уже громче произнес он. – Просто нужно верить, и произойдет чудо – рецепт прост. И с Богом, – закончил врач.

– Странные люди, – подумал он, – удивительная страна. От врача уважаемой клиники слышать подобное? – Он не сказал это вслух, только подумал, уже ничему не удивляясь. “Верить, и произойдет чудо” – вот и рецепт, спасибо врачу.

Взял флакончик лекарства с неизвестным названием, откланялся, на рецепшии быстро оплатил услуги клиники и поторопился к ней. Сейчас он знал одно – оставался месяц. Целый месяц! И еще флакончик бесполезных пилюль,... но главное рядом с ней был он. И теперь нужно было успеть сделать за этот месяц то, что не смогли или не захотели за целых десять лет. А это немало...

Часть 2

9

Он заметно волновался, и она видела это. Словно маленький ребенок, ничего не объясняя, уверенно тащил ее за собой. Сначала, несмотря на вечернее время, по каким-то магазинам.

– Зачем?

Но он настаивал: – Нужно купить одежду для выхода.

– Какого выхода, куда? А этот странный побег из клиники?...

Ничего не понимая, полностью доверяясь его воле, она следовала за ним. Он был чем-то взволнован. Она не узнавала его, но, поддавшись азарту обезумевшего мужа, выполняла все его прихоти. Наконец, в модном бутике они выбрали красивое платье, потом заскочили в номер гостиницы, чтобы переодеться, и отправились, очевидно, на званый раут в президентский дворец или куда-то еще. А он продолжал молчать, и, глядя в ее недоуменные глаза, ничего не объяснял.

Еще пару часов назад она сидела на скамейке в парке клиники, ожидая его, ожидая своего приговора, а теперь эти двое в удивительных праздничных нарядах находились в ре-

сторане, в самом центре Тель-Авива и смотрели сквозь прозрачную стену на море. Ослепительный свет хрустальных люстр, белые скатерти, изысканно одетые официанты, приглушенная музыка. Все сверкало таинственным, сказочным великолепием, удивляя неподдельным шиком, блеском светящихся ламп на фоне заходящего солнца и беспокойного моря, которое по вечернему накатывало на берег и готовилось закончить этот день. Но их день, вернее, вечер, только начинался.

Она смотрела на него и терпеливо ждала, а он готовился что-то сказать. Чувствуя это, она не задавала вопросов...

Официант вежливо подошел и предложил меню. Положив на стол карту вин, по-английски спросил, что принести на аперитив. Ее муж почему-то смешался и по старинке, не глядя в меню, попросил мартини. Затем покраснел, хотел ей что-то сказать, вел он себя, как ребенок, и ее веселило такое поведение знакомого ей уже тысячу лет человека. Таким, пожалуй, она не помнила его никогда. Официант через мгновение принес мартини и, наконец, они остались вдвоем.

Он торжественно вынул из кармана какой-то флакон и протянул ей.

– Что это? – не поняла она. За целый вечер это были, пожалуй, первые слова, которые она произнесла.

– Лекарство! – воскликнул он.

Она взволнованно схватила флакон, внимательно его разглядывая.

– Совсем немного, и ты будешь здорова.

– Ты уверен? – удивилась она.

– Конечно! – продолжил он, – не зря же мы тащились в такую даль, тратили время, обследовались.

– Но... – сейчас она впервые услышала, что существует лекарство от этой болезни. За последнее время выслушала мнения многих врачей, те только разводили руками, а тут флакончик в руках и уверенный голос мужа. А потому не стала говорить ничего вслух, лишь внимательно на него посмотрела, перевела взгляд на флакон и снова на него.

– Сколько времени нужно принимать эти таблетки? – наконец вымолвила она.

Он загнулся, покраснел – он очень волновался. Она видела это, видела, как он был рад, что нашлось для нее лекарство, а поэтому отвечал не сразу и невпопад:

– Один месяц... Ну,... что-то около того – четыре-пять недель.

– И все? – воскликнула она так, что люди начали оборачиваться. – И все? – шепотом повторила она, заметив свою оплошность.

– Конечно! – громко уверенным голосом добавил он на весь зал. – Пьешь таблетки и забываешь обо всем!

– И запиваешь martini? – засмеялась она.

Смутившись, он тоже засмеялся:

– Пожалуй, начнем с завтрашнего дня. Сегодня мы отмечаем твое выздоровление... Наше... За тебя! – и поднял бо-

кал.

Она не знала, что подумать. За последний месяц побывала в таком аду, что не готова была к этому избавлению. А тут просторный зал, чинные официанты, море света, музыка, море за окном, заходящее солнце. Она – в восхитительном голубом платье, как невеста. (Это он настоял купить именно такое – фантастически небесно-голубое, необыкновенно красивое). Напротив он – в новом дорогом костюме, ... и этот флакончик в руке.

– Как просто, – подумала она, – это сказка. Сказка бывает? Посмотрела на мужа и подумала: – Конечно! Вот она! И снова перевела взгляд на флакон.

А он сидел напротив, его глаза светились незнакомым блеском и улыбались. Он то бледнел, то краснел и неотрывно глядел на нее. Она заметила этот взгляд и была поражена – он смотрел на нее так, как когда-то очень давно и любовался, не замечая ее изменившегося лица и морщин. Лишь видел это платье и ее глаза. Наконец, отпив глоток мартини, произнес:

– Предлагаю отметить такое событие, заодно использовать эту поездку. У нас отпуск.

– Здорово! – обрадовалась она, – надолго?

– На месяц! Целый месяц, и он наш с тобой.

Задумался и добавил незнакомым голосом:

– Медовый.

Она захохотала.

– Так вот почему ты меня вырядил во все это? Роль невесты! Сошел с ума? Не поздновато ли будет, спустя десять лет?

– Я тебе задолжал этот месяц, – возразил он, – помнишь, когда-то мы толком не смогли никуда поехать. Но, раз уж так вышло!..

Она засмеялась и уже разумно добавила: – Может, начнем наш месяц после этого флакончика, недели через три-четыре?

– Нет! – коротко бросил он и поправился:

– Ты в отличной форме, ты королева этого ресторана... – помолчав мгновение, добавил: – Вернее, этой набережной... Тель-Авива! Устраивает?

– Наглый лжец! – засмеялась она, тоже отпив глоток. Официант понял, что, наконец, удобно подойти, вынул ручку, блокнотик и начал писать заказ.

Они долго и с удовольствием выбирали блюда, потом так же долго напитки. Он плохо разбирался в винах, поэтому старался заказать самое дорогое. – Пожалуй, это! – наконец воскликнул он.

– С ума сошел! – прошептала она, – какая-то бутылка 76-го года за шесть тысяч долларов! Ты обезумел? – но продолжала веселиться. Ей нравилась эта игра. В конце концов, сегодня она родилась заново. Сегодня у нее день рождения! А еще этот чертов медовый месяц, что же, остается гулять!..

Официант ничего не понимал. Нет, он был в восторге от

этой русской парочки, но не понимал, как можно за бутылку вина отдать такие деньги? Даже за глоток такого вина. Понимал одно – сегодня был его день, а потому продолжал азартно предлагать блюда, перелистывая одну страничку меню за другой. Сейчас он чувствовал себя соучастником неведомого праздника или представления, нереального шоу, которое стоило немислимых денег, такое даже здесь встретишь редко, и тут его понесло:

– Обратите внимание на это “Шато” 74-го года, вашей маме наверняка понравится. Изумительно терпкий, в тоже время нежный, ненавязчивый и, несомненно, приятный вкус. Ваша мама будет в восторге!..

Неожиданно прервал речь, с удивлением уставившись на человека, который внезапно побледнел и зло произнес:

– Вы его пробовали?...

– Простите?

– Вино 74-го года за десять тысяч баксов вы пили когда-нибудь? – снова гневно посмотрел на официанта и небрежно бросил:

– Мы уходим, – швырнул на стол деньги за аперитив и, подхватив под руку свою нарядную спутницу, повел ее к выходу.

– Ну и семейка! – официант долго смотрел им вслед, не понимая, чем разозлил клиента. Как понять этих русских? Сначала швыряют деньги на ветер, потом быстрее ветра исчезают сами. Вздохнул, взял деньги, которых хватило бы на

несколько бутылок мартини, и принялся убирать со стола. Впрочем, убирать было нечего – всего-то два бокала недопитого аперитива и меню, которое эти двое только что так весело разглядывали. А в воздухе еще стоял нежный, удивительно тонкий аромат духов этой пожилой леди... Нет, не пожилой. Судя по возрасту ее сына, ей было около пятидесяти, но для своих лет выглядела она недурно. Замечательно выглядела! Все-таки русские женщины чертовски красивы... Впрочем, это не его дело.

Это был опытный официант, он мог без труда определить возраст женщины. Никакая из них не сумела бы скрыть от его глаз возраст, если шея ее была открыта. По этому нежному месту, которое не закрасишь никакой косметикой, всегда можно понять, кто перед тобой. Об этом нужно знать – а он знал. Иногда ему казалось, что о клиентах шикарного ресторана, где он работал многие годы и обслужил уже тысячи, он знал все. Знал, кем они приходятся друг другу, как ведут себя супружеские пары и как на их месте любовники. Казалось, даже знал, как они делают ЭТО. А семью из молоденькой мамочки и взрослого сына распознать не составило труда. В этой стране неравные браки были по традиции классическими – муж старше жены. Сюда еще не дошла европейская мода. Поэтому, ему и в голову не приходило, что он ошибся. Ужасно ошибся! Тем более что эти двое никак не походили на супружескую пару – уж больно трогательно они себя вели...

Официант в последний раз взглянул на карту вин, вздохнул и закрыл ее. Сегодня, пожалуй, был не его день, – такого в его практике еще не случилось...

– Чертовски красива! – любовался он ее глазами, тонкими оголенными руками, стройной фигурой в голубом платье, немного курносый носиком и прической, которую сама успела сделать на бегу в этой сумасшедшей гонке, в сумасшедшем городе, который, казалось, никогда не спал.

Тель-Авив гулял. Был третий час ночи, а он все гулял, и они вместе с ним. Бродили по улочкам, болтались в каких-то закоулках, забегали в маленькие бары и кафе, совсем не уставая. Он не хотел отпускать этот вечер, не хотел прощаться с бесконечным днем, и теперь сумасшедшая ночь была его продолжением.

Сейчас они, свесив ножки, сидели за круглым столиком какого-то музыкального бара. Никого не удивляли их наряды. Публика состояла по большей части из молодежи и тоже была разодета или раздета, с немыслимыми прическами, одни в джинсах и майках с рюкзачками за спиной, другие в вечерних платьях. Все смешалось в этой праздной толпе, все перепуталось и переплелось – стили и возраст, время и жизнь, день и ночь. Всё и вся сходили с ума! А музыка неистового джаза, или не джаза вовсе, так ударяла по ушам и мозгам, что, казалось, выбьет сейчас из их голов все неприятные мысли, и только бесшабашное веселье будет напол-

нять сердца...

Свет был приглушен, повсюду мерцали лампы и прожектора. Люди громко говорили, даже кричали. Нет, они не сошли с ума, но, чтобы тебя услышали в таком грохоте, приходилось перекрикивать музыку и размахивать руками. Наверное, человеку, смотревшему с улицы сквозь прозрачную витрину и не слышащему шума, могло показаться, что все здесь окончательно спятили. Но посетителям бара на это было абсолютно наплевать. Тель-Авив гулял...

По дороге в магазинчике сувениров он прикупил небольшой глобус и теперь тот гордо стоял в самом центре стола. Они играли в игру, которую придумали только что: вращали глобус, тыча в него пальцами. Так эти двое выбирали маршрут своего путешествия. Маленькая неловкость в ресторане с тихой чопорной музыкой и идиотом-официантом была забыта, сметена из памяти шквалом нескончаемого джаза, и теперь они болтали ножками, сидя на высоких стульях, что-то пили, вращая глобус – путеводитель по миру и их странному вояжу, который так удивительно начинался. А он сидел напротив и смотрел, как она играет с крошечной планетой. И любовался.

Она была так красива в этом платье, с необычной прической, а от аромата ее духов он сходил с ума. Столько лет он знал эту женщину, но почему-то не замечал! Видел, но не замечал! Как такое возможно? И сейчас следил за каждым ее движением, жестом, неподдельным очарованием родного

дорогого ему существа. На мгновение в сознании промелькнуло: – Неужели всего через несколько дней, недель эта красота увянет, как прекрасный цветок, который пока стоит в хрустальной вазе, источая красоту и аромат, но он уже срезан с клумбы и обречен.

Захотел ударить себя по голове, больно ударить, так, чтобы выбить вместе с мозгами эти чертовы мысли:

– Не смей думать о себе! Думай только о ней! Подари ей этот вечер и ночь, и столько дней, сколько еще осталось. А там – будь, что будет...

– НЕ СМЕЙ ДУМАТЬ О СЕБЕ – пока она рядом!.. – звучало в голове, заглушая шум веселого джаза.

Вдруг музыка стала громче, а публика, размахивая руками, начала что-то кричать ди-джею, который свисал с потолка, и только ножки его были видны в кромешной темноте. Он в такт болтал ими в воздухе, делая музыку все громче. Очевидно, это и был последний, всеми любимый музыкальный хит. Из-за столов начали вскакивать люди, они бросились к стойке бара, и теперь мужчины помогали своим девицам взбираться на нее. Начался безудержный дикий танец. Полупустые бутылки, недопитые стаканы, тарелки – все, что не успел убрать бармен, летело на пол из-под ног танцовщиц. Их фигуры извивались в темноте, где мерцали яркие вспышки. Свет мигал, и люди, исчезая в одних местах и позах, являлись через мгновение совсем в других. Вакханалия продолжалась. И только ножки ди-джея все раскачивались, со-

тряся воздух, выколачивая ритм.

Он заглянул в ее глаза. В них мерцал сумасшедший огонь. Она, словно поддавшись этой музыке, мысленно уже танцевала на стойке бара вместе с остальными – молоденькими девчонками с голыми пупками, странными прическами и диким восторгом в глазах. И тут он подумал:

– Была бы она моложе лет на двадцать, наверное, танцевала бы так же... Как в далекой юности!..

Поймал себя на мысли, что уже привыкает к ее годам. К этой мысли привыкает и к ее чертовому возрасту!.. Только не это! Напротив сидит молоденькая девушка,... девочка,... его жена, которую он любит, и будет любить до конца, и всегда только молодой. А она и была в этот миг такой. И снова мысль, словно вспышка, больно резанула в сознании: – НЕ СМЕЙ БОЛЬШЕ ДУМАТЬ О СЕБЕ!!!

10

Они пробежали по этой маленькой стране, заглянули в самые отдаленные ее уголки и Святые места, окунули ноги в Мертвое, Красное и Средиземное моря.

Такая маленькая страна и целых три моря, – удивлялись они. Маленькая, словно игрушечная. Проехать ее можно за один день. На севере видны горы Сирии и Ливана, а на юге несколько километров пляжа, зажатого с обеих сторон Иорданией и Египтом. Крошечный мир, который помещается

посреди пустынь и оазисов, стран и морей, на пересечении трех континентов, на узенькой полоске земли... Но теперь он торопился отсюда бежать. Из места, куда привез ее спасти от странной болезни, но получил назад сроком на один месяц. Месяц, в котором каждый день равнялся целому году жизни. И мчались они отсюда безоглядно.

В Европе их ждала зима. Снег в этом решил году выпасть раньше обычного. Он торопился порадовать туристов белоснежным толстым покровом, который окутал зеленые холмы, горы, стоянки горнолыжников и маленькие отели-шалы у самых вершин Альпийских склонов. Шенгенские мультивизы, полученные ими еще полгода назад, позволяли совершить такое путешествие, не возвращаясь в Москву. Всего несколько месяцев назад они были в Европе, много раз приезжали сюда и раньше, но так еще не ездили никогда.

В первое утро после их стремительного перелета, проснувшись и не успев открыть глаза, он вспомнил обо всем. Вспомнил и теперь с ужасом боялся взглянуть на нее. Так было каждое утро в течение тех нескольких дней, после того как они сбежали из клиники и носились по Святой земле. Она спала рядом, а эта ночь, как и все прочие, теперь была самым длительным расставанием в их жизни. За такую короткую ночь кто-то успевал прожить полгода, и сейчас он боялся заглянуть в глаза, которых не видел столько времени,

недель, месяцев, а для кого-то всего лишь ночь... Но, заставил себя отвлечься от этих мыслей и начать новый день, который был подарен судьбой, и прожить его хотелось незабываемо и со значением. А пока маленький глобус вращался, показывая места, куда так хотелось заглянуть на игрушечной планете, можно было этот день начинать. И таблеток во флаконе оставалось еще на целый месяц – около тридцати штук. Тридцать заветных бесполезных таблеток, и пластмассовый глобус на столе...

Взглянул на нее. Она уже проснулась, и, едва вскочив с постели, уверенной упругой походкой подошла к тумбочке, не глядя на него, лишь флакончик заветных таблеток всецело приковывал ее внимание. Взяла его в руки, достала одну пилюлю и задумалась. Потом налила из бутылки воды и снова замерла. Все напоминало какое-то священнодействие. Она напряженно о чем-то думала, наконец, поднесла таблетку ко рту, проглотила и запила водой. Снова остановилась, застыв на месте. Он впервые видел, как она делает это. В таком незначительном, бессмысленном действии скрывался неведомый тайный смысл. Она абсолютно верила в эти таблетки! Держала их в руках, словно то был не стеклянный флакон, а осколок метеорита или чего-то подобного. Словно из далекого космоса некто протянул ей эти пилюли, и теперь она трогательно и серьезно принимала этот дар – подарок судьбы. Она верила в судьбу!

Вдруг поймал себя на мысли: – А имеет ли он право на обман и может ли брать на себя такую ответственность? Но, другого выхода не было, значит, может... Должен. И флакончик еще полон.

Она заметила его тревожный взгляд и улыбнулась:

– Долго ты еще собираешься валяться? – громко заявила она. – Я голодна! Посмотри в окно! Вставай быстрее! Нечего время терять!

И от этих слов, ее необычайной энергии стало хорошо и спокойно. Трудно было поверить, глядя на эту веселую, красивую и такую молодую женщину, что их ждет что-то ужасное.

А за окном начинался замечательный день. Ярко светило солнце, хотелось быстрее покинуть номер и мчаться далеко-далеко – на гору или с нее по белоснежным склонам, по дорогам на машине, спускаясь в долину, где их ждала Франция, Италия. А при желании и Швейцария, там за высокими горами, куда можно было доехать на лыжах, переносясь с горы на гору, с подъемника на подъемник, где только белые снега и яркое солнце над головой. Он поддался ее настроению, вскочил, мгновенно забыв обо всем.

Просто не нужно все время пялиться на этот чертов берег, – мелькнуло в голове.

Гора встречала их хорошо накатанными склонами, мягким, искрящимся на солнце, снегом, и редкими людьми, ко-

которые весело неслись с нее, начиная горнолыжный сезон. Гора встречала их с радостью, давая возможность на время забыть обо всем и отдаться полету. Они прекрасно умели кататься на горных лыжах, каждый год посвящали этому пару недель и теперь с нетерпением осматривали заснеженные склоны из маленькой кабинки, которая поднимала их на самую вершину. А дальше только голубое небо, солнце, звезды, галактики...

Он на секунду задумался: – Может быть, понести ее снаряжение – лыжи и палки, которые весили немало. А если учесть...

Но она опередила его, первой выпорхнув из кабины, подскочив к самому краю склона, уверенно стоя на лыжах, легко преодолела этот маршрут. А глаза ее смеялись. Она стояла на самом краю и смотрела вниз, потом на него, снова вниз, туда, где терялись маленькие отели и дорожки, шли крошечные люди, ездили машинки, где скрывался белоснежный игрушечный мир. В ее глазах таилось нетерпение и восторг человека, который соскучился по горе, и сейчас сделает шаг и помчится. Он улыбнулся в ответ, но она уже неслась маленькой стремительной молнией, не поворачивая и не петляя – просто вниз, по прямой!

Скоростной спуск! Как они любили его! Только так можно добиться максимальной скорости и почувствовать восторг. Только так можно ощутить непередаваемое чувство полета, которое не сравнишь ни с чем. Он мчался следом, удивля-

ьясь ее скорости. Он пытался ее догнать! Он должен быть рядом! Везде и всегда он должен следовать за ней, находиться близко, чтобы в нужный момент помочь, поддержать, протянуть руку. Но она стремительно исчезала, а гора все дальше и дальше гнала ее по склону, словно забирая.

Ах, так! Сейчас догоню, еще немного и буду на расстоянии протянутой руки. Еще десять, сто метров, еще один поворот. Вот она уже близко, он видит ее лицо. Она, обернувшись, посмотрела на него, а глаза ее засверкали на солнце ослепительными сумасшедшими огоньками! Она улыбалась, она была в диком безумном восторге и была рядом! А он несся следом, не ощущая скорости. И только ветер в лицо.

О, этот стремительный полет! Не хотелось смотреть вниз, – только на нее. Сейчас ему было все равно, что там внизу, куда они мчатся, где остановятся или упадут. За ней он готов был лететь куда угодно, не думая ни о чем... И вдруг почувствовал, что в эту минуту оседлал само время. Он чувствовал его, ощущал, мчался, жил с его скоростью, и время остановилось. Он держал его под уздцы. А еще понял – если мчаться так всю оставшуюся жизнь, она может показаться бесконечно долгой. Только полет может дать это незабываемое ощущение. А если... еще быстрее, то перегонишь его, и время это, в плену которого живешь, и ползаешь, там внизу, пойдет для тебя вспять. Оно будет пятиться, отступать, удлинняя жизнь, делая ее бесконечной. Твою жизнь и Ее...

Что это? Она сделала неожиданный поворот, и только

фонтан снега из-под лыж. Теперь она стремительно удалялась.

Она не понимает, что делает! Сейчас попадет на крутой склон, обозначенный на карте “черным” цветом. Но она не читает карт. Она не любит их и всегда следует только за ним, но сейчас... Вон уже видны указатели спуска и сетка, которая опутывает его. Стоит неумехе свалиться, его неминуемо вынесет к ней, где он, как пойманная рыба, будет биться, собирая лыжи, палки и остатки себя, если это еще возможно...

Она видит, куда ее несет, но почему не остановится? Почему не свернет, и мчится в эту черную дыру, в бездну? Еще немного, склон исчезает с глаз, обрываясь отвесной пропастью, и она тоже исчезает на черной горе... Через мгновение он оказывается на краю и летит, нет падает, в эту бездну. Снова видит ее впереди, она крепко стоит на ногах и мчится вниз. Потом исчезает...

Потеряв ее из виду, ему стало страшно. Мелькнуло в голове, что страшно за нее. Вдруг понял невероятную вещь – ему страшно без нее! Он уже не мог без нее! А чертова гора забирала этого человечка, не спрашивая, делая лишь то, что хотела. Гора принимала эту жертву. Гора над ним издевалась. И он остается совершенно один.

Все происходило какие-то считанные секунды, но бесконечно долго. И он бесконечно долго не видел ее, а гора продолжала с ним играть. Почувствовал невероятную усталость, невозможность остановиться. В это мгновение он весил мно-

гие тонны, летя с немислимой скоростью, и остановить неповоротливое тяжелое тело уже не мог. Он потерял все навыки и умения, и гора почувствовала это. Запах жертвы пьянил. А жертвой оказался он, чем гора неминуемо воспользовалась. Она подбросила его, он на миг оторвался, потеряв равновесие, а гора тем временем, снова набросилась и больно ударила. Он подлетел и упал – не понимая, где находится. То ли над горой, то ли она явилась сверху и летела прямо на него. Снова ужасающий удар – гора его добивала. Она готовилась выбить из него мозги, душу, переломать кости, размазать беззащитное тело по склону и только тогда успокоиться, приняв в жертву одинокого, заблудшего человека. Наконец, спасительные сети поймали его, вцепились и крепко удерживали от дальнейшего падения. Он повис, и в глазах потемнело...

Придя в себя, огляделся. Теперь он – человек-рыба. Он накрепко увяз в этих сетях, а гора снова издевалась, она больно его избила, а теперь равнодушно леденила тело, душу и ждала, когда он уползет. Сейчас гора была к нему равнодушна. Это распластанное тело ее не интересовало. То ли дело подставить ногу тому, кто позволил себе испугаться. Страх – вот главный палач. Каждый сам выносит себе приговор и приводит его в исполнение, стоит лишь испугаться. Дальше – неминуемое падение. Таков закон...

Но пришел в себя и посмотрел в самый низ горы. На черном, чертовом склоне больше никого не было. Ее нигде не

было! Он потерял ее. Она не билась в спасательной сетке, не скользила вниз, просто исчезла. Эта гора забрала ее! И тут ему по-настоящему стало страшно! Уже задыхался. Только теперь понял, что не может без нее жить. Словно у этой женщины были в руках баллоны с кислородом, но она исчезла, и он задыхался. И еще ужасно замерз, а вокруг лишь холодный, скользкий склон под чудовищным углом скатывался вниз, и он посередине, в паутине сетки, где больше никого... Бесконечный, ледяной мир, где завис он на самом краю...

– Ей нужна помощь! – застучало в голове. – Пока он тут лежит, как рыбешка, выброшенная на берег, она где-то далеко, с ней может случиться все что угодно. Она прекрасно умела кататься, но это было так давно, совсем в другой жизни. А сейчас, стоит лишь оступиться, сделать неверный шаг, поворот... Такого падения она не перенесет.

И с ненавистью уставился на беспощадную гору. Может быть, она сейчас беспомощно где-нибудь лежит, а спасателей можно ждать долго, очень долго. Она может себе что-то сломать, получить сотрясение, а в ее возрасте... Дьявол! Опять – возраст! Но это правда. Он обманул ее, но не сумел обмануть себя. Он знал и помнил обо всем. А она поверила – и ведет себя, словно ничего не случилось, ведет себя, как девчонка. Но стоит оступиться! А он лежит тут, как беспомощный младенец...

И тут какая-то неведомая сила подняла его и поставила на ноги. Гора удивилась. Гора знала, что после такого паде-

ния можно лишь робко ползти, считая сломанные ребра или дожидаться спасателей, а этот... А этот небрежно пнул ее, словно гора не была ростом в несколько километров, лишь небольшим взъерошенным холмиком на теле Земли. Он уже неся по ее склону, не замечая ничего, а в голове билось: – Он нужен ей. Он должен ее найти! Должен быть рядом!

И теперь переступал через эту гору и другие тоже, перелезая через ущелья, переносился с подъемника на подъемник. Горы под ногами стали крошечными бугорками, песчинками. Он безжалостно давил их, наступая и кроша на мелкие осколки, льдинки, превращая в замерзшую пыль. Стирал склоны, преодолевая километры пути. Где-то там была она! Он нужен ей, он должен быть рядом. Но вокруг только холодная ледяная пустыня и он один, затерявшийся в этой бесконечной стране снега и льда.

Наконец, вернулся в место, откуда они утром начинали свое восхождение, стоял и не знал, куда ехать, что делать. Не знал, куда ее могло занести. А самые ужасные предчувствия уже начинали одолевать.

– Что, если она не справилась с трассой, что-нибудь сломала? Может, она уже в больнице, в чужой стране, с незнакомым языком, а он мечется по горам, не зная, где ее искать.

Вдруг его внимание привлекло необычное зрелище. Подошел ближе и оторопел. Наверху в небольшом ресторанчике

на веранде спокойно сидела его жена и, подставив лицо солнцу, загорала. Нет, это была не она..., а, может быть, она... или очень похожая на нее женщина. Подошел еще ближе и уже, не отрываясь, смотрел. Картина поражала. Женщина находилась на самом краю веранды, где никого не было. Сидела на маленьком пластиковом стульчике и, подняв голову к солнцу, смотрела на голубое небо. Иногда разводила руки в стороны, словно собиралась улететь. Поглядывала на солнце, улыбалась. Она улыбалась солнцу! Казалось, что у этих двоих было свидание, и он почувствовал себя лишним. Она улыбалась солнцу, а солнце улыбалось ей. Сейчас на всей планете солнце никто так не интересовал, как эта женщина. Куртка ее была расстегнута, изящные руки широко разведены, носик вздернут, и она купалась в ярких лучах. Вдруг понял – она отдавалась этому светилу. Делала это красиво! И поневоле он залюбовался, даже позавидовал ему... Ему! Солнцу! Это было восхитительное свидание, трогательное и нежное. Поэтому он не решился прервать его, заслонив это солнце. А оно все ласкало ее лучами, проникая сквозь одежду, согревало, давало тепло и жизнь. Оно вселялось в нее, лицо становилось загорелым, румяным, глаза светились улыбкой и тихим затаившимся счастьем. Она любила солнце, а солнце любило ее. Она изменяла ему с этим чертовым светилом!!! Отдавалась так, как могла делать это только она, да и то не всегда, далеко не всегда. Но сейчас... А солнце чувствовало себя счастливейшим из светил в Галактике, и взамен тоже

отдавало тепло и любовь, казалось, весь космос готово было положить к ногам этой прекрасной женщины. Это была Мадонна, сошедшая с картины великого художника, и нарисована она была сияющей солнечной кистью мастера...

С удовольствием подумал: – Эта женщина принадлежит ему! И любит она только его одного!

Долго стоял так и молчал... и любовался.

Наконец она опустила свой взгляд, и молча посмотрела на него, продолжая улыбаться. Ей не было стыдно за это свидание. Она так естественно это делала, что прощать ее было не за что. И он с удовольствием отметил это. Подойдя, спросил:

– Девушка, с вами можно познакомиться?

Ничего умнее в голову не пришло, поэтому так и сказал.

Девушка прищурилась, оценивающе и с интересом его разглядывая. Снова улыбнулась. По ее взгляду было понятно, что не против такого знакомства, и он подумал, что теперь ревнует ее к самому себе – не стоит приличной девушке так быстро соглашаться на знакомство с совершенно незнакомым человеком, с первым встречным, который нагло подошел и пристал. Но она продолжала кокетничать, потом протянула руку и вдруг произнесла:

– Арина.

Он пожал ее нежную руку и замер, подумав: – Какое удивительное имя.

– Удивительное имя, – прошептал вслух. – Вы, наверное, из Ленинграда?

– Из Питера, – поправила она, – там я родилась, – засмеялась и спросила:

– А вы представляться не желаете или у вас нет имени?

– Петр, – неожиданно для себя воскликнул он.

Девушка стала серьезной:

– Такое короткое... и большое имя. Оно огромное, как эта гора.

А гора словно подмигнула ей, соглашаясь.

Теперь Арина с неподдельным интересом его разглядывала.

– Арина, – снова повторил он, – у меня никогда не было знакомых с таким именем. Я не видел ни одного человека, который бы носил его. Как чудесно произносить его вслух... Арина.

– А кому-то повезло произносить его каждый день, зная этого человека и общаясь с ним.

– Да-да, вы правы... Арина... Каждый день.

Теперь она смотрела какой-то издевкой, словно смеялась над ним. Вдруг задорно воскликнула:

– Почему вы не спросите, что я делаю сегодня вечером, не пригласите меня куда-нибудь?

– Что вы делаете, Арина, вечером? – тупо повторил Петр.

– Нет, не вечером... Что я делаю сейчас?

И добавила: – Почему вы не пригласите меня к себе в номер?... Прямо сейчас!

– Но, ... Арина, вам не кажется, что мы знакомы всего пару

минут? – улыбнулся он, продолжая эту игру.

– Я хочу, Петр, прямо сейчас в ваш номер!

– Развратная девица, – ответил он.

– Зануда! – парировала она. – Я хочу в номер! – капризно повторила она, схватила лыжи, другой рукой его за рукав и потащила прочь из кафе, а в глазах ее светило яркое солнце. Оно улыбалось этим двоим, благосклонно смотрело с высоты и совсем не ревновало. Оно давало им время, которое те хотели провести вдвоем, и чтобы больше никого. А время это у них еще оставалось.

Снова высокая гора, глаза, смотрящие с восторгом, еще мгновение и начнется сумасшедшая гонка со склона на склон, с подъемника на подъемник, безумная скорость и ветер в лицо. Ее удивительная улыбка, губы, нежная кожа, курносый носик. Она была с ним так близка, как еще недавно с солнцем на высоте горы. Только теперь согревала она, давала жизнь и любовь. Все тепло, которое получила там, теперь отдавала. И не верилось, что такое возможно!.. Не верилось!.. Он не боялся упасть с этой горы, и за нее не боялся. Знал, что за каждым подъемом их ждет головокружительный спуск. За каждой вершиной – другая. И везде только ее глаза. И в этом стремительном полете, он снова подумал – время бесконечно. Время остановилось, замерло. Теперь оно принадлежало только им. И пока он будет ее любить, время отступит и повернется вспять. И отдаст им столько себя, сколь-

ко смогут они отдать друг другу. И снова щемящая боль от восторга, радость от каждого подъема и стремительного падения или полета с высоты. А как называть – полет или падение – не важно. Сейчас каждая секунда, каждое мгновение принадлежали только им...

– Арина, – произнес он и провел пальцем по ее загорелой щеке.

– Почему ты никогда не называл меня по имени? – спросила задумчиво она.

– А ты? – задумчиво произнес он. И в это мгновение ему показалось, что с этим забытым, затерявшимся в далеком прошлом, именем, закончилось старенькое, черно-белое кино и началось цветное. А эти новые, незнакомые цвета, поражали...

11

Перед его глазами возник флакон. Он отражал пронзительное солнце, и от нестерпимого блеска захотелось зажмуриться. Но глаза неотрывно следили за этим стеклянным предметом и слезились от боли. Маленький блестящий флакончик зависал в воздухе, а таблеток в нем оставалось все меньше и меньше. Он стал совсем прозрачным и что-то ему напоминал.

– Что? Этот странный предмет был ему знаком! Где он

видел его раньше?

А вокруг уже пролетали высокие ледяные горы, люди на лыжах. Они мчались по крутым склонам, и их безумные лица светились звериными улыбками. А стеклянный предмет все висел в воздухе, не двигаясь с места. Ветер свистел, снег врывался веселой пургой, унося за собой лыжников, белые горы, облака, и только солнце светило ярко, оставаясь недвижимым на месте и еще этот светящийся предмет.

– Он вспомнил! Он видел его раньше! Это часы! Обыкновенные песочные часы!

Они висели в воздухе, отсчитывая минуты и секунды, а песок струился, переливаясь тонкой ниточкой из верхней части в нижнюю. Снова какие-то люди, лыжи, горы, снежная пурга, все смешалось в безумном вихре, кружилось в нескончаемом хороводе, а песок струился, насыпая уже целую гору на дно часов. Он слышал этот звук. Это была лавина, она шуршала, скользя песчаным водопадом, и, казалось, ничто не могло остановить ее непреклонное движение. Целая река песка! Водопад песка! Он сносил мгновения и секунды сквозь узенькое горлышко стеклянной пробирки, насыпая целую гору на дно. А часы висели в воздухе, не двигаясь с места. Крошечные стеклянные часы и горы песка. Оставалось немного, песок закончится, он источит свое течение, и тогда время остановится и замрет. Время умрет – оно будет кончено. Но, стоит протянуть руку, перевернуть маленькие часы, и все начнется сначала.

– Это же так просто – протянуть руку, коснуться этой пробырки, отсчитывающей время, и все.

Но рука онемела. Она не двигалась, рука весила многие тонны, неподъемные гири сковали ее движения, а часы были так близко, и желтый песок сыпался с ужасающим шипящим звуком, скатываясь на дно.

– Протяни руку, возьми их, всего одно движение, и часы перевернутся, время оживет и начнет свой отсчет. Потом снова и снова. Ты сможешь делать это бесконечно долго. Переворачивать эту стекляшку и владеть им. Владеть временем. Оно замрет в твоих руках. Такое простое движение, и часы станут ручными, будут повиноваться, подарят столько минут жизни, сколько захочешь, пока не надоест или не устанешь, пока не потеряешь смысл. Ты будешь жить, а миллионы секунд и минут будут помещаться в твоих ладонях, и тогда ты подаришь их Ей.

Но, рука не двигалась. Чертова рука не шелохнулась, а песок уже кончался. Теперь он чувствовал себя на дне этой прозрачной колбы. Песок доходил до шеи, до губ, еще мгновение и все будет кончено. Оставались последние секунды жизни, последние песчинки. Они с грохотом летели с высоты, обрушиваясь на зыбкую гору, в которой он тонул... Это конец...

Вдруг чья-то рука появилась рядом со стеклянными часами. Схватила их и крепко держала. Почему-то не переворачивала. Почему? Переверни! Ну, давай же! Еще есть время!

Переверни!..

– Зачем? – неожиданно услышал он спокойный голос.

Арина стояла посреди комнаты, держа флакончик таблеток в руке... И удивленно на него смотрела. Пот крупными каплями стекал с его лба. Подушка была мокрой, одеяло скомкано. Она снова посмотрела на флакончик, спокойно его перевернула, и оттуда выпала таблетка. Арина улыбнулась, положила ее в рот, запила водой, на мгновение задумалась и прыгнула в кровать.

– Вставай, дурачок! Весь день проспичь! Ну, вставай же!.. Петр! Мой Петр. Вставай! Какие глупости тебе снились, пока я была в ванной?

Арина утерла ладонью его лоб и села рядом. Подумав немного, сказала:

– Ты знаешь – это чудо-таблетки!.. В первые дни я не верила... Ну,... не совсем верила, – поправились она, – но они чудо. Я не знала, что за такое короткое время почувствую себя снова такой... Просто, можно сойти с ума.

И ударила кулаками ему в грудь.

– Ну, что ты? Давай, вставай! Что ты смотришь так на меня?

А он уставился на Арину и не мог вымолвить ни слова. Он опешил. Уже не узнавал ее. Неужели чудеса бывают? Неужели такое возможно? Смотрел и не понимал, видел ее красивое помолодевшее лицо, вспоминал вчерашний день, жуткую гору, волшебный вечер и ночь. Улыбался и молчал, а

голова шла кругом...

12

Конечно, он ей не поверил. Поверить в такое было трудно, невозможно. Такому не было объяснения! Теперь Петр каждый день украдкой вглядывался в ее лицо, в эти глаза, когда Арина брала в руки флакон. В такие минуты ему казалось, что снова слышит звук песка. Тот шуршал и сносил минуты и часы ее жизни в пустоту. Особенно тяжело было на горе, где трение лыж о снег напоминало ему об этом. Он думал, что сошел с ума и каждое утро смотрел на нее, затаив дыхание. Он искал подтверждение, надеясь на чудесное спасение, но не верил. А таблеток оставалось все меньше и меньше – 27...25...23 – волшебных, бесполезных таблеток в стеклянном флаконе, а дальше...

Если верить в это, значит жить нужно с верой. Как просто! Верить и все! Но этого недостаточно! Одной верой не повернешь время, не излечишься от болезни, которая гложет тело, забирая годы жизни. А ты просто сидишь и веришь... Миллионы верят, но все для них кончается так же, как и для прочих. А, если не верить – тогда, как жить? Таблеток осталось всего 23.

Пять дней они провели на горе, все эти пять дней он наблюдал за тем, как она прикасалась к заветному флакончику, удлинняя жизнь, и не знал, что подумать. Проще настраивать-

ся на худшее, а потом получить невероятное избавление как подарок судьбы. Хуже, если веришь, но потом неожиданно оказываешься у края пропасти и понимаешь, что к этому не готов. Лучше готовиться к худшему. Тогда за что держаться? Каждый день ждать неминуемого исхода, мучиться, бояться? Находиться в плену у дикого страха за нее и за себя. Но третьего не дано. Можно закрыть глаза – просто жить, зная, что эта жизнь бесконечна, а в конце ждет счастливый конец, исход. А можно влачить жизнь, отравляя ее этим страхом. И сколько бы тебе не осталось, дней, часов, может быть, лет, будешь бояться и ждать конца. Так можно сойти с ума. Уж лучше покончить сразу... Нет! Этого не будет никогда!

И вспомнил, сколько весил тот крест, и человека вспомнил, который знал, куда несет его, но продолжал идти. О чем Он думал в последние минуты? Застилал ли его разум невыносимый ужас или Он держался за что-то еще? За свой крест? Парадокс...

И еще понял удивительную вещь. Он не узнавал Арину. Словно видел ее впервые или не видел многие годы, а теперь встретился и знакомился заново. Она ему очень нравилась. Нравилась – это не точное определение. Было что-то еще. Арина была ему интересна! Невероятно интересна! Каждый день на горе, на заснеженных дорожках, в кафе или в номере отеля он проводил время с совершенно незнакомым человеком. И если не думал о неминуемом, о том, что ждет ее, не жалел – непреодолимая сила тянула к ней.

Жалость – разрушительна. Она низводит то хрупкое, человеческое к самым простым телесным переживаниям, стирая неуловимое. Пожалуй, нужно научиться жалеть так, чтобы не разрушать то, что есть. Просто жить себе, отдавая великую дань этой жалости, но не показывая виду. Не унижать человека, который достоин большего. А жалость всегда будет где-то рядом, не исчезнет. Только пусть она останется со своим двойником – страхом. И пусть эти двое не отравляют жизнь...

– У тебя мозги еще не закипели? – услышал он ее веселый голос.

– О чем мы изволили столько времени сосредоточенно думать? Я сейчас усну!

А они уже долгое время плелись по дороге, спускаясь с Альпийских гор, и прекрасные виды открывались их взорам: бескрайние зеленые холмы, поля, покрытые травой и кустарниками, маленькие деревушки и замки, крошечные речушки. Солнце ярко освещало дорогу, и Франция расстилалась перед глазами во всем своем великолепии. Здесь не было зимы. Да и не нужна была эта зима. Только яркое солнце, высокое небо и поля, зеленеющие травой...

– Останови, я сяду за руль! – заявила она.

В последние дни в ней было столько необузданной энергии, что трудно было поверить в неизлечимую болезнь. Ее настроение, сумасшедшие выходки, катание по самым кру-

тым склонам, взгляд этих синих глаз, которые смотрели на него, когда они оставались в номере – все это не укладывалось в голове. Это был фонтан, который сверкал, низвергаясь фейерверком струй, излучая силу, мощь и дикий восторг. Трудно было не поддаться ее настроению. Арина сходила с ума. Это была женщина..., нет, ребенок, который выдумывал все новые игрушки и развлечения, а он выполнял ее прихоти и капризы. И наконец, испугавшись за жену, на пятый день безумия на горе, решил спустить ее немного ниже и больше не рисковать. Арина сходила с ума...

А она и сейчас не унималась. В ней за долгие годы взрослой и мудрой девочки скопилось столько затаившегося детства, что радость и безумие переливались через края. А он смотрел и удивлялся.

– Быстро останови, я сяду за руль, – опять скомандовала она.

– Но мы едем со скоростью 120 километров в час. Быстрее нельзя, – возразил он. Но, все же, пустил ее за руль, а через несколько секунд об этом пожалел. Когда стрелка спидометра приблизилась к 130, он промолчал. Потом она, не раздумывая, достигла 140.

– Это предел, – произнес Петр. – Это уже штраф!

Но она не слушая, ткнула в магнитолау, и громкая музыка французского шансонье ворвалась в салон.

– Только этого не хватало, – подумал он. А она в такт музыке мотала головой, продолжая давить на педаль. На 150-

ти он воскликнул:

– А это уже совсем немаленький штраф!

– Годится! – воскликнула она, словно продолжая танцевать под ритмы сумасшедшей мелодии. Петр с волнением посмотрел на дорогу. Та была пуста, и Франция неслась за окном навстречу, скорость не ощущалась – на хорошей машине, на прекрасной трассе, – и только стрелка спидометра указывала сумасшедшую цифру. Вдруг шансонье, словно поддавшись этому безумию, надавил уже на свою “педаль”, и ритм песни начал ускоряться. Он словно договорился с Ариной, сейчас сидел на заднем сидении их машины, отбивая безумный ритм, торопя ее бег. Арина не заставила себя долго ждать – и теперь уже машина начала издавать призывный вой шинами по асфальту. Их автомобиль, поддавшись этому безумию, тоже решил принять участие в сумасшедшей гонке – визжал на поворотах, казалось, искры сыпались из-под его колес, а музыка становилась все громче и быстрее.

– 180, – закричал Петр, – а это уже тюрьма! Что выбираем?

Музыка достигла апогея, казалось, деревья танцевали на обочине, облака неслись по небу, ветер сходил с ума, ударяя в лобовое стекло, и только солнце в вышине застыло незыблемо, улыбаясь им.

– 200! – закричала она. Мгновение подумала, выжала 220 и прокричала, – сегодня мы выбираем Французскую тюрьму! Гулять, так гулять!

Больше он не слышал ничего. Только громкая музыка билась по ушам и мозгам, они летели по дороге, едва касаясь колесами земли. Летели по Франции, по этой маленькой планете, и оттуда, из космоса, казались стремительной молнией. А молния эта летела напрямиком в тюрьму! И не какую-нибудь, а Французскую! Арина сходила с ума!

И тут где-то в уголке сознания счастливо промелькнуло:

– Разве можно хоть на мгновение представить, что эта женщина, эта обезумевшая девчонка больна, что ей много-много лет, ее глазам, этим нежным рукам, чертовой голове, которая сейчас сходила с ума. И смутная надежда или предчувствие зародилось в душе:

– Неужели такое возможно? А может, это и есть то самое чудо, о котором говорил врач, просто нужно в него поверить? А, может быть, именно Арина достойна этого чуда? Тогда он готов сгнить во французской тюрьме!

– Гони! – заорал он что было силы. – В тюрьму, так в тюрьму! Гуляем!..

Музыка закончилась, Арина сбросила ногу с педали, отвернувшись от окна. Машину занесло, закрутило, и та послушно остановилась на обочине. Арина положила голову ему на плечо, обвила его руку своими руками, и тихо прошептала:

– Я передумала, у меня на сегодня другие планы.

Потом снова тронулась с места, и прилежной девочкой смотрела в окно, следя за дорогой и выжимая каких-то 140

километров в час. И, теперь казалось, что не они летят, а Франция несется навстречу с этой скоростью, нарушая все приличия и правила. Это же Франция – что с нее взять? А они просто стояли на месте, устало и весело глядя по сторонам. И шансонье, по-видимому, тоже устав, пел что-то медленное и лирическое. Скорее всего, про любовь. Удивительная страна, где люди поют только о любви, как будто в жизни больше ничего нет. А, может быть, они правы?...

13

Будь он беден, что с ними бы случилось – скрывались в своем убогом уголке, терзая и жалея друг друга? Если бы за прошлые годы он не успел заработать на свою мечту, которая красовалась на стене его офиса? А оставалось совсем немного. Всего полгода, может быть, год, и он готов был совершить такое путешествие, пройтись по магазинам, выбирая свой корабль. Эта мечта давно волновала его. Всякий раз он трепетно смотрел на дорогу в приморских портовых городках Европы, когда на ней появлялся мощный тягач, который перевозил красавицу-лодку длиной 12–15 метров из магазина яхт напрямиком к причалу. Другие машины останавливались, вежливо пропуская эту процессию. А счастливчик – ее хозяин, нетерпеливо сидел в тягаче, отсчитывая последние километры скучной дороги, которые скоро превратятся в морские мили. Иногда приезжая в Европу, они с Ариной

заходили в такие магазины, и тогда он забирался в эти лодки, толкаясь в тесноте маленького трюма, представляя себе, что скоро такой корабль будет принадлежать им. Арина находилась неподалеку и с улыбкой наблюдала за ним, словно за младенцем. Потом они купят домик на море, куда будут приезжать и жить в этой мечте...

Но теперь, когда все так изменилось, Петр, не задумываясь, тратил эти деньги. Только с их помощью он сможет купить ей этот месяц, только с золотой горы спускаясь, она почувствует себя счастливой, молодой и проведет это проклятое время незабываемо и со смыслом. И не важно, помогают ей таблетки или нет, он старался купить ей маленькое счастье, подарив невероятную прогулку, в которой сбудутся все мечты. Поэтому не жалел их. А без этих денег не представлял, что делал бы сейчас. Они спасали, придавая смысл их короткому отпуску. Мечту можно только купить, а потом подарить – в этом он был абсолютно уверен. Жизнь примитивна. Она, так или иначе, стоит чего-то. И только несясь с золотой горы, ты можешь почувствовать сумасшедшую скорость и ветер в лицо...

Почему они выбирали скорость? – думал он. Петр старался купить для нее все мыслимые и немыслимые развлечения, а Арина всецело отдавалась этим игрушкам, забавам, и, порой трудно было угнаться за ней. Только на большой скорости можно позволить себе не задумываться, успевая следить за дорогой, получать удовольствие от жизни. Инстинкт само-

сохранения не позволит тебе предаться длительным рассуждениям, меланхолии, мучениям или страданиям, когда нужно успевать давить на педаль или вовремя повернуть на лыжне, чтобы не упасть и не разбиться. А поэтому, скорость – спасение от самого себя. И проживешь ты на такой скорости значительно больше, чем сидя в скучном углу, предаваясь апатии и лени, невыносимым страданиям, отсчитывая минуты и часы, дни, успевая подумать – сколько еще осталось. Разум – не лучший советчик, и теперь они мчались по этой стране, не задумываясь ни о чем. Во всяком случае, так ему казалось...

А Арина? Она, по-видимому, тоже полюбила эту скорость, и жила, торопясь и без оглядки. Сходила с ума по каждому дню и мгновению, по торопливому бегу в неизвестность. Иногда нужно просто мчаться навстречу судьбе – а там будь, что будет. Так казалось ему.

Он выбирал самые невероятные маршруты, самые удивительные развлечения, хотел осыпать ее дорогими подарками, обедать в дорогих ресторанах, останавливаться в шикарных отелях, а таких во Франции было великое множество. Вот только Арина вела себя странно.

Однажды он привел ее в магазин, с желанием подарить какую-нибудь золотую вещицу – кольцо или брошь, серьги. И обязательно с бриллиантами. Женщины любят бриллианты, они должны носить их, те всегда будут их радовать. Это вполне естественное желание. За свою жизнь он не часто де-

лал ей дорогие подарки, но теперь решил наверстать. И вообще, решил за этот короткий срок наверстать все то, что не успел за прежние годы...

Арина осмотрела дорогой стеллаж, потом прошла по залу в самый его конец и выбрала невероятное украшение. Петр был потрясен. Кольцо немислимых размеров! Оно было усеяно невероятным количеством блестящих, разноцветных камней, но стоило... сущие копейки. И камни эти были не натуральными – обыкновенными стекляшками. А дорогие украшения ее совсем не заинтересовали. Но она с таким восторгом вцепилась в это кольцо, что он вынужден был его купить. Хотя, ее не понимал. Лишь наблюдал за реакцией совершенно счастливого человека, которому достали с небес звезду и подарили. Арина гордо надела на палец подарок и снимать его не собиралась.

А однажды, сидя в дорогом ресторане, он, долго изучая меню, уже готов был заказать восхитительные французские трюфели, устрицы или на худой конец гребешки в изумительном соусе и выбросить сумасшедшие деньги. Они и раньше часто ходили в рестораны, много ездили, выбирая более скромные заведения. Но сейчас хотелось оставить скромность, позволив себе все! А ресторан, судя по интерьеру и ценам, заслуживал того. Но произошло непредвиденное – Арина попросила гречневой каши. Официант не понял ее, а Петр не сумел объяснить, чего желает его жена. В этой стране не было гречневой каши. Гречку здесь не вы-

ращивали и ничего о ней не знали. Тогда Арина попросила вареной картошки. Картошка в меню была, но когда Арина сказала, что ее нужно посыпать укропом и положить туда селедки, официант смутился еще больше. Он не знал, что такое укроп. Укропа во Франции тоже не было. Официант понял, что мадам привыкла к таким изысканным блюдам, которые даже в их ресторане не подавали, и с восхищением и чувством стыда виновато на нее смотрел. Тогда Арина гордо встала, и они отправились восвояси, а трюфели, устрицы и гребешки остались дожидаться менее привередливых гурманов. Через несколько минут, она притащила его в кафешку, где заказала сосиски, обильно полила их кетчупом и, запивая кока-колой, съела, оставшись невероятно довольной. Он не знал, как относиться к этим причудам.

А однажды она завела его в какую-то забегаловку на окраине Парижа. (Проездом они решили заскочить в этот удивительный город. Пробежав по центру, посмотрев по привычке любимые места и, проголодавшись, отправились искать ресторан.) Шикарные заведения приветливо встречали удивительными залами и фантастическими меню. Париж известен своими ресторанами на весь мир: причудливыми названиями, прославленными поварами и блюдами. Изящные метрдотели во фраках, стоя у входа, трепетно открывали им двери. Но Арина выбрала забегаловку, и теперь руками ела жареную на гриле курицу, получая сказочное удовольствие, а жир стекал по ее пальцам. Он оторопел, но, оставив услов-

ности и вилку, схватил поджаристый кусок и тоже начал его терзать. Курица оказалась вкусной! Невероятно вкусной! А потом они пили дешевенькое вино. Музыка в этой подворотне играла очень громко. Здесь собирались люди не во фраках – совсем простая публика, и на мгновение Петру показалось, что это и был самый настоящий Париж, каким он его не знал никогда.

Через несколько дней скитаний по стране, они уже ехали по холмистой местности, и замечательные виды открывались по сторонам. Наконец, Арина не выдержав, заставила его остановить машину. Они бросили ее на обочине и подошли к краю холма. Бесконечная зеленая равнина, над головой высокое голубое небо, там, вдали стеной вставали заснеженные вершины Пиренеев, а где-то далеко на юге угадывалась синяя гладь Средиземного моря, куда они держали путь. А вокруг только игрушечные дома с красной черепицей, маленькие коровки, пасущиеся на лугах, прозрачный воздух, который давал возможность оглянуться на многие километры и увидеть все. Это был маленький, игрушечный мир, нарисованный рукой ребенка. Краски были невинны и чисты, они были нанесены неумелыми мазками и скрывали какую-то простоту, тайну, детское очарование. Только глазами ребенка можно увидеть такое. Трава была зеленой и сочной. Яркие цветы на склоне легким ветерком шевелились на камнях и скалах. На боках пасущихся коров были намалева-

ны коричневые пятна. Если пойдет дождь, наверное, смоет их, и коровы станут белыми или серыми. Но сейчас они были разрисованы, как туземцы, – так захотел этот маленький художник. Солнце было красным и отливало причудливые тени от маленьких домов. И во всем ощущалась простота и незатейливость. Все было прорисовано нечетко, но запах, исходящий от этой картины, пьянил. А всего-то несколько небрежных мазков! Не хватало большой рамы, тогда можно будет поднять это полотно, повесить на какую-нибудь гору, и та будет сверкать, переливаясь чудесными красками, а нарисованное солнце светить с ее склона...

А, может быть, этот мир так и нужно рисовать? – подумал он. – Взрослые рисуют свои жизни сложно, замысловато, обставляют изысками и удобствами, стирая и замазывая суть.купаются в роскоши, делают деньги, на них снова покупают роскошь. Создают синтетический мир – циничный и сложный. А тут – цветы на склоне, зеленая трава и коровки на лугу – всего-то несколько мазков. И солнце над головой. А еще этот божественный пьянящий аромат!

Арина стояла на самом краю холма, всматриваясь вдаль, а Петр, не отрываясь, глядел на нее. Он видел ее восторг, замечал, как она жадно вдыхает свежий воздух. Она не скрывала этого, а Франция не скрывала себя, без стыда возлежав перед ними в невинном зеленом одеянии, сверкая французским солнцем, умытая недавним дождем, пахнущим травой. Она всецело отдавалась их взорам, пьянила ароматами

цветов, позабывших, что такое зима, и пахла весной. Весной вечной и постоянной.

– Любил ли он эту женщину? – внезапно подумал он.

– Наверное... Хотя, разве такое возможно спустя столько лет совместной жизни. Что такое любовь? Все стирается ластиком времени и трудно понять, где она. Была ли она? Он знал Арину десять лет, даже больше – тысячу лет! Знал каждую ее родинку, каждый изгиб ее тела, характер, привычки, как она улыбается или сердится, что любит и что ненавидит. Но, любовь – это маленькая иллюзия, которая не может длиться вечно. Она дается на время, да и то в долг. Ты пользуешься ею, а потом непременно возвращаешь, платя немислимые проценты. Любви не бывает много, а на всех не хватает, поэтому ее у тебя отбирают. Что остается потом? Привычки, квадратные метры, холодная постель, завтрак по утрам, ужин. Поездки по странам и городам, дети – плоды этой любви. А если их нет?... Знакомое надоевшее лицо напротив... И так каждый день... Но эта женщина...

Он пристально всматривался в ее лицо. Он не видел ее такой раньше. А может, она такой никогда и не была, а этот холм, куда они забрались, пробудил в ней что-то новое, необычное. Сейчас она была частью этой картины, частью маленькой, но такой большой Франции.

– Наверное, любил. Может быть, и сейчас любит, а иначе, зачем так хочет ей помочь... Жалость. Снова жалость. Все не то...

Он отмахнулся от этих мыслей и, глядя на нее, снова удивился:

– Как мало ей нужно? Они не прилетели сюда на воздушном шаре, не стремились долгое время, чтобы увидеть чудо света, просто ехали по дороге. Все случилось мимоходом, не стоило ничего, они случайно остановились на возвышенности, но такого восторга в ее глазах он не видел давно. Никогда! И подумал: – Любил, не любил – все это абстракция. Сейчас он хотел только одного – сделать для нее все! А таблеток оставалось 20...

14

Маленький городок Сан – Рафаэль, расположенный на самом краю большой бухты, и был целью их путешествия. Они подъехали к набережной, вышли из машины. Петр проводил Арину в кафе, оставив ее на несколько минут, а сам пошел сдавать машину в офисе неподалеку. Она им пока не понадобится, больше они не будут слоняться по стране, и немного отдохнут от этой сумасшедшей гонки. В машине оставил чемоданы, попросив подержать их у себя...

Так хотелось посидеть у воды, ни о чем не думать, просто смотреть на море и чаек. Эти волны снова радовали его. Когда Арина рядом, все вернулось, все расставилось по своим местам – любовь к морю, к волнам, накатывающим на берег. И сейчас он хотел подарить это море ей...

После ужина они отправились гулять по набережной, осматривая городок. Собственно, смотреть здесь было не на что. Обычная рыбацкая деревушка с несколькими десятками домов, магазинчиками и непременно причалом для лодок. Вечерело, стало прохладно, пришлось заскочить в один из магазинов, чтобы надеть на себя теплые куртки. Их горнолыжное снаряжение не годилось, в нем было слишком жарко, а легкие ветровки не помешают.

Зайдя в магазин, он остолбенел. Это место напоминало музей. Снаружи оно казалось небольшой лавчонкой, где на витрине виднелась какая-то одежда, всякие мелочи, но внутри оказалось огромным ангаром, чудесным образом помещавшимся на крошечной набережной. Повсюду находились стеллажи с вещами, которые взволновали его необычайно. Длинные ряды с канатами, какими-то веревками, завязанными причудливыми узлами, огромные упаковки с тканями и парусами, двигателями для кораблей и яхт, якоря. На стенах висели сувениры в рамочках, морские узлы, колокола, рынды (кажется, так это называлось), крошечные иллюминаторы, перила и перильца и еще великое множество подобных вещей. Это был магазин для мореплавателей и яхтсменов. И сладкая дрожь пробежала по его спине. Не хватало самих кораблей... А вот и корабли – маленькие и большие, на картинах и в деревянных копиях, целая флотилия, армада, которая занимала значительную часть магазина.

– Мечты сбываются! – Арина стояла рядом, держа в руках

настоящий штурвал.

– Пока могу предложить только это! – сказала она. – Ну, что ты смеешься? Ты же мечтал иметь свой корабль – руль уже есть. Мы себе можем позволить его купить? Правда?... Да?...

Она так вцепилась в этот деревянный “руль”, что отбирать рука не поднималась. А штурвал на самом деле был замечательным. Она стояла с ним, словно на капитанском мостике и вращала, выбирая курс. Петр засмеялся и отнес штурвал к кассе. Потом Арина кинулась к длинным стеллажам с одеждой и через мгновение на ней была надета настоящая куртка капитана. Та была сделана из прочного пластика и выдержала бы любой ветер и шторм. Это то, что им было сейчас так необходимо – вечер ожидался прохладным. Потом Арина напялила на него такую же куртку и отправилась выбирать фуражку капитана. Теперь эти двое представляли собой маленькую команду, готовую вступить на борт своего корабля. Только корабля не было, но это не важно, главное, что были фуражки, куртки и огромный штурвал. Еще она захотела набрать морских узлов, а продавец, увидев такого покупателя, уже катил ей навстречу большую тележку. Теперь, когда руки ее оказались свободными, все только начиналось. Картины, большие и маленькие, модели кораблей, канаты, завязанные узлами, пазлы с морскими видами, корабельные бокалы, которые не падают при качке, медный колокол, спиннинги, катушки... Когда она захотела купить огромный парус, тот

почему-то в тележку не влез. На что продавец сказал: – Мадам, его немедленно доставят на борт вашего корабля.

Мадам задумалась, но покупку отложила, пообещав непременно за ней вернуться в следующий раз. Такая же судьба постигла огромный якорь, который ей тоже приглянулся.

И вот так, в белоснежных куртках и фуражках, с огромными пакетами в руках, откуда торчали покупки, они шли по набережной, а Арина гордо несла большой деревянный штурвал.

– Мечты сбываются! – повторила она, и поправилась, – ну, с чего-то же нужно начинать? Я не издеваюсь! Ведь классно? Тебе понравилось? Да?... А где наша машина?

Люди на набережной совсем не удивлялись, глядя на этих двоих. Это был маленький городок у самого моря, где находился крошечный порт, и по его набережной часто проходили такие капитаны, неся все эти мелочи на свои корабли. Вот и эти идут на свой, где будут только они вдвоем, над головами маленький белый парус, а дальше только открытое море. Или океан...

– Где наша машина? – повторила она.

– Переставил, – успокоил Петр.

– Переставил,... зачем?

Впрочем, скоро о ней забыв, уже смотрела по сторонам. А перед ними открывалась удивительная картина. Набережная заканчивалась крошечным причалом, где были пришварто-

ваны корабли – удивительные, шикарные, с высокими мачтами, с ярусами палуб, один даже имел вертолетную площадку. Корабли словно сошли с фотографий, висящих на стене его офиса, паруса переливались в лучах заходящего солнца, кое-где на палубах сидели люди, они разговаривали, пили вино, обедали. На одной из лодок они увидели множество ящичков с цветами. В Европе некоторые берут с собой в путешествие не только детей или домашних животных. Цветы тоже законные члены семейства, и имеют свое почетное место на таком корабле. Если он у тебя есть...

На одной яхте их внимание привлекла женщина. Та держала в руках тряпку и протирала стекла на нижней палубе. Казалось – такое обыденное занятие – вытирать пыль. Она мыла стекла, словно у себя дома. Делала это привычно, легко и непринужденно, не придавая значения этому занятию. Только стекла эти закрывали огромную кают-компанию на прекрасном корабле, который готовился отплыть в далекое плавание. И у Петра закружилась голова. Такое невинное занятие. Ее движения были столь просты, словно женщина мыла не корабль, а чайник или протирала пепельницу. А тут целый корабль... Ее корабль...

Арина и Петр замерли и смотрели, не отрываясь. Петр поставил на землю пакеты с покупками, Арина в руках сжимала деревянный штурвал.

Какой-то загорелый мужчина, перегнувшись через бортик своей яхты, посмотрел на эту парочку двух капитанов, по-

том улыбнулся и помахал рукой. Нет, обидно не было. Арина, отставив в сторону штурвал, тоже помахала в ответ. Этот человек не хотел их ущемить, скорее всего, ему понравился их штурвал, и он завидовал.

– Завидует! – прошептала она Петру и покраснела, потом повертела своим восхитительным приобретением и, отвернувшись, сказала:

– Пойдем, не будем смущать человека.

– Пойдем, – согласился Петр.

Она бросила на прощанье взгляд на незнакомца и, поднеся к фуражке руку, отдала честь. Мужчина не заставил себя долго ждать. Через мгновение на его голове была точно такая же фуражка, и он тоже поднес руку к козырьку. Арина засмеялась. А человек что-то произнес по-французски и рукой показал на свой корабль, по-видимому, приглашая зайти. Арина не растерялась, достала из пакета огромную модель деревянного корабля и по-русски закричала: – Спасибо, у нас свой есть!

Мужчина понял ее и тоже засмеялся. Удивительная способность говорить на разных языках и понимать друг друга. Потом он в восторге поднял большой палец и почтительно улыбнулся. Внезапно Петр спросил: – Хочешь, зайдём в гости?

– Нет, – неуверенно произнесла она, – и добавила, – маловата лодочка будет, не по нашим меркам. Наш лучше. – И показала на деревянный кораблик.

– Это правда, – согласился он, – лучше, – и предложил.

– Пойдем-ка выберем побольше – себе по вкусу.

– Пойдем, – обрадовалась она. И они пошли дальше по пирсу, рассматривая корабли. А корабли смотрели на них. Корабли чувствовали, что их выбирают и старались показаться во всей своей красе. Все напоминало конкурс красоты. Эти двое русских бессовестно шли по пирсу и громко обсуждали все достоинства и недостатки. Сейчас они выберут лучший, и тот станет королем шоу. Королем маленького городка – Сан-Рафаэль, а, может быть, целой Франции!

– “Жанна д'Арк”, – прочитала она.

– Тебе нравится? – спросил он, а глаза его загорелись.

Это был чудесный двухпалубный корабль. Длиной он был метров 20 и гордо стоял у причала, снисходительно поглядывая на своих собратьев. Наверху торчала капитанская рубка, и так захотелось забраться в нее, завести моторы и отчалить. Потом плыть, не думая ни о чем. Это был корабль-мечта. О таком можно было только мечтать, видеть его во снах. И Арина тоже выбрала именно его. Они замерли, и с восторгом глазели, не обращая внимания на людей у капитанского мостика. Те уже начали на них косо поглядывать, но эти двое все не унимались.

– Тебе действительно нравится? – снова спросил Петр.

– Да, – только и ответила она.

И тут он неожиданно произнес:

– Пойдем!

– Куда? – испугалась она. Но Петр уверенно тащил ее за собой, а люди на мостике засуетились. Они уже бежали с верхней палубы вниз. Потом зачем-то опустили трап и выстроились, отдавая честь. Арина подумала, что сошла с ума.

– Пойдем отсюда! – прошептала она.

– Тебе нравится корабль? – спросил Петр, а голос его звучал жестко, но одновременно весело, и она совсем смутилась.

– Ну, что ты делаешь? Безумец! Все! Хватит уже! – хотела повернуться и уйти, как вдруг человек в форме, один из этой троицы, шагнув на набережную, подошел к ним и на ломаном русском спросил:

– Мадам Арина?

Арина замолчала, удивленно на него уставившись. Она опешила, а тот повторил свой вопрос. Арина зачем-то утвердительно кивнула. И тут этот наглец схватил ее руку и галантно поцеловал. Потом мягко взял деревянный штурвал, с которым она не расставалась, и повел ее на борт корабля, где другой человек в капитанской форме почтительно подал ей руку, помогая взойти.

– Месье Петр? – приветствовал первый человек, пожимая руку Петру. Он шел следом за Ариной. Они переступили на нижнюю палубу и люди на корабле убрали трап, закрыв маленькую дверцу. И снова выстроились в шеренгу. Арина чувствовала, что попала в западню. Она не понимала, что ей делать и удивленно смотрела то на Петра, то на людей в форме.

– Мадам Арина и месье Петр, – внезапно заговорил капитан на ломаном русском, – мы рады приветствовать Вас на борту “Жанны д'Арк”.

Помолчав, украдкой посмотрел на шпаргалку в его руке, и добавил:

– Какие будут указания?

– Черт! – закричала Арина. – Вот черт! Ты сделал Это! Но, как? Когда? – а сердце ее рвалось наружу.

– Только что, – невозмутимо произнес Петр. – Ты же сама видела! Мечты сбываются! – стоял и нагло улыбался.

– Вот зараза! – уже не выбирала слова Арина. Она была в шоке.

– Вот это сюрприз! Ну, ты дал!

Команда, не понимая ни слова, молчала. Эти люди не понимали взрыва эмоций этой русской женщины, хотя повидали многое и привыкли ко всему – это были настоящие моряки. А Арина продолжала что-то говорить, но Петр уже не слышал ее. Он был в восторге. Он видел, какой эффект произвел на нее сюрприз и любовался женщиной, которую, казалось, уже не удивишь ничем.

А издали на них смотрел человек, их недавний знакомый-незнакомец с палубы своего корабля-кораблика. Петр, перехватив этот взгляд, помахал ему рукой, и незнакомец, улыбаясь, снова отдал честь – на этой набережной не каждый день увидишь подобное судно.

Спустя какое-то время, придя в себя, Арина спросила:

– Это твой корабль? Ты купил его?

– Не совсем! – ответил Петр. – На какое-то время..., – и добавил: – Но, на это время он наш с тобой.

– На время, – задумчиво повторила она, потом спросила:

– На какое?

– На целых три недели! – воскликнул Петр.

– Три недели, – повторила она, и голос у нее дрогнул. Но Петр этого не заметил. А Арина уже шумно и весело разбирала вещи, которые французы принесли из их машины. Расставляла деревянные модели больших и маленьких корабликов, вешала картины, морские узлы и примостила на самом видном месте просторной каюты огромный деревянный штурвал, который совсем недавно скучал в магазине, скромно мечтая о море и путешествиях... И последнее, что она сделала, – достала из сумочки заветный флакон, поставив его на тумбочке у кровати. Таблеток там оставалось 20..., а впереди еще были три недели плавания...

15

Корабль был замечательный. Петр и не надеялся, что им достанется такое судно. Когда неделю назад, находясь в горах, он зашел на страничку знакомого туристического агентства и сделал запрос на чартер, не представлял, что такое возможно. Люди арендуют подобные круизы задолго, за многие месяцы до путешествия и платят немислимые деньги. Но

все оказалось просто. Там даже удивились, что в декабре, в “низкий сезон” кто-то захотел арендовать корабль с командой для прогулки по морю. На следующий день ему на выбор предложили сразу несколько вариантов, и стоили они значительно дешевле, чем он себе представлял. Он и не надеялся на такую удачу. Конечно, стоило это немислимых денег, но они у него пока оставались, и он с радостью их заплатил. Сейчас для него не стоял вопрос цены. Цена имела смысл, если бы времени у них оставалось много, но, пока Арина пила свои таблетки и пока он имел три недели, хотелось бросить их на ветер, не думая о будущем. Если каким-то невероятным образом они снова обретут его – он заработает эти чертовы деньги, но если...

Так Петр купил замечательный корабль ровно на три недели. Сначала оплатил, потом задумался – почему на три? Почему он ставил такой предел? Можно ли так цинично отсчитывать время. Или следовало хотя бы на день или на неделю изменить этот срок? Но, тогда почему-то четко отдал распоряжение – ровно на три недели, а, когда понял что сделал, ему стало страшно. В тот день он собственной рукой прочертил в воздухе этот жуткий срок, словно подписал приговор. Нарисовал рамки и границы, дату окончания путешествия и расписался. Что дальше?... Потом была длинная прогулка по Франции, он уже и забыл об этом, но сейчас, находясь на корабле, снова вспомнил. Тогда он цинично и пунктуально отсчитывал ее время, а время это послушно помещалось на

дне флакона. Имел ли он право на такое неверие? И снова посмотрел на флакон с таблетками. Вспомнил Арину, которая в неведении, но с полной верой принимала лекарство, а сейчас находилась на палубе, нежась в лучах яркого солнца, вспомнил ее безудержное веселье. И, не отрываясь от флакона, в какой-то момент захотел высыпать оставшиеся таблетки на стол и пересчитать. Так, наверное, чувствует себя бухгалтер, когда готовит квартальный отчет, но кем он должен почувствовать себя, сделав это? А Арина безмятежно загорала на палубе, просто верила и ничего не считала. И он оставил свое намерение. Захотелось зарыться глубже с головой в песок, ничего не видеть, не знать. Просто делать то, что решил – подарить ей незабываемые дни и недели. А что он мог сделать еще?...

И снова о корабле. Неделю назад, увидев в письме электронную картинку “Жанны д-Арк”, он сразу же остановил свой взгляд на ней. Корабль был замечательный. Он выделялся среди предложенных судов такого класса. Но когда, стоя на пирсе, Петр увидел его, зрелище превзошло все ожидания. О таком корабле можно было только мечтать. И Арина тоже выбрала его! А это сейчас было главным! Он напоследок посмотрел на флакон с таблетками, оторвался от этого тягостного созерцания и пошел на палубу. Там его ждала Арина.

Уже два дня они плавали по Средиземному морю, заходили в небольшие порты приморских городков, гуляли, разглядывая опустевшие зимние набережные. Туристы давно оставили эти места до лучших, теплых времен, сезон был окончен, и только эти двое продолжали свое путешествие. А поэтому весь этот маленький мир – пляжи и прибрежные кафе, магазинчики и игровые автоматы, песок у моря, солнце над головой – принадлежал только им. Они плыли на запад. Они придумывали маршрут своего путешествия, а команда из трех человек (капитана, его помощника и повара... то есть – кока) с почтением выполняла все их приказы. Сумасшедшая гонка закончилась, и только море, теплое и ласковое, скользило вдоль белоснежных бортов корабля, приглашая в путь.

В Барселоне Арина зашла в книжный магазин и купила несколько вещей, оставив его в полном недоумении. Это были краски и кисти. Еще она купила большой холст, на котором можно было рисовать. Петр удивился, но расспрашивать не стал. А глаза ее загорелись незнакомым огоньком, и она уже спешила в порт, где ожидал корабль. Арина продолжала выдумывать все новые забавы, и Петр с удовольствием ей потакал. На корабле Арина на полном серьезе попросила на палубе соорудить мольберт. Помощник капитана и кок с радостью ей помогали. Они нашли веревки, рейки и, связав все это, прикрепили большой холст. Потом ушли на свою поло-

вину, и Арина осталась наедине со своим полотном. Петр находился рядом, не вмешиваясь и ничего не говоря, смотрел снисходительно, но с интересом, и ждал. А Арина уже не замечала его. Когда она что-то делала, для нее не существовало никого. Она так отдавалась увлечениям, словно ей было пять лет или немногим больше. Только совсем немногим. И не хотелось на нее обижаться. В этом была вся Арина. Она не терпела критиков, советчиков или помощников, а такая самостоятельность делала ее независимой и даже настырной. Но, если ей нравится – почему нет? – думал он.

А Арина уже накладывала масляными красками, которые профессионально развела на палитре, фон картины, и Петр снова удивился. Он не знал, что она умеет рисовать, тем более маслом. Знал только, что работала она многие годы в какой-то фирме каким-то дизайнером. Рисовала в компьютере какую-то рекламную ерунду. А тут картина! Масляными красками!

Наконец, обернувшись, заметила его. Лицо ее было перепачкано, а глаза светились.

– Ну, как? – гордо спросила она.

Он подошел ближе, посмотрел. Полотно было покрыто слоем краски. Какие-то полутона выделяли отдельные ее части, но не было никаких набросков, не было смысла. Только серое пятно. Если ей нравится – значит это хорошо, – подумал он.

– Очень хорошо! – воскликнул Петр. – Если бы Да Винчи

знал, как ты рисуешь, доверил бы тебе свою Джоконду. Во всяком случае, ее фон. Это уж точно! Очень выразительно. Особенно клякса в углу. Пора ставить подпись!

– Глупый, – спокойно возразила она. – Ничего не понимаешь в живописи.

– Почему же, – сказал Петр, – сюрреалисты отдыхают, глядя с берега на твой шедевр, а Сальвадор Дали нервно ходит по пляжу. Вон, посмотри туда. Курит и жалеет, что сам когда-то взялся за кисть. Кстати, пляжи эти напротив нас...

– Полный невежда! – ответила она, – Дали жил и писал в Фигерасе и Кадакесе, мы давно проплыли эти места.

Он снова подивился ее познаниям, но промолчал. Арина не ответила на его недоумевающий взгляд и снова спросила:

– Ты не ответил, тебе нравится или нет?

– Да! – восторженно ответил он.

– Тогда на сегодня все, – устало произнесла она, и пошла отмываться от краски, а странная картина одиноко, в недоумении, застыла в раме, размышляя, – дописали ее или несколько мазков все же осталось. Сейчас понять это было трудно... А Да Винчи на пару с Сальвадором Дали тоже раздумывали – снимать им шляпы в низком поклоне или главное еще впереди. Никто так ничего и не понял...

Во флаконе оставалось 17 таблеток.

В этот день они сошли на берег и долго бродили по опустевшим пляжам Бенидорма. Высокие отели и широкие пля-

жи напоминали Тель-Авив. Все тот же беспечный ветер катал по желтому песку остатки мусора, остатки давно ушедшего лета, растаявшего в декабре. Холодно не было, но и людей вокруг тоже. Никого не было в этом одиноком застывшем мире из песка и воды. Пройдет три-четыре месяца, и здесь появятся первые туристы, на пляжах начнут открываться ресторанчики и кафе, лежаки будут ждать праздных, загорающих туристов, которые на недельку-другую приедут, оставив свои дела, забыв обо всем, и будут отдыхать, беспечно тратя время на такое невинное занятие.

– Через три-четыре месяца! – подумал Петр.

– Целая вечность, – и вздрогнул, посмотрев на Арину. – Что будет с ними? Где они будут?

Страшно было это представить. Снова взглянул на нее. Арина выглядела очень хорошо, ее загорелое лицо светило на солнце, глаза блестели. Она отдавалась этой прогулке, словно не была у моря долгие годы. Смотрела на спокойное море, и ее совсем не смущало такое межсезонье, где все замерло в ожидании. Кому-то нужно было ждать эти несколько месяцев, а эти двое уже, позабыв о завтрашнем дне, вдыхали морской воздух и радовались жизни, ее нехитрым подаркам, принимая с благодарностью день, который для них наступил. И день, и этот маленький городок с высокими пустующими отелями, голыми пляжами, высокими волнами и ярким солнцем принадлежал сейчас только им.

Вдруг Арина, взглянув на часы, заторопилась. Куда, было

непонятно, но она уверенно тащила его за собой на корабль, словно там были какие-то срочные дела, не терпящие отлагательств.

Снова картина, Арина разводит краски, снова игра. Он терпеливо ждет. Сейчас это время принадлежит в первую очередь ей. Позвав его и усадив на диванчике у самой кормы, она попросила его не уходить, на мгновение замереть, и теперь внимательно, оценивающе его разглядывала. Мгновение затянулось. Потом, взяв карандаш, начала рисовать. А он никуда и не торопился, лишь смотрел на нее внимательно, думая, как она замечательно выглядит. Он не видел изменений в ее лице, не замечал новых сединок в волосах, а перед поездкой она окрасилась в черный цвет. Ее волосы черной гривой развевались на ветру, и поневоле он залюбовался. Арина была очень красива. Даже сейчас, когда занималась ерундой, рисуя свою бессмыслицу, глаза ее внимательно на него смотрели, и какая-то тайна скрывалась в этом взгляде. Это была незнакомая женщина, которую он никогда не знал, не видел или не помнил. Он не встречал эту женщину в своей жизни раньше. Она была незнакомкой и волновала его. Она была очень красива! Он смотрел и не мог оторвать взгляда. Уже безумно хотел ее. Хотел с ней познакомиться. И если забыть о ее невинной шалости, об этой странной игре, не воспринимать всерьез, не обращать внимания, могло показаться, что в эти минуты она по-настоящему творит, создавая шедевр. Пусть эта игра останется лишь игрой. Но, сейчас с кистью в

руках, перепачканная красками, она казалась ему богиней. Арина так отдавалась своему занятию, словно картина эта была смыслом жизни, словно это был шедевр. А она все водила кистью, может быть не она, кто-то другой оттуда сверху водил ее рукой, помогая...

Наконец, он очнулся от этого созерцания, и уже не решался заглядывать и смотреть на ее творение. Хотелось сохранить сказку. Как будто могло быть иначе. Как будто на самом деле она умела рисовать, а картина эта потрясала. Не мазня играющего ребенка, а работа мастера. С нежными руками, синими глазами и острым испытывающим взглядом, который сейчас все в нем переворачивал...

Но сказка не бывает вечной. Арина, закончив играть в художника, позвала его. Все равно, что бы там ни было, что бы она ни написала или намазала, это будет хорошо, – подумал Петр. Он с удовольствием будет разглядывать ее “шедевр” и с уважением отнесется к этой забаве. Она права – все это лишь игра...

Подошел и молча, не отрываясь, посмотрел. Смотрел сначала с улыбкой, потом с удивлением. И не понимал. Потом спросил:

– Ты умеешь рисовать? Где ты этому научилась? Когда?

И снова замолчал.

– Никогда. Так, ... в детстве баловалась. Всегда хотела попробовать настоящими красками.

И как-то просто добавила:

– Когда-то нужно начинать. Самое время.

А с картины на него смотрело лицо. В нем он узнавал себя. Заглядывал, словно в зеркало и видел свое отражение. Высокий загорелый мужчина сидел в углу полотна. Он будто ожил, в его чертах угадывался характер, привычки, настроение. Это был настоящий человек. Все это не было мазней, а частью картины, откуда живыми глазами на него смотрел живой настоящий человек, и человек этот был он. Никакой фотоаппарат не передал бы столько красок жизни и настроения. А здесь все по-настоящему. Не мазня! Не детские шалости. Ее рука только что сначала карандашом, а потом маленькой кисточкой нарисовала настоящего человека, а за спиной его был все тот же серый неровный фон, который уже таил в себе что-то, но готов был ожить, заполнив полотно смыслом и цветом. А цвета эти оживут. И вспомнил вид с холма: краски, аромат, маленькие дома, солнце и коровки на лугу. Там все было по-настоящему, ... но и здесь по-настоящему! И это потрясло! Человек был, словно живой. Он куда-то смотрел и улыбался.

Петр долго еще рассматривал фрагмент большой картины, и слов не находилось... Арина наконец прервала молчание:

– Мне тоже нравится, – сказала она. – По-моему, получилось. Да?

– Да!

15 таблеток.

Арина, не забывая, пунктуально, каждое утро, совершала этот ритуал, запивая таблетки водой. И только потом начинался их день. Обо всем остальном она, казалось, не помнила, смотрела с борта корабля на далекие пляжи, которые проплывали перед ее глазами. Она была абсолютно увлечена, и теперь долгие часы проводила со своей картиной. Словно накладывала пазлы, маленькие квадратики один за другим, и те ровными стройными рядами занимали свои места, а картина все больше оживала. Серый фон, который недавно скрывал ее замысел, теперь уступал место причудливому ландшафту. Большую часть полотна занимал высокий крутой склон, который спускался к морю. Заросли деревьев и кустарников украшали эту гору, а на небольшом уступе, куда вела извилистая, узенькая дорожка, прямо на глазах рос небольшой кирпичный дом. А, может, большой, как посмотреть. Рядом с домом находилась открытая площадка, где находился человек, тот самый, который так безупречно походил на Петра. Он не смотрел на море или солнце, не обращал внимания на дом, только, присев на край парапета, нависавшего над пропастью, смотрел прямо перед собой. И улыбался. Что привлекало его внимание, пока было непонятно, но, было это, безусловно, что-то забавное, и сумасшедший восторг застыл в его глазах.

Петр пытался отвлечь Арину, но все было тщетно. Хотел предложить ей поездку по материку. Не так далеко находи-

лась столица Испании, куда можно было на машине доехать всего за несколько часов. Провести там день-другой, а потом вернуться на корабль. Но она его словно не замечала... Прошел час, прошел другой, а она продолжала рисовать.

Наконец, обратила на него внимание и серьезно заговорила. Он удивился, и теперь внимательно слушал.

– Ты должен пообещать мне, что эта картина, появится на самом деле где-нибудь недалеко отсюда. Это пока лишь проект, маленькая мечта, но она сбудется! Обещай, – загадочно повторила она, – все, что я придумаю и нарисую, ты воплотишь в жизни!

Помолчала немного и снова заговорила:

– Поклянись! Я хочу, чтобы это произошло на самом деле! – уже капризно повторила она.

– Ну, ... обещаю, – удивленно произнес он. Но она улыбнулась и заговорщицки произнесла, – а теперь поклянись!

– Глупая! Я же сказал, что обещаю!

– Нет! – возразила она и снова хитро посмотрела. – Этого недостаточно!

– Зуб даю! – засмеялся он.

– Дурак, зачем мне твои зубы. Зубы можно вставить...

– Клянусь жизнью, – неожиданно произнес он и тоже хитро на нее посмотрел, – устраивает?

– Ты клянешься своей ничтожной жизнью? – улыбнулась она, задумалась, потом тихо произнесла, – теперь клянись и моей тоже...

Он, вздрогнул, замолчал. Сейчас она увлеченно играла в какую-то новую игру, была доведена до предела, играла с жизнью, бесшабашно и с радостью, делала это с удовольствием, словно крутила барабан русской рулетки, где непременно находился тот единственный патрон. Петр молчал.

– Трус! – гневно воскликнула она. – Ты мне не веришь? Неужели ты подумал, что я могу нарисовать что-то такое..., чего рисовать не стоило бы вообще? – и снова повторила, – так, ты способен на это? – улыбнулась и мягко произнесла:

– После того, что было с нами,... со мной... После ужасной больницы... Потом флакон с таблетками! Это было чудо! Ты так ничего и не понял? Осталось совсем немного – неделька-другая. Я закончу их пить! Все будет в этой жизни! И теперь, когда я хочу все!.. А ты просто струсил...

– Нет..., – попытался возразить он, но она резко его оборвала:

– Тогда клянись! Какого черта! Как в детстве! По-настоящему!

Он смотрел на нее широко открытыми глазами и был покорен ее энергией, безумным взглядом, силой, которая дала ей это чудесное выздоровление. Смотрел и теперь абсолютно в это верил! Как он мог сомневаться? Она все сделала сама. Она справилась со смертельной болезнью. А он видел, но почему-то не верил! Чудеса бывают! Во всяком случае, этого чуда она оказалась достойна... А он не верил, лишь замечал, как она молодеет на глазах, становится красивой, юной, как

и прежде!..

И пусть теперь рисует на своей чертовой картине все, что угодно! Бояться больше нечего!

– Клянусь, – воскликнул он.

– Все, что будет нарисовано на этой картине, сбудется! – продолжала она.

– Сбудется...

И тут, словно гора свалилась с плеч. Нет, не гора! Крест!.. Тот самый тяжелый крест! Он рухнул оземь. И Петр снова ощутил, сколько тот весил. Но поднимать его не слал! Теперь, когда этот короткий путь превращался в длинную жизнь, больше не измерялся километрами трасс черной горы или морскими милями, а долгими годами жизни, все стало просто. И он выдохнул:

– Ты идиотка! И игры твои безумные! Дурацкие игры!

– Клянись! – потребовала она.

– Клянусь двумя идиотскими жизнями, что всю твою мазню, всю ерунду, которую ты нарисуешь, я подарю тебе. Или куплю. Или украду! Устраивает? – торжественно произнес он.

– Украду? – удивилась она. – Ты такое ничтожество, что хочешь построить будущее своих детей на “украду”?

– Ты права! Заработаю! Сделаю! Устраивает?

– Да! – воскликнула она, оставшись очень довольной. Потом бросила взгляд на берег и капризно добавила:

– И долго ты еще собираешься меня тащить на этом скуч-

ном корабле? В ресторан не приглашаешь, на воздушном шаре не катаешь, даже мороженое и то не покупаешь, даже букетик цветов, самый захудаленький... И, что это за кавалер?...

– Гуляем! – воскликнул он и отдал команду причаливать. Где причаливать, зачем – теперь было не важно! Гуляем и все...

Прошло несколько дней. Больше он не считал эти таблетки. Он забыл о них, лишь иногда замечал, как по утрам Арина вынимала и по одной их пила, но это уже было не важно. Те все равно помочь не могли. Помогло что-то другое!..

И снова они носились по городам, незнакомым провинциям, дорогам. А по вечерам возвращались на корабль, и тогда Арина подходила к картине, а Петр издалека за ней наблюдал. А по ночам...

Арина заканчивала картину, оставалось немного, и ее можно будет повесить на стену, а, может быть, тоже найти высокую гору, водрузив ее там. Арина ничего ужасного не нарисовала. Собственно, картину эту в своем воображении Петр рисовал многие годы. Он давно придумал эту сказку, эту мечту и поделился с ней. А теперь Арина запечатлела ее своей кистью, оставалось взять лопату, воткнуть в мягкую землю и на склоне замечательной горы вырубить маленькое, уютное гнездышко. Где небольшой дом нависал бы над мо-

рем со склона горы, а внизу угадывались очертания корабля – кораблика, белого и сказочного, почти такого, на котором они плыли сейчас. Но даже не это было главным. Арина впервые в жизни написала картину. Она умела рисовать, но на полотне красками делала это впервые, поэтому удивляло ее умение передавать сходство. А сходство поражало. Человек, который был похож на Петра, смотрел прямо перед собой, а когда Арина дописала эту часть картины, там появились дети. Мальчик и девочка одного возраста и еще один паренек постарше. Они были очень похожи на Петра. Как можно было нарисовать еще не рожденных людей – было непонятно. Как можно было определить их возраст, характеры? Но Арина смогла, вложив в эту картину свой материнский инстинкт, и сходство поражало. Он безумно был благодарен ей за это. За горы и белую лодку у пирса, за домик, свисающий со склона, а особенно за трех маленьких человечков, которые у нее так здорово получились. А еще, он был благодарен за силу, которую она в себе нашла, чтобы победить болезнь. Она отогнала судьбу на многие километры и расстояния. Отбросила жуткие границы и теперь была на долгие годы с ним... И с ними тоже. И теперь он смотрел на картину, где уже вырисовывался силуэт молодой красивой женщины. Та стояла в дверях дома, держась за ручку, и завершала этот простой сюжет. И Петр подумал, что без этой женщины картина была бы невозможна. Она теряла смысл. Оставалось совсем немного, несколько штрихов и лицо жен-

щины засияет улыбкой, а глаза ее будут тепло смотреть на троих малышей... И на него.

Он смотрел на нее, любовался, не в силах отвести глаз.

Любил ли он ее? Спустя годы и десятилетие, знания и незнания, встречи и расставания, стены, которые разделяли их. Да! Любил!

– Я устала, – произнесла она, – отложив кисть.

– Осталось немного, – удивился он.

– Да, немного, – произнесла она. Потом встряхнулась и спросила:

– Ты помнишь, что мне обещал?

– Да, помню. Конечно, помню, – ответил он.

– Ну-ну, – ответила она. Больше не произнесла ни слова.

– Собирайся! – воскликнул он.

– Куда? Опять? Уже вечер!

– Да! Опять!

Все последние дни они носились по каким-то городкам, бродили по пляжам. На юге Испании уже попадались люди, которые загорали, даже купались. Здесь было очень тепло. Пляжи Марбельи славятся длинным сезоном, и туристы приезжают отдыхать сюда почти круглый год. Так они приплыли в чье-то лето. Но путь их был не окончен. Путь их ТОЛЬКО НАЧИНАЛСЯ. Вот уже пролив, а Средиземное Море осталось позади. Океан и прекрасный остров, на котором уди-

вительный пик вулкана венчает верхушку горы, приглашая встретить рассвет. Остров Тенерифе. Остров, где всегда вечное лето, теплый Гольфстрим и нескончаемый отпуск для людей, которые могут себе это позволить. А они могли! Была бы воля...

Воля была. И желания устремлялись в сумасшедший безудержный бег или полет... А неизвестность манила...

Они мчались по наклонной куда-то вверх на немыслимую высоту. Дорога не петляла скучным серпантинном, а чертила по прямой, угадывая настроение этих двоих, и предлагала свой короткий маршрут на серую макушку горы, где скоро наступит рассвет. Он наступит раньше, чем там внизу, и эти двое успеют насладиться первыми лучами утреннего солнца, пока океан и этот чудесный остров спят. Дорога прямоком, не петляя, возносила их к звездам, к зарождающемуся рассвету. В лобовом окне было видно только огромное черно-синее небо. Дорога скрывалась под колесами и, казалось, что они уже давно оторвались от нее и мчатся в небесах только вперед и ввысь.

– Сумасшедший! Вернись на Землю! – не выдержала она.

– Это только начало! – кричал он в ответ.

И теперь только ветер, минуя лобовое стекло, трепал их безжалостными порывами. Сносил остатки металла и пластика, бывшие раньше машиной, стирал загар с их кожи, выдувал мозги из безумных голов, срывал одежды, оставляя те-

ла обнаженными и готовыми к этому неистовому полету, сохраняя лишь улыбки и задор на молодых счастливых лицах – лицах и счастливых глазах, которые должны успеть встретить рассвет на этой горе! И снова время послушно застыло. Оно замерло, оставшись там внизу навсегда.

Арина была удивительно красива. Черные волосы переливались в новорожденных лучах, сверкая на солнце. Ее утомленные глаза от праздника и безумия, от бессонных дней и ночей горели ярким огнем, не давая ей уставать от юности и восторга этого утра. Петр любовался ею. Она и была для него сейчас и солнцем, и рассветом, а он готов был стать вулканом, горой под ее ногами и нести по жизни девочку с такими глазами на любой край света бесконечно долго...

– Как здорово, когда любишь, и можешь стоять на вершине, на самом краю, а дальше остается только взлететь, – думала она. – Когда этот человек рядом, держит тебя за руку, светит солнце, больше ничего не нужно...

– Нужно, – мысленно вторил он. – Хочется, чтобы рядом ходил маленький человечек, тот самый, с ее картины, и был похож на них, а остальное не имеет никакого значения. Рука в руке, тепло этого солнца и маленький человечек рядом... Нет, три человека...

– Так не бывает...

– Но это есть... Как хорошо, что теперь ты сможешь все! И даже больше! Ты стоишь на этой вершине, а другие горы

ждут тебя, дальше только полет, – думал он, любуясь восходом, любуясь ею.

– Полет в никуда, в неизвестность, и только туда, наверх... Как жаль, что подняться выше невозможно, – думала она...

Утром следующего дня они находились на палубе корабля. Проснулись рано, и снова не хотелось пропускать рассвет. Пусть он был поздний этот рассвет, зимний, но солнце снова будет горячим, будет играть на их лицах, и они вместе будут его встречать. Так теперь будет всегда.

Картина стояла в стороне, и в сумерках зарождающегося утра ее краски совсем не поблекли. Они светились в темноте от яркого фонаря, оживая, и этот маленький дом и люди казались настоящими. Маленький крошечный мир, написанный чьей-то рукой – он помещался в рамке, в жизни этих людей. Оставалось лишь несколько мазков и глаза этой женщины засияют.

Неожиданно Петр произнес:

– Я хотел тебе сказать, – он волновался, поэтому запнулся. Он вел себя, как ребенок.

– Знаешь, коль скоро мы с тобой так давно знакомы... Уже почти месяц, я хотел тебе кое-что сказать... Я хотел сделать тебе предложение.

– Ты обезумел, мой хороший, – засмеялась она.

– Нет, не обезумел, все прошлое не считается. Давай начнем сначала. То есть, пройдем все это еще раз, но по-другому.

му. Я делаю тебе предложение.

– Ты опоздал, глупый, ты сделал уже мне предложение, и теперь я занята. Уже десять лет! За-ня-та!

– Не совсем, – улыбнулся он. – Если ты, конечно, готова снова выйти за меня... Я поведу тебя под венец.

– Что?

– Через неделю мы вернемся и будем венчаться...

Снова улыбнулся и добавил.

– Так и быть, уговорила! Делаю тебе предложение,... во второй раз!

Она молчала, а он не понимал, лишь видел, как она волнуется. Разве может женщина, спустя столько лет, так воспринимать его слова? – поразился он. А сердце ее вырывалось наружу. Глаза светились невероятным блеском, она не могла вымолвить ни слова. Что-то хотела сказать. Сделать это прямо сейчас... Но почему-то молчала.

– Такое нужно отметить! – воскликнул он. – Шампанского!

– В девять утра?! – засмеялась она. Но он уже скрылся в дверях кают-компания, спускаясь в трюм, где находились их запасы. Повар спал, да и не нужен был сейчас этот повар. Петр быстро шел, он торопился вернуться к ней. Шел и думал о предложении, которое только что сделал. Как давно он не делал этой женщине предложения! Почему? Если ты способен произносить слово “Люблю” – делай такие предложения часто. Делай их каждый день...

Она стояла на корме, цепко держась за перила, вглядываясь в бесконечную даль океана. Стояла так уже целую вечность и смотрела туда, где небо соединялось с беспокойными волнами, где кончалась земля и начиналась какая-то другая стихия, другая жизнь. А ее длинные черные волосы развевались на беспокойном ветру. Солнце вставало из-за горизонта и уже освещало утренними лучами водную гладь, солнце начинало свой новый день над бесконечной равниной. Наступало то единственное мгновение, когда оно еще касалось горизонта, но уже готово было оторваться и устремиться на высоту, чтобы залить этот водный мир ослепительными лучами, подарить тепло и жизнь, и любовь. Этот миг был маленькой короткой сказкой, и сказку эту подарил ей Он. В такие мгновения не существует прошлого или будущего, есть только настоящее. Этот ослепительный миг и он твой... И Его тоже...

Только почему-то он не шел. Он находился в трюме этого маленького белого корабля или где-то еще, но не было его рядом, и это утреннее мгновение принадлежало только ей.

И тут она почувствовала, что больше так не может. Она так устала за это короткое путешествие и долгую жизнь, которую прожила. Сил не оставалось, а претворяться больше не могла...

Петр вернулся на палубу, неся бутылку шампанского, и не

увидел ее. Удивленно оглянувшись, заметил двух французов его команды, которые зачем-то ринулись к корме и прыгнули в воду. Петр подбежал и в ужасе посмотрел вниз, откуда ребята-французы поднимали Арину. Она без сознания лежала на их руках, и те по трапу для пловцов, который капитан уже спустил на воду, поднимали ее на борт. Сначала он ничего не понял, подхватил ее и уложил на диван. Она открыла глаза и посмотрела на него. А лицо ее было покрыто морщинами, глаза ввалились, вокруг них были темные круги, нос заострился, а на голове после этого купания снова показались седые волосы. Их было много, очень много, и они предательски выдавали ее тайну.

Самолет уверенно набирал высоту, прощаясь с взлетной полосой, с морем и маленьким островом, с крошечным игрушечным миром и белым корабликом, который одиноко плыл по волнам, больше не выбирая маршрут. Он возвращался в свою гавань, откуда недавно начинал свое путешествие...

Арина сидела рядом, не скрывая усталости, не пытаясь что-то говорить, прятать неожиданно набежавшие морщинки и седые волосы. Он тоже молчал, думал и не понимал. Как она смогла утаить от него болезнь? Почему он ничего не замечал? Целых три недели он не верил, считал таблетки, потом поверил в чудо. Оно было таким реальным. И сейчас у него в душе все переворачивалось.

Лучше готовиться к худшему, – вспомнил он. И подумал:

– Снова ты о себе?

– Просто ты влюбился, дурачок, поэтому ничего не замечал, – неожиданно ответила Арина, словно он разговаривал не с самим собой, а с ней.

– Разве такое возможно?

– Если любишь – возможно все. У мужчин обычно так и бывает.

– Откуда ты это знаешь? – удивился он.

– Я очень..., – она немного помолчала.

– ...очень-очень взрослая и мудрая женщина. Иногда мне кажется, что я знаю все.

И тут он понял, глядя в эти глаза, чего стоила ей эта поездка. Катание по черным трассам, бессонные ночи, бесконечные километры дорог. Он думал, что подарил ей это путешествие, обманул ее, придумал сказку, а оказалось, что это она, преодолевая усталость прожитых лет, дарила ему годы жизни своей, день за днем, думая только о нем. Знала и молчала, и просто любила. Но имел ли он право на это? Он украл ее из больницы, где, может быть, ей смогли бы помочь... Его предупреждали! А он!

– Не смей себя ни в чем винить! – вдруг произнесла она. – Ты сделал то, что мог, что должен был сделать. Что хотел. Спасибо тебе за все... Я люблю тебя!

И взяла его за руку, как маленького ребенка.

– Ты помнишь, что обещал мне? – вдруг жестко спросила она.

Он промолчал, с ужасом глядя в ее глаза, вспоминая картину, дом на горе и кораблик у пирса, маленьких детей, человека, похожего на него и... И тут словно увидел лицо той женщины! Там было лишь белое пятно. Пятно и все. Она так и не успела дорисовать. Не успела или не захотела?... Знала и молчала...

– Ты обещал. Ты мне поклялся! – тихо спокойно произнесла она.

– А картину эту ты дорисуешь сам.

И тут ему стало страшно.

– Что будет дальше? – хотел спросить он, но промолчал, спрашивать было некого. На этот вопрос даже она вряд ли знала ответ. На такой вопрос ответа нет. Теперь ему одному придется искать его. Но оставалось еще семь таблеток... Целых семь! Что бы там ни было, время еще оставалось...

А за окном далеко внизу летели белые облака, неслись навстречу заснеженные горы, зеленые лужайки, на них паслись маленькие коровки, и коричневые пятна были нарисованы на их боках. А за окном сыпался желтый песок. Он неумолимо заносил этот мир, превращая его в бесконечную пустыню, и звук сходящей лавины снова шумел в голове, давил на уши, застилая сознание. Песок уже доходил до шеи, до лица, и было трудно дышать...

Часть 3

16

– Я хочу, чтобы ты устроил меня в клинику к своему другу.

– Нет, – коротко и зло бросил он. Арина уже несколько раз повторяла эту просьбу, но он неумолимо произносил свое “нет”, как будто в нем заключался какой-то смысл. Жестко и зло снова и снова.

– Но какой в этом смысл? – в отчаянии воскликнула она. Тысячи и тысячи людей находятся в больницах. Они лечатся, принимают таблетки, делают какие-то процедуры. Ты не можешь лишить меня элементарной медицинской помощи. В конце концов, я имею на это право...

– Нет, – снова отвечал он. – Тысячи и тысячи лежат там, но не все...

– Что? – устало спросила она.

– Ничего, – отмахнулся он. – Пойми, ты не больна! Ты совершенно здорова! Это мне сказал врач. Просто живешь немного быстрее, чем остальные, но у тебя болезни нет...

– Хватит! – остановила его она. – Давай спокойно поговорим. Я не хочу оставаться здесь. Я не могу больше видеть

эти стены, зашторенные занавески, чертовы зеркала. Я хочу, чтобы ты отвез меня в больницу.

– Я тебе кое-что объясню, – произнес он. – Есть лекарство. Врач, тот самый, от которого мы уехали месяц назад, мне о нем рассказывал. Все просто. Это лекарство в тебе, в каждом из нас...

– Чушь какая-то, – перебила она.

– Нет, не чушь! Почему ты не хочешь мне поверить? Ты должна поверить и все вернется... Это же так просто.

– Я хочу в клинику.

– Ты хочешь в этой клинике..., – и он замолчал.

– Да, хочу! – не выдержала она, – я имею на это право, в конце концов, мне распоряжаться своей жизнью. – Потом тихо добавила: – Я не хочу, чтобы ты запомнил меня такой!

Замолчала и села на диван, отвернувшись. Он тоже молчал, наконец, произнес:

– Я не отпущу тебя. Я тебя не отдам. Ты не бездомная дворняга, чтобы в подворотне заканчивать свои дни. Тысячи сердобольных родственничков отправляют близких в больницы, зная, что они оттуда не вернутся! Неужели ты думаешь, что я способен на это? За кого ты меня принимаешь?

И уже громче продолжал:

– Ты должна помочь себе сама! Ты можешь хотя бы попробовать! Ты имеешь на это право! Не возиться со мной, как с мальчишкой, не уходить навсегда в эту чертову клинику, а подумать о себе!

– Я пробовала. Я пыталась...

– А теперь сделай это. Все просто. Какая-то невероятная штука заключена в одном слове, в четырех буквах, в таблетке по имени “Вера”. Сделай это для меня, в конце концов! Так тебя устраивает? Ты согласна?

– Да, да, конечно, – тихо и просто ответила она, – для тебя я сделаю все.

Он изумился не ожидая такого скорого и простого ответа. Она взяла в руки сумку, достала несчастный флакон и проглотила пилюлю. На дне оставалось еще пять таких же маленьких таблеток. Флакон в руке дрогнул, и таблетки с грохотом, ударившись друг о друга, зазвенели. Звук напомнил какой-то музыкальный инструмент. Только с каждым днем его звучание будет становиться все тише и тише, пока не умолкнет совсем. И лишь пустой стеклянный предмет останется в руке.

– Этого не будет! – мелькнуло в его сознании. – Этого быть не должно! Не должно и все!

На следующее утро Петр быстрыми шагами шел по улице, не выбирая дороги, и только цель путешествия неумолимо приковывала внимание. Там, вдалеке, золотыми куполами на зимнем солнце светился маленький Храм. Маленький или большой – сейчас это не имело значения. Главное – что это был Храм. Туда и держал он свой путь, туда понесли ноги, стоило только проснуться и выскочить на улицу. Под

ногами скрипел декабрьский снег, он укутывал надоевшую серость тротуаров и дорог, скрывал мрачность города. Наступало короткое время в году, когда все вокруг замирало в ожидании скорого праздника, лица людей выражали нетерпение и радость в преддверии длинных каникул. Они оставляли свои ежедневные дела, надоевшие, словно вязкая грязь под ногами, в которой тонут ноги. Но вот уже первый снег, замерзшие белые улицы и надежды на будущее. На небольшой площади кто-то наряжал высокую елку, город готовился встретить Новый год, а потом еще один и еще...

А у них оставалось всего несколько таблеток. И на празднике этом он чувствовал себя чужим. Впервые в жизни его не интересовал снег, наряженные елки, праздник, веселье, подарки к Новому году. И только глаза смотрели туда, где стояла маленькая церквушка.

Он вошел внутрь и ощутил себя в необычном месте. Горели свечи, пахло воском, отовсюду на него смотрели лики святых. В сумеречной темноте их глаза светились особенным блеском, и на мгновение он почувствовал себя удивительно спокойно. Только сейчас понял, как устал за последние дни. Эти глаза были равнодушны, они с пониманием и участием взирали на него, и он с трепетом вдыхал аромат этого намоленного места. Суэта города осталась за каменными стенами, а здесь – умиротворение и покой. Посмотрел наверх. Церквушка снаружи казалась крошечной, но, стоя внутри, в самом ее центре, он подивился высоте стен и куполу, нави-

сающему над ним. Это было словно другое измерение. Пространство сужалось к самому верху, устремляясь высоко в небо, оно уходило на недостижимую высоту, и сейчас Петр ощущал себя частичкой неведомого, незнакомого ему мира, частицей вселенной, которая чудесным образом поместилась здесь, в конце улочки, внутри церквушки. Это был не маленький игрушечный мир, нарисованный детской рукой, не придуманный, а самый настоящий, и он поражал своими размерами. Его тело замерло, растворилось в удивительной атмосфере неведомой планеты, где воздух был другим, и даже притяжение не давило, пригибая к земле, а глаза, смотрящие с икон, не тревожили покой, не принижали, с пониманием глядели, зная, зачем он пришел. Он был словно в невесомости, тело стало легким, мысли другими. И на мгновение время остановилось вновь. Он чувствовал это, знал, что оставил его за стенами Храма, на улицах, занесенных снегом, на тротуарах и шоссе, по которым торопливо шли люди, проносились машины. Здесь все было по-другому. Уже пожалел, что не взял Арину с собой. Но, всему свое время...

Подошел к месту, где продавались свечи, спросил у служительницы, где находится расписание и когда проходит венчание. Та ответила, что служба недавно закончилась, поэтому можно подойти к батюшке и договориться о времени. Потом достала небольшой листик бумаги – это был прејскурант. Крещение младенца, крещение взрослого, отпевание и так далее... Глазами пробежав длинный список, наконец,

нашел то, что искал – венчание. Посмотрел на цену. Посмотрел на остальные цены. Крещение стоило дороже, чем отпевание, а венчание дороже, чем крещение. В голову пришла мысль, что явиться на этот свет стоило дороже, чем из него уйти. А если ты решил соединить с кем-то свою судьбу, придется заплатить еще дороже. Нет, ему не было жалко этих денег. Не видел бы этих цен, заплатил бы намного больше. Это было естественно для него – пожертвовать на церковь. Но когда увидел цифры, напечатанные на листке бумаги, все стало обыденно и просто. Словно оказался не в святом месте, а в суетном мире, где все измеряется деньгами. И еще в голове промелькнуло – там, в Иерусалиме, в стенах Храма гроба Господнего он не видел прилавков и ценников. Крестик можно было купить лишь на улице, за его пределами, а свечку за здоровье он взял бесплатно, та лежала в аккуратной стопочке рядом с иконкой на Голгофе, где и нужно было ее поставить. А здесь прейскуранты и цены... Может, просто нужно быть ближе к Богу, к гробу его Сына, тогда и деньги перестанут иметь значение. Вспомнил людей, бегущих с крестами паломников под мышкой и фотоаппаратами на шеях, их безудержное веселье, их топот по древним булыжным мостовым, по которым когда-то шел Он... Впрочем, все эти мысли мгновенно промелькнули в голове, и он не придавал им большого значения. Главным сейчас были эти иконы, высокий купол над головой и вера, которая тогда у стен Старого города помимо воли, как само собой разумеющееся, пробу-

дилась в нем.

Спустя пару минут, он уже уточнял у священника, когда можно будет прийти на венчание, и тот назначил время – через 2 недели.

– Слишком много пар записалось, – пояснил он, – раньше никак.

Тогда Петр неожиданно для себя произнес:

– Через две недели моей жены не будет в живых.

Услышав эти простые слова, которые сам только что произнес, подумал, что сошел с ума. Нельзя так просто говорить об этом. Нельзя не верить в иной исход. Но он почему-то так сказал. Сделал это просто, а теперь в ужасе замер, ожидая ответа.

Священник посмотрел на него понимающим взглядом. Этот человек словно стоял у врат, откуда приходят в этот мир или возвращаются обратно. Он давно привык к такой работе (вернее служению). В этом месте подобные слова для него прозвучали естественно и очевидно, даже обыденно. Немного подумав, батюшка произнес:

– Тогда, завтра!

Назвал время, объяснив что нужно сделать перед венчанием, и они попрощались.

Оставалось 5 таблеток. Нет, четыре. Утром Арина, выпила одну, спокойно достала ее и проглотила. Петр понимал, чего стоит ей скрывать свои чувства, он словно находился на

ее месте. Вдруг в голове промелькнуло: – Как бы он хотел оказаться на ее месте. Он знал, был уверен, что справился бы с этим проклятием за оставшиеся четыре дня. А у нее уже не хватало сил бороться. Она очень устала за последний месяц, и от жизни, которую прожила за эти дни.

Новость о венчании Арина встретила спокойно. Как будто ей было все равно, и целиком доверилась его воле. Сейчас он чувствовал, что теперь только он может ей помочь. Как помочь? Как передать ей невероятные силы и сделать чудо? Он стремился подарить ей земные радости, веря, что они помогут удержать ее здесь. Хватит ли у нее сил? “Просто, нужно верить, и случится чудо”, – вспомнил он слова врача. – Все просто...

Снова под ногами скрипучий снег и дорога по нарядной улице, украшенной гирляндами, с елочными базарами, пестрыми витринами, холодной зимой и скорым праздником, затаившимся в глазах прохожих. Оставалась всего неделя, и для них наступит Новый год. Как тяжело быть в гостях у времени, заглядывая в чужие окна и дома, где идет шумная предпраздничная суэта, где люди думают о завтрашнем дне, не замечая дня сегодняшнего. Он для них мимолетен – пролетит, и те позабудут о нем, вступив в новый свой день, в новый год. Только в жизнь другую так просто не переступить. Как тяжело листать страницу за страницей чужое время, ненароком заглядывая туда, не в силах оторваться. Но это был не их праздник, поэтому Петр, желая сократить путь,

торопил Арину, а та и сама была рада не смотреть по сторонам, только вперед, в конец улицы, где отсвечивали ярким заревом золотые купола.

В церкви служащая попросила немного подождать. Они пришли раньше, и батюшка еще не закончил венчание другой пары. Они замерли у входа и смотрели на юных молодоженов, которые проходили обряд венчания. Невеста была в белоснежном платье, белая вуаль скрывала ее нежное лицо и прическу. Жених был в черном костюме, он тоже выглядел очень молодо, и эти двое представляли собой удивительно красивую пару.

– Почему они десять лет назад не пришли сюда? – подумал Петр.

– Ходили каждый день мимо. Проходили, пробегали...

Посмотрел на Арину. На голове ее была темная вуаль, которая, закрывая лицо, спадала на темное платье. Ей было всего тридцать лет – совсем еще девчонка! Юное, дорогое ему существо! Хотя, придти в такое место никогда не поздно, – подумал он.

Какая-то пожилая женщина, услышав последние слова служительницы и поняв, что эти двое пришли венчаться, перекрестилась и пробормотала:

– Совсем люди стыд потеряли, прости Господи. Такой молодой парень и эта... Все проклятые деньги.

Петр вздрогнул. Арина, по-видимому, не услышала этих слов, и он с облегчением перевел дух. Сейчас для него было

важно повести ее к алтарю, подарить ей кусочек жизни, дать веру в эту жизнь, пробудить ее и вернуть сюда. А где еще это можно сделать, как не в таком месте...

Арина неожиданно отошла, бросив на ходу:

– Пойду поставлю свечку.

Он хотел было идти за ней, но она жестом его остановила и улыбнулась.

– Я сейчас, оставайся здесь.

И направилась к месту, где знакомая служительница продавала свечи. Внимание Петра снова привлекла церемония венчания. Новобрачных уже вели к алтарю, им надели кольца и теперь освящали их брак, несли короны над головами, а те за батюшкой двигались по церкви. Они шли в свою маленькую жизнь, в семью, которая рождалась у него на глазах, и Петр залюбовался...

Потом огляделся и уже с беспокойством начал выискивать Арину. Он не видел ее. Подошел к служительнице, снова ее не нашел. Оглядел маленькое помещение...

Ее нигде не было! Она исчезла! Почему-то вспомнил то ужасное ощущение, когда она скрылась с глаз на черной ледяной горе. И сейчас он снова ее терял. Снова огляделся. Арины нигде не было. Выскочил на улицу. Люди в шумной толчее сновали в разные стороны, машины пролетали мимо. На миг показалось, что похожая фигурка заскочила в такси, дверца захлопнулась, и машина исчезла, она растворилась в городском хаосе, в белом снегу, который засыпал улицы, в

праздной толчее. Арина пропала вместе с ней.

Потом он долго носился по улицам, забегал в магазины и подворотни, снова возвращался к церкви, но нигде ее не находил. Она исчезла из его жизни, теперь уже, кажется, навсегда.

Дома на своем рабочем столе Петр увидел коротенькое письмо. Заметил его, еще стоя в дверях, издали узнавая ее почерк, но подойти не решался. Это было ее письмо. Написала она его, по-видимому, вчера или сегодня, пока собиралась, и оставила его здесь до ухода в церковь. Помнил точно – утром его здесь не было. Это был приговор. Последнее слово, которое Арина оставила ему, и строки светились в сумраке комнаты.

“Я уйду как верная любимая собака. Хозяин не должен видеть, как умирает его пес. Хозяин должен жить, завести себе нового друга и позабыть о прошлом своем питомце. Может быть, иногда вспоминать. Такова жизнь. В этом нет ничего страшного. Если веришь... О вере ты задумался в последнее время, значит, ты знаешь, что когда-то мы увидимся снова. Только случится это позже и совсем в другом месте. Я люблю тебя. И помни, что ты мне обещал. Ты поклялся, дал мне слово. Ты должен дорисовать мою картину сам. Не грусти, мой Петр... У тебя такое красивое имя!

Твоя Арина”.

Он схватил письмо и ринулся из дома. Она не могла с ним

так поступить. Он должен был ее найти. Эти четыре дня – последнее, что у них оставалось. За четыре дня можно прожить целую жизнь, четыре жизни. Он должен быть с ней рядом!

В отделении милиции его встретил молодой вежливый лейтенант. Неторопливо выяснив причину его прихода, попросил написать заявление. Пока Петр сочинял короткий текст, тот без интереса на него смотрел. За свою короткую службу он принял сотни таких заявлений. И вот сейчас сидит перед ним совсем еще молодой мужчина, от которого ушла жена. Как всегда – одна и та же история. Ушла – вернется. Не ребенок, не престарелая женщина, выжившая из ума.

– К заявлению необходимо приложить фотографию, – сказал он.

– Фотографию? – переспросил Петр.

– И желательно свежую.

Петр подумал, что такой у него нет. Приносить старые бессмысленно. Но как это объяснить?

– Как нет? – удивился лейтенант. – Вы кем ей приходиться?

– Мужем, – ответил он.

– Странно, – вздохнул лейтенант. – Фотографии нет.

– Есть письмо, – зачем-то сказал Петр и, достав сокровенный листок бумаги, протянул собеседнику. Тот взял его, долго изучал, потом спросил:

– Я не понимаю, вы ищете жену или собаку?

Петр задохнулся, но, сдержав себя, коротко ответил:

– Жену! Я ищу жену...

Тот снова перечитал письмо.

– Здесь же ясно сказано, собаку...

Петр выхватил письмо и уже громче воскликнул:

– Я ищу жену! Что я должен еще сообщить?

– Когда она пропала?

– Сегодня! Только что! Полчаса назад!

Лейтенант устало обмяк, потом грустно уставился на заявление и вернул его Петру:

– Заявления о пропаже взрослого человека принимаются спустя трое суток.

Петр подумал, что эти три дня равняются трем годам жизни. Целой вечности. А их оставалось...

Он сидел в оцепенении. Он не мог вымолвить ни слова, не мог пошевелиться. Вдруг услышал спокойный, рассудительный и даже дружеский голос лейтенанта:

– Да не заморачивайся ты так. Нагуляется – вернется. У нас таких случаев знаешь сколько?

И серьезно добавил:

– Вот только, когда вернется – порешайте все любовно... Без нас... А то знаешь, как бывает... Чаше всего, тогда нас и вызывают. Только уже бывает поздно. Бытовуха, – закончил он и осклабился.

Петр в ужасе выскочил из отделения и окунулся в огромный город, кишачий людьми, и тот в предпраздничной су-

матохе охотно его встретил. А холодный, колючий снег сыпал со всех сторон. Он напоминал белый песок, который водопадом струился с небес и бил ему прямо в лицо.

17

Наступили долгие мучительные часы ожидания. Они неумолимо отсчитывали время, секунда за секундой, стуча в висках, а в голове билась одна и та же мысль: – Время уходит, он должен найти ее, должен быть рядом.

Он не звонил в больницы и морги, чувствуя, что она находится где-то рядом в этой пестрой толпе, и в безумии метался по городу, по его холодным улицам. Как будто снова летел с той горы, не глядя под ноги. Уже переступал через дома и кварталы, ощущая невероятную силу и желание найти ее, догнать, вернуть, просеяв этот город, каждую песчинку снега, каждую улицу, выхватывая из толпы все новые и новые лица, мчась стремительно, безоглядно с этой черной ледяной горы.

Поздно вечером остановился, осознав, что ее нигде нет. Неотступно преследовала мысль: – Она где-то рядом, он смотрит на нее, но не видит, не замечает.

Словно взгляд его был устремлен сквозь нее, но все это время ощущал ее незримое присутствие. А люди равнодушно проходили мимо, пробегали, падали на скользком льду, поднимались и, смеясь, неслись дальше. Секунды наматыва-

лись на минуты, минуты – на часы, превращаясь в гигантский клубок времени, который уносился в пропасть.

Дома долго слонялся по комнатам, отсчитывая шаги, что-то бормотал себе под нос. Казалось, сходит с ума. Его лишили жизненно важно органа, отобрали часть тела, кусочек души, и шаг за шагом ему казалось, что он проваливается в пустоту, бездну. Неожиданно взгляд его упал на рулон бумаги, свернутый в трубочку, торчащий из угла комнаты. По приезду он сунул его туда, не желая видеть, даже помнить о нем, но теперь достал и развернул. Это была ее картина. Сразу же в глаза бросились фигурки на скале. Потом овал лица женщины, которая не смотрела на него красивыми глазами – не было глаз, лица тоже не было, только хрупкий стан незнакомки и все. Первым желанием было разорвать полотно, сжечь его, уничтожить, словно картина была в чем-то виновата. Как будто она и отбирала у него Арину. Но это серое пятно не давало покоя, всецело притягивало внимание и в сознании промелькнуло:

– Ты обещал! Ты давал клятву!.. Как в детстве!..

– Действительно, детство какое-то, бред какой-то! – подумал он.

– Чем он сейчас занимается? Арина где-то одна в холодном городе, а он... Но почему-то продолжал всматриваться в этот простой сюжет. Сейчас он мучительно заставлял себя разглядеть в сером пустом овале очертание любимого человека. Уже гипнотизировал картину. Может быть, это она

гипнотически действовала на него, но оторвать свой взгляд уже не мог. И не хотел...

Вдруг в какой-то момент увидел ее глаза. Лицо оживало, женщина улыбалась! Ему улыбалась! Это была Арина! Он ясно различал ее курносый нос, улыбку, глаза. Сейчас она не смотрела на прочих там, на скале, держалась за перила и неотрывно следила за ним! Он сделал шаг в сторону – женщина повела глазами и снова улыбнулась, снова глаза их встретились! Она была где-то рядом! Нет, он не сходил с ума. Все происходило на самом деле! Это была Арина, живая и такая юная! Она стала еще моложе, была настоящей, не придуманной или нарисованной красками. Он перевел взгляд на свое изображение и обомлел. Лицо мужчины, то самое, которое Арина так скрупулезно прорисовывала, передавая абсолютное сходство, исчезло. На его месте теперь находилось серое пятно. Лицо выглядело, как пустая глазница. Снова посмотрел на женщину и уже ничего не понимал – теперь исчезало лицо Арины, но в тот же миг появлялось его. Это был мираж. Картина оживала. Она забирала одного человека, но в тот же миг, словно взамен, возвращала другого. Лица появлялись одно за другим в строгой очередности, но никогда вместе. Картина пыталась о чем-то ему сказать, и он мучительно соображал, пытаясь разгадать эту тайну, разглядеть лучше черты этих людей. Безумно захотел увидеть их одновременно на картине или хотя бы в своем воображении. Но, все было тщетно! И тут он понял!

Все predetermined! Они истратили время, которое им было дано свыше – целых десять лет, которые они могли быть вместе, но были только рядом. И теперь за это придется платить, и за последний месяц тоже. “За любовь неминуемо нужно платить... Выплачивать невысказанные проценты”, – вспомнил он мысль, непонятно откуда родившуюся в его сознании не так давно. За любовь и за “нелюбовь” тоже. А вторая стоила намного дороже. Если вспомнить, сколько лет она отобрала? Безумие! Нужно было взвешивать каждый день и час на весах времени, а они слонялись по разным комнатам и коридорам. Жили не вчера и не сегодня, только ждали призрачного “завтра”. И вот это “завтра” наступило. И теперь оно невидимой краской стирало их лица, отбирая жизнь, серым песком рисовало по картине, отбирая цвета, оставляя лишь мертвенную пустоту.

“Нужно было” – подумал он, – говорить так удел женщины, ему оставалось лишь одно – думать о будущем, сколько бы его не оставалось.

Отвернулся от картины. Он не понимал, что нужно делать, знал одно – Арина где-то недалеко, она жива, она рядом, и он должен ее найти.

Не спал всю ночь. На следующий день снова безуспешно скитался по городу. Иногда казалось, видел ее глаза в толпе, но, стоило подойти, Арина исчезала, и он оставался один на заснеженной улице, в городе, в мире, где сыпал снег, так по-

хожий на белый песок. В какой-то момент заметил странную парочку, которая совсем не походила на прочих людей. Он застыл и неотрывно за ними следил. Эти двое были словно с другой планеты. Они медленно брели по скверу, и о чем-то разговаривали. Напоминали они пару голубков, которых никто не интересовал, словно в этом городе были только они вдвоем. Зачем он их разглядывал – не понимал, но смотрел, не отрываясь. Это была пара пожилых интеллигентных людей. Мужчина галантно поддерживал свою спутницу под локоть, а в другой руке держал книгу и увлеченно читал. Женщина внимательно слушала, смотрела на мужчину с неподдельным интересом, что-то говорила. Тот отрывался от чтения, отвечал ей. Чем-то эти двое его поражали. Они не принадлежали этому миру, не мчались привычными маршрутами, никуда не торопились, неспешно плелись своей дорогой, читали и разговаривали. И вдруг Петра осенило – эти два пожилых человека были очень друг на друга похожи. Абсолютно похожи! У них были одинаковые повадки, манеры, даже лица. Нет, это не близнецы, он почему-то был в этом уверен. Скорее всего, перед ним была пожилая супружеская пара. Поражало, с каким интересом и восторгом смотрели они друг на друга! Такое невозможно себе представить сегодня! Скорее всего, они были знакомы многие годы – десятки, или даже сотни лет – судя по тому, как за эту долгую жизнь их лица изменились и стали друг на друга походять. Они не бились в агонии последних дней своей жизни, а потому не мог-

ли оторваться друг от друга, не покупали себе этот интерес, заполняя жизнь праздником и безумием, не ходили по шикарным ресторанам и не плавали на белом корабле. Судя по их скромным одеждам, никогда не были на той далекой горе и не встречали удивительный рассвет в океане. Просто шли по улице и разговаривали! Им было этого достаточно! Смотреть друг на друга, читать, разговаривать. И все?! Еще держать друг друга за руку. Делали они это многие годы, всю свою долгую жизнь, изо дня в день, но интерес, который не померк в их глазах, поражал.

Вдруг у Петра в голове промелькнуло:

– В один день и час... Уйдут из этого мира они в один день и час.

Он знал это точно, он видел это, чувствовал. А еще знал, если бы каждый день жизни у этих двоих равнялся году – вместе они прожили бы миллионы лет! И спустя столько времени, проведенного вместе, снова шли и читали свою книгу.

Петр узнал этих двоих. Они жили в соседнем доме. Каждый день он проходил мимо, не обращая на них внимания. Временами они напоминали ему сумасшедших. Они не тащили тяжелые сумки из магазинов, не сидели немощно на скамейках, от скуки считая голубей, жалуясь на судьбу, никогда не ходили поодиночке – только вместе. Читали, разговаривали, поддерживая друг друга под руку. Все происходило в его городе, на его улице, на его глазах. Раньше он их не замечал, но теперь был потрясен видом странной пожилой

четы. И снова возникли эти слова:

– В один день и час.

И острое чувство зависти судорогой пробежало по телу...

Те подошли вплотную, Петр неожиданно для себя поздоровался. Они на мгновение оторвались друг от друга, изумленно на него уставились. Он вторгся в их жизненное пространство. Он нарушал трогательный столетний союз, ритуал их прогулки, стоя перед ними и заслонял дорогу. Ему стало неловко, но почему-то нестерпимо захотелось узнать, о чем они говорят, что это за книга, которая их объединяла. Но никто не собирался посвящать его в это таинство, в священный орден, в союз двух разных, но таких похожих людей. Хотел уже отойти, загладив свою бестактность, но пожилой мужчина вдруг улыбнулся и тоже поздоровался. Глаза его супруги засияли, и лицо озарилось лучезарной улыбкой. Она приветливо ему кивнула, и Петр снова удивился – их улыбки были поразительно схожи. Улыбки, глаза и морщинки. Словно он здоровался и смотрел на одного человека. И единство это поражало...

Он не спал вторую ночь. Выбегал из дома, шатался по улицам, но скоро возвращался в надежде, что она пришла. Пришла, а его нет. Но снова натыкался на пустую квартиру. Арина была в городе – он чувствовал это. Она была где-то рядом, но ему не дано было ее найти, и он опять сходил с ума. В этом стремительном скитании внезапно почувствовал, что

играет в какую-то запретную игру. Только чудом в огромном городе можно было разыскать человека, слоняясь по улицам. Только чудо могло ему помочь! Но еще недавно он хотел этого чуда от нее! Даже требовал! Теперь сам сделай простую вещь – найди ее! – изводил он себя. – Все просто!

Километры дорог и тротуаров, районы и кварталы, скелеты домов и магазинов, казалось, все объединились против него, все скрывали Арину, но она была где-то рядом. Понимал одно – он должен что-то сделать. Безумие продолжалось.

Вот забрезжил поздний рассвет, уже холодный день наваливался сугробами на тротуары, вечер зажигал фонари и иллюминацию в витринах магазинов и офисов, но для него время это превратилось в один бесконечный день, и только часы неумолимо отсчитывали время.

Мысленно он снова и снова возвращался к картине. В ней таился какой-то секрет, он знал это, он должен был его разгадать. Зачем он давал ту чертову клятву? Арина его обманула, но теперь эта картина была ключом к разгадке. Снова подумал: на картине, которую оставила Арина, может находиться только один из них – это предопределено, это написано рукой неизвестного художника, который помогал ей накладывать краски. Если это так – для него картина теряла смысл. Он не хотел видеть другое лицо в образе недорисованной женщины, и рисовать картину тоже не собирался... Стоп!

Он замер на ходу, задумался, и какая-то странная мысль

уже чудесным образом рождалась в голове. Она была рядом, лежала на, запорошенном снегом, тротуаре или витала в воздухе вместе со снежинками. Оставалось протянуть руку, на лету поймать ее или подобрать.

– Рисовать?... Почему нет? – подумал он. – Но, как это сделать? Он никогда не брал в руки кисть. И зачем?...

Пришел в себя, понял, что зашел слишком далеко. Идиотизм. Он сходит с ума!

Сделал несколько шагов,... несколько ледяных шагов, поймал на лету горсть снежинок... и вдруг понял, почувствовал каждой клеточкой воспаленного мозга: он должен ее нарисовать! Сделать это именно своей рукой! Замазать серое пятно и вернуть Арину. Он давал клятву и обязан ее выполнить! Все просто! Только вдвоем когда-то могли они прожить эту жизнь, но раз уж так случилось, сейчас только вместе они справятся с этим проклятием. Арина свою часть картины нарисовала, оставалась часть его. Если он поможет ей, если нарисует ее лицо – нарисует их жизнь! Вместе они смогут все! И теперь знал, что непременно найдет Арину, которая снова будет молодой и здоровой, как прежде! В своем безумном порыве он чувствовал это и повторял: – Если он своей неумелой рукой дорисует эту чертову картину – он вернет Арину и их будущее. Все просто! Всего несколько мазков, несколько штрихов... Он был абсолютно уверен в этом, и никакая сила не могла его переубедить! И плевать на предопределения, суеверия, линии жизни – теперь эти ли-

нии он нарисует сам!

Вдруг в голове мелькнуло: – Ты с кем играешь?

Задумался, усмехнулся, так и не понял, откуда возникла эта мысль, но теперь ему было все равно.

Он вскочил с места, к которому почти примерз и чуть не сбил на ходу каких-то людей. Хотел уже мчаться дальше, не обращая на них внимания, вдруг остановился. Перед ним были знакомые лица, такие похожие друг на друга глаза, удивительные улыбки. Снова эти двое. Они улыбаются ему с теплотой, как знакомому родному человеку. Мужчина держит под руку свою даму, в другой руке неизменно книгу и смотрит на него, и жена его смотрит с интересом и тоже улыбается. Они поздоровались. Петр почему-то невероятно им обрадовался, ответив поклоном. Сейчас эта встреча была чудом, наваждением, хорошим знаком и доброй вестью. На мгновение почувствовал себя третьим в “чудесном ордене”, в этой маленькой семье, и уже не было так одиноко на ледяной улице. Его словно принимали в таинственное братство, где люди улыбаются, держат друг друга под руку и... умирают в один день и час, – внезапно подумал он.

– Нужно бежать, – воскликнул он. – Мне срочно нужно бежать!

– Да-да, конечно! – понимающе ответила женщина, а голос ее был, словно у феи из детской сказки.

– Удачи, – мудро заметил ее спутник, посмотрев на него так, словно все знал и понимал. Откуда знал? Может быть,

это было написано в его книге?

Но Петр уже мчался по улице, и остаток пути его согревала улыбка, которой на прощанье одарили эти удивительные люди, у которых был свой город и улица, свой сквер и долгая жизнь на двоих, где прожили они миллионы лет.

Он не спал третьи сутки. У Арины кончались таблетки. Она забрала флакон. Он не смог его найти, и был уверен, что она принимает их, где бы ни находилась. Дело оставалось за ним. А невероятная слепая вера толкала на странное, необъяснимое действие – взять в руки кисть и нарисовать ее.

На кого он сейчас был похож? На безумца, фанатика, уставшего параноика? Чью картину он хотел изменить, над кем смеялся, с кем играл, во что играл? Но ему было на это совершенно наплевать! Только лихорадочно смотрел на картину, на тюбики с красками, палитру и принимал решение, снова и снова вглядываясь в пустой овал лица, бормоча: – Он должен ее нарисовать! Это невозможно? Он требовал от нее невозможного – теперь настал его черед!

То, что он делал дальше, не поддавалось описанию. Он не помнил, что творил. Сначала долго смотрел на серое пятно, пытаясь узнать в нем Арину. Потом развел краски. Сделал это как-то просто. В эту минуту все было настолько очевидным, что он ни капли не сомневался в своих действиях. Лишь раздражало серое пятно, похожее на кляксу песка, за

которой скрывался любимый образ. Были ли у него сомнения? Нет! Мог ли он сомневаться, когда рисовал ее? Это было прозрение. Он знал каждую клеточку ее лица, чувствовал ее мысли, когда она там, на крыльце, смотрела на него, на детей. Ее детей. Он слышал эти мысли, оставалось передать их красками.

Как все оказалось просто! Какое-то великое и естественное умение было заложено природой в нем самом, в руках, голове, и он смело накладывал первые мазки. Мог ли он ошибиться, когда рисовал любимого человека? Внезапно он почувствовал в себе великое знание или умение – передавал его простыми движениями кисти, а маленькое серое пятнышко оживало. Знание находилось рядом. Оно было в нем самом. Неожиданно услышал музыку, которая зазвучала в голове. Случись положить ее портрет на ноты – сделал бы это с легкостью. Его пальцы уже мяли податливую глину, из которой рождались черты ее лица. Он чертил в воздухе формулы, и те объясняли на языке неведомой науки ее чувства, переживания, мысли и слова, которые Арина готова была произнести. Буквы складывались в слова, слова в строки, строфы. Рифмы наполняли воздух причудливым звучанием, удивительные стихи и оды рождались в сознании, они пели о любви и красоте, о жизни и времени, и время это стало бесконечным. Оно застыло, замерло и снова принадлежало ему. Эти строки готовы были перенестись сквозь столетия, представ перед пораженными потомками. И те преклонили бы

колена свои пред музыкой этой, чудесными звуками далеких неземных инструментов, перед стихами, рожденными в горячке любви, и написаны они были без времени...

Без неумолимого истечения минут и столетий.

Родились они на далекой планете.

И теперь согревали сердца...

Это было откровение! Где-то рядом находилась маленькая кладовая, которая в этот миг распахнула перед ним дверцы или врата, и он доставал оттуда знания и умения, невиданный дар, который был дан ему свыше, мимо которого в жизни своей он так умело проходил.

Но он не знал об этом ничего, не замечал! Он не умел этого делать! Умел! Посмотри на ее лицо – это она! Ты рисуешь Ее! Ты протянул руку и вынул из-за пазухи краски, которыми творишь чудеса. А может, ты и был рожден для того, чтобы написать эту картину и другие тоже. Написать Арину, ее маленьких детей. А еще написать любовь. Ту самую, которая открывала перед тобой заветную дверцу. Он чувствовал, что находился в удивительном мире, где время замерло, остановилось, оно больше не существовало. Здесь были собраны все знания и богатства вселенной, и сейчас он легким движением руки смело распорядился ими – водил кистью...

Возвращаться не хотелось... Не хотелось! Но, его ждала Арина. Устало, оцепенело отошел от картины, отбросив

кисть, посмотрел на полотно. Стало страшно. На картине появилась Она. Арина была настоящей, совершенной копией той живой, такой молодой женщины, которую он искал, но не находил. Уже не верил, что сделал это. А в углу картины на парапете сидел человек, который безумно был похож на него, и на детей. Он не исчез, не был стерт краской времени, замазан серым цветом или засыпан песком. Сидел и улыбался. Все эти люди занимали свои места, а краски совсем не поблекли. Он замазал последнее серое пятно, и картина заиграла, обретая смысл. Он вернул жизнь, поместив ее на этой скале. Он выполнил обещание, выполнил клятву! Он был счастлив! И еще был абсолютно уверен, что, выйдя на улицу, сразу же найдет ее. Арина снова будет молодой, такой же, как и прежде! Все просто!..

Почувствовал невероятную усталость. В последний раз мысленно оглянулся на место, где сверкали, переливаясь, потаенные чудеса и знания, звучала волшебная музыка, таились формулы, мелькали строки стихов. Но их звучание становилось все тише и тише. Маленькая кладовая закрывалась. И тогда он понял – если есть Бог, он обитает в этом месте, он в каждом из нас, без преискурантов и ценников, в кладовой, которую ты открываешь для себя или проходишь мимо проходя. В искре, которая дарована каждому, дарована судьбой, нужно только ее заметить, и тогда она засверкает яркой звездой.

Но сейчас он очень устал. Он не спал три дня, пропустил три таблетки, которые где-то далеко от него Арина выпила. Сделала это без него. Но знал точно – она ждет его. И, не раздумывая, бросился в этот город, навстречу празднику и безумию, гирляндам и елочным базарам, подаркам, которые теперь он сумеет подарить ей...

– Ты с кем играешь? – неслось вдогонку, но этих слов он не слышал. Или не захотел услышать...

Легко несся по утреннему городу, скользя по пушистому снегу, который теперь радовал его. Шел коротким маршрутом, зная, куда идет и был абсолютно уверен, что разыщет ее. Неподалеку на скамейке заметил миниатюрную фигурку. Вспомнил, что каждый день проходил мимо. Проходил, не замечая, но сейчас неотрывно на нее смотрел, сокращая ненавистное расстояние. Женщина сидела и ждала его. Это была Арина, он сразу же ее узнал. Она была такая же, как прежде, какой он только что ее нарисовал. Нарисовал в воображении и на картине. А картина эта ждала их дома. Он выполнил обещание...

Подошел ближе, сел рядом, взял ее за руку, и родное тепло передалось ему.

– Я не смогла уйти от тебя, – прошептала она, – я пыталась, но не смогла.

– Здравствуй, моя собака, – сказал он и обнял ее. Перевернул взгляд... На него смотрели синие, бездонные глаза, ко-

торые он так любил, а вокруг них... Он был потрясен! Этого не могло быть! Вокруг глаз виднелись маленькие морщинки, волосы ее были совершенно седыми, взгляд усталым, потеряннным, и только где-то в глубине таилась маленькая искорка счастья и горечи, которая все перевернула в его душе. Он не сумел ей помочь! Сумел лишь найти ее, но снова терял, а откуда-то шепотом, словно эхом, донеслись страшные слова:

– Ты с кем играешь?

18

Так случилось, что жизнь отобрала у них три дня. Три года или три жизни, это уже было не важно. Они медленно шли по дороге домой и молчали. Навстречу попались два человека. Два крошечных существа. Один поддерживал другого под руку. Они шли и о чем-то разговаривали, спорили, никого не замечая. Вдруг замерли. Им было хорошо вдвоем, им никто не был нужен, но теперь они смотрели удивительно одинаковыми глазами, как будто все понимая. Им было нечего сказать – есть вещи, которые преодолеть невозможно, объяснить тоже, только понять, а они понимали. Наверное, это немало. Напоследок, молча кивнули, и пошли своей дорогой. А какой длины будет этот путь, сколько им еще держаться за руки, этого не знал никто. Оставалось уповать на время: “И чтобы в один день и час”...

Арина, увидев картину, была поражена. Долго перед ней

стояла, не понимая, смотрела и молчала. Он видел только ее спину, но показалось, что она плачет, а с картины смотрели молодые люди, их дети – они сидели на своей горе, и маленький кораблик в нетерпении раздувал паруса, а уютный белый домик приглашал зайти и остаться там навсегда.

Наконец, Арина вымолвила:

– Прости меня, – больше не проронила ни слова, а во флаконе оставалась последняя таблетка. Она спокойно открыла стеклянный флакон, на секунду задумалась, достала ее и выпила. Теперь они могли надеяться только на себя...

Они знали, что сегодня что-то произойдет, оба чувствовали это и вечером снова легли в одну постель, как и прежде. Держали друг друга за руку и молчали. Как это удивительно – чувствовать родное существо, ощущать его так близко, не мчаться по дорогам или крутым склонам, заполняя или покупая жизнь, не плыть в бесконечности океана, оглядываясь на чужие страны и города. Не ходить на чужие праздники, не сидеть в ресторанах или на вершине вулкана, просто, взявшись за руки, слушать, как рядом бьется родное сердце. Разве бывают минуты близости, которые могут заменить такое простое действие, держать кого-то за руку и думать о Нем. О Ней! Все оказалось просто! И ничего больше не нужно...

– Как хочется закончить все в один день и час. Стать таким, как она, добавить годы. Повзрослеть, постареть и уйти вместе с ней, – думал он, вспоминая сокровенную комна-

ту, где побывал сегодня. Там, где исполнялись желания, где все тайны мира были разложены по полочкам, стоило только протянуть руку. А так хотелось ее протянуть...

Арина была рядом. На мгновение ей передалось это неуловимое чувство, она словно прозрела, почувствовала это прикосновение и трепетала от неожиданной волны, захлестнувшей все ее существо. Впервые в жизни она почувствовала это “время”, и теперь в нем растворялась. А время для нее остановилось. Оно стало послушным и отдавало, дарило ей себя, как солнце над верхушкой горы, которое так любило ее, как черная гора, по которой неслась она без оглядки, как картина, которую нарисовала по мановению или чудесному прозрению. В этот миг словно двери или врата открывались перед ней, а там... Оставалось протянуть руку...

– Как хочется вернуться к нему, проснуться, снова быть молодой и подарить эту длинную жизнь ему, – думала она, возвращаясь из чудесного места, из волшебной страны, захватив с собой частицу маленькой звезды. Может быть, не звезды – искры. Но очень и очень яркой...

Кровь разливалась по телу. Он держал ее за руку, и вены их превращались в сообщающиеся сосуды. Тепло передавалось от руки к руке, крепко сжимавших друг друга. Кровь переливалась по их телам. В этот миг они стали единым целым. Ощущали друг друга каждой клеточкой, биением сердца, каждым вздохом. Линии на их ладонях разгладились и

готовились нарисовать новый рисунок в их судьбе. Только мысли у каждого были свои...

Она проснулась и почувствовала невероятный прилив энергии. Легко вскочила с кровати и бросилась к большому зеркалу. Заглянула в него и остолбенела! Молодое лицо, юное тело, черные волосы. Сейчас она была какой-то необычной, воздушной и призрачной. Совсем не походила на людей в этом замерзшем городе, заснеженном мире, ее словно легким ветерком занесло сюда. Ее присутствие отличала мимолетность и нереальность. Она была из другого времени, другой жизни, планеты, другого измерения. Кожа ее была загорелой, а глаза светились теплой улыбкой. Она с восторгом повернулась к нему. Ее глаза с пронзительной нежностью смотрели на этого зимнего человека, и он не мог оторвать от нее своего взгляда. Он любовался ею, отдаваясь всецело созерцанию юного существа, и временами казалось, что это мираж, сказка – сейчас она вспорхнет и улетит, растворится в зимнем дне. Поэтому, не отрываясь, вглядывался в ее удивительные синие глаза цвета морской волны. Волны, когда предгрозовое море становится черным, иссиня-черным, и уже готовится нетерпеливо накатить на берег, снося и низвергая все на своем пути. Но, пока только готовилось к буре, и частичка лета мерцала, улыбаясь в ее волшебном взгляде. Жаркого, сумасшедшего лета, которое хотелось удержать, продлить на долгую жизнь и раствориться,

оставшись там навсегда...

Он сидел у изголовья кровати и смотрел на нее, а из глаз катились слезы. Они текли по морщинистым щекам, падали на одеяло, на руки, украшенные старческими жилками и прозрачной кожей. Он издал тихий стон. Его длинные волосы были абсолютно седыми. Она в ужасе отшатнулась, и вдруг в сознании промелькнуло:

– Боже мой! Как он красив! Так может быть красив только старец с юными глазами, мокрыми от слез.

Он долго любовался ею, а она им, они смотрели друг на друга не в силах вымолвить ни слова. Потом он собрал остатки сил и тихо произнес:

– Прости меня, мы снова немножко разминулись.

Больше он не проронил ни слова...

* * *

А в это время на картине, стоящей в углу, поблекли краски. Еще вчера они были так выразительны, светились улыбками маленьких людей, забравшихся на свою скалу, на верхушку горы, на вершину мечты, но теперь осыпались. И вот уже желтый песок заструился, наносимый чьей-то безжалостной кистью. Снова серый фон, словно желтый туман.

Но вот замелькали картинки какой-то жизни. Они сменяли друг друга, были красочны, но мимолетны. Словно кинолента листала кадры немого кино, а песок все сыпался, сме-

няя одну картинку другой:

Вот автобусы везли сонных туристов к стенам Старого Города. Те лениво потягивались, смотрели в окна, постепенно просыпаясь – сегодня они будут Там. Они прикоснутся, они увидят! Им будет, о чем рассказать!

И снова кисточка нежно и ласково наносила серый песок...

Море плескалось, разбивая волны о скалы и широкие пляжи. Старый еврей уже вышел из своего домика и, потягиваясь, смотрел на солнце, подставляя ему загорелое, сморщенное лицо, на волны, на кафе, куда скоро заглянут первые туристы выпить чашечку утреннего кофе, а он, как и прежде, будет обслуживать их, готовить еду, зарабатывая на хлеб свой нехитрый.

И снова только размеренное шуршание. Снова сыпался серый песок...

Где-то высоко в горах неслись горнолыжники, рассекая черные трассы, покрытые толстым слоем снега. На высоком вулкане ослепительным факелом засияла верхушка горы, встречая одинокий рассвет в океане.

А где-то далеко-далеко плыл маленький белый кораблик. Ветер трепал его паруса, штурвал указывал направление в бесконечной водной стихии, нос его уверенно разрезал беспокойные волны океана. И только палуба его была пуста...

Май 2013 г.